

А. Ф. Ю д е н к о в

ЗА

**ОГНЕННОЙ
ЧЕРТОЙ**

Андрей Федорович
ЮДЕНКОВ
(фото 1964 года)

В О Е Н Н Ы Е М Е М У А Р Ы

А. Ф. Юденков

ЗА ОГНЕННОЙ ЧЕРТОЙ

7859

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1966

Восемь коммунистов из Ельни и близлежащих деревень ушли в леса в первые месяцы Великой Отечественной войны. Вокруг них в скором времени сплотилось более четырех тысяч патриотов, составивших партизанский полк имени Сергея Лазо. В результате дерзких налетов на оккупантов партизаны этого полка освободили и длительное время удерживали в своих руках около трехсот населенных пунктов; захватили у врага не одну сотню пулеметов, тяжелые минометы, пушки и даже несколько танков.

Автор книги А. Ф. Юденков — бывший комиссар полка имени Сергея Лазо. Просто и задушевно, словно беседуя со старым другом, встретившимся после долгой разлуки, рассказывает он о событиях, развернувшихся в лесах Смоленщины почти четверть века назад. А партизанскому комиссару есть о чем вспомнить.

Книгу «За огненной чертой» с интересом прочитают люди самых различных возрастов и профессий.

ЕЛЬНЯ — ФРОНТОВОЙ ГОРОД

Есть на Смоленщине старинный русский городок Ельня. Расположен он на железной дороге Смоленск — Мичуринск, неподалеку от того места, где берут начало реки Десна и Угра. События, о которых я собираюсь рассказать, происходили в годы Великой Отечественной войны в окрестностях этого городка. Но прежде несколько слов о нем самом.

Ельня существует много веков. Впервые она была упомянута еще в 1150 году в уставной грамоте смоленского князя Ростислава, внука знаменитого Владимира Мономаха.

Во время Отечественной войны 1812 года в районе Ельни действовали русские партизанские отряды. Опасаясь нападения партизан, французский генерал Ожеро, разбившийся со своей бригадой в Ельне, был вынужден укрепить улицы города и постоянно держать настороже гарнизон.

В дни отступления наполеоновской армии здесь, у Ельни, против бригады Ожеро развернули боевые действия прославленные партизанские отряды Дениса Давыдова, Александра Сеславина и Александра Фигнера. Окружив бригаду, партизаны нанесли ей тяжелое поражение. Сам Ожеро с шестьюдесятью офицерами и двумя тысячами солдат вынужден был сдаться в плен.

После освобождения Вязьмы, преследуя отступавшего из-под Москвы противника, главные силы Кутузова свернули с Большой Смоленской дороги на Ельню. 8 ноября 1812 года Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов прибыл в Ельню, которая на время стала Главной квартирой русской армии...

До революции Ельня была заштатным провинциальным уездным городом.

За годы Советской власти город оживился. Появилось даже несколько заводов. И все же Ельнинский район остался типичным сельскохозяйственным районом Смоленщины.

Мое детство и юность прошли в пригородных деревнях. В Ельне я закончил семилетку, затем работал в школах района пионервожатым и секретарем комсомольской организации.

В Коробецкой средней школе я сдружился с завучем Василием Васильевичем Казубским. Дружбу нашу мы пронесли через всю жизнь.

В этой книге много будет сказано о В. В. Казубском, одном из организаторов, а впоследствии командире партизанского полка имени Сергея Лазо. Поэтому мне хочется сразу познакомить читателя с этим замечательным и в то же время самым обыкновенным человеком.

К началу войны ему было уже за тридцать. Отец Казубского, безземельный крестьянин, уроженец Волынской губернии, попал на Смоленщину в поисках заработка. После Октябрьской революции он получил земельный надел и сделал все, чтобы дать детям образование. Умный, застенчивый Вася Казубский хорошо учился, и, когда в 1918 году в селе Покровском, в бывшем имении помещика Монтицкого, открылась школа второй ступени, Васю приняли туда с правом обучения на государственный счет. Окончив школу, Казубский работал секретарем Мархоткинской волостной ячейки комсомола.

В то время стране очень нужны были учителя. Осенью 1924 года уездный отдел народного образования направил Василия Казубского на краткосрочные курсы красного учительства. С тех пор, вплоть до самой войны, он работал педагогом во многих школах, был инспектором Павлиновского, Ельнинского и Вяземского районных отделов народного образования, а затем — директором Коробецкой средней школы, где одновременно преподавал ботанику. Перед войной Казубский вступил в партию.

Будучи человеком трудолюбивым и любознательным, он успешно учился заочно в Смоленском педагогическом институте на факультете естествознания и химии.

В Коробце я проработал с Василием Васильевичем всего год, а затем уехал на учебу в Юхновскую полит-

просветшколу. Но связи с Казубским не терял. Летние каникулы иногда проводил в Коробце: там, в пионерском лагере, работала вожатой моя любимая девушка Наташа.

Немало в те годы было у нас с Василием Васильевичем душевных бесед, при этом меня неизменно трогала его искренняя забота о людях. Если над чьей-нибудь головой сгустились тучи, Казубский всегда был готов помочь и советом и делом. Люди платили ему за это искренней привязанностью и глубоким уважением. В районе, по-моему, не было педагога, который бы не знал Василия Васильевича, а колхозники окрестных деревень просто не чаяли в нем души.

Незаметно пролетели годы моей учебы. Закончив политехническую школу, я вернулся в Ельню, твердо решив в дальнейшем поступить в институт. Но в начале 1940 года нашу семью постигло большое горе: на строительстве под Ленинградом в результате несчастного случая погиб отец. На мои плечи легла забота о матери и четырех малолетних братьях.

Накануне войны, еще и года не проработав инспектором Ельнинского отдела народного образования, я женился на той самой Наташе, с которой встречался в Коробце. Мы оба стали заочниками Смоленского педагогического института и мечтали о том времени, когда доведется преподавать в школе. Даже школу облюбовали. Перед самой войной на родине нашего земляка композитора Глинки, в селе Новоспасском, собирались построить школу и назвать ее именем композитора. Вот туда-то, в лесной край, и думали уехать мы с Наташей.

Помимо работы в районном отделе народного образования мне приходилось выполнять немало всяких общественных поручений. В частности, я был вторым секретарем райкома комсомола.

Забой хватало. По инициативе молодого неугомонного секретаря райкома партии Якова Петровича Валуева и пожилого хозяйственного, вечно чем-нибудь озабоченного председателя райисполкома Андрея Семеновича Анискина у нас в районе началась постройка узкоколейной дороги от полустанка Колошино до торфоразработок «Голубов мох». Работали здесь добровольцы и с делом справились отлично. Новая узкоко-

лейка позволила подвозить добытый торф к железнодорожной станции и отправлять его в Ельню, Смоленск и другие города. Стройку закончили своевременно. Успех воодушевил и руководителей и колхозников. Тут же нашлось дело посложнее. По предложению райкома партии в начале лета 1941 года колхозники Ельнинского и Глинковского районов взялись за осушение поймы реки Стряна. И люди отвоевали у болота около семи тысяч гектаров земли.

Жизнь в районе была ключом, но время было тревожное. Гитлеровцы, одержавшие довольно легкие победы в Европе, все больше нагнали. Руководители района не случайно заботились о повышении боевой готовности населения, старались вооружить его военными знаниями. Не остался в стороне от этого дела и комсомол. Активную работу развернул Осоавиахим.

В субботу 21 июня 1941 года в Ельне по указанию райкома партии была назначена военная игра — этакие маневры в миниатюре. Все учреждения и предприятия города получили приказ штаба обороны района, обязывавший коммунистов и комсомольцев явиться к шести часам вечера в дом обороны, имея с собою противогазы. О причинах вызова не сообщалось.

Собравшихся разбили на взводы, роты, батальоны. Были выделены командиры и политработники. Штаб обороны во главе с секретарями райкома партии Я. П. Валухевым и И. П. Гусевым поставил боевую задачу: разведать силы наступающего «противника», вступить в «бой» и «разгромить» его. На выполнение задачи ушла вся ночь. И только на рассвете километрах в пяти от Ельни мы встретились с «противником» — учащимися ремесленного училища, открытого незадолго до этого в Ельне.

В то утро стояла дивная погода. Дорога к дому вилась среди тучных нив. Уже высоко вытянулась ровная и густая рожь, зеленели посевы льна. Виды на урожай были отличные.

Несмотря на бессонную ночь и усталость, настроение у всех приподнятое. Что такое одна бессонная ночь и поход на два десятка километров, когда тебе от роду 22 года и силушку некуда девать!

Часов в десять утра я пришел домой, лег и заснул богатырским сном. А в это время...

А в это время на всем протяжении западной границы уже гремела война. Тысячи орудий и самолетов обрушили смерть на наши пограничные заставы, на мирные города.

Меня разбудила Наташа. По ее встревоженному лицу я понял: что-то случилось. Прерывающимся, каким-то чужим голосом она не сказала, а, скорее, выдохнула из себя:

— Война, Андрей! Сегодня на рассвете немцы бомбили Киев и Одессу...

Рядом с кроватью стоял на столе маленький детекторный приемник. В Шарапове, где мы тогда жили, он был чуть ли не единственным.

Я быстро надел наушники. Радио передавало заявление Советского правительства. В нем излагались обстоятельства переломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. Заявление заканчивалось словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Вихрь самых разнообразных мыслей пронесся в голове, и среди них самая главная: «Что делать сейчас, немедленно?»

Через несколько минут и уже мчался на велосипеде в Ельню. Перед зданием райкома проходил митинг. Выступали руководители района — Валуев, Аниськов, а также рабочие, колхозники. Их речи были боевыми, полными надежд на скорую победу. Все свято верили: враг будет разгромлен в самые ближайшие дни... «Это Гитлеру не Европа, здесь ему быстро обломают зубы!»

Восконат всаждали сотни людей, в особенности молодежи. Просьба у всех одна: «Пошлите скорее на фронт громить врага». Я тоже в первый день войны подал заявление с просьбой отправить меня добровольцем на фронт. Призыву по мобилизации не подлежал: был снят с военного учета из-за расширения вен правой голени.

К черту расширенные вены, я здоров, как бык, и не буду сидеть в тылу! Но мой номер, как говорится, не прошел: в армию не взяли. Велика была обида, да делать нечего, пришлось смириться.

Наш тихий городок стал походить на растревоженный муравейник. На второй день войны состоялся пленум райкома партии. В колхозы были направлены комму-

нисты для разъяснения населению его задач в условиях войны. В Ельне создали роту ЧОН (часть особого назначения), в которую вошел партийный и комсомольский актив, в том числе и я. Рота ЧОН (позднее такие формирования назывались истребительными батальонами) несла караульную службу, патрулировала по улицам, следила за порядком в городе и на мобилизационном пункте, охраняла железнодорожный мост, водокачку на Десне. Через несколько дней роту перевели на казарменное положение.

В районе четко и организованно прошла мобилизация людей и транспорта. Армии было передано более пяти тысяч лошадей, много повозок, автомашин и тракторов.

Рота ЧОН изучала военное дело и горела желанием драться с неприятелем, но пока такого случая не выпадало. И вдруг однажды по телефону сообщили, что неподалеку от полевого аэродрома высадился вражеский десант, охрана аэродрома ведет бой. Поднятым по тревоге чоновцам приказали ударить с тыла. Погрузившись в автомашины, мы вскоре оказались возле предполагаемого места высадки десанта. К аэродрому начали подкрадываться без всякой разведки. Патрули и секреты аэродрома предупреждены не были и продержали нас больше часа с поднятыми руками, пока из штаба не приехал начальник и всех не отпустил. Слух о десанте оказался ложным.

Это, конечно, нас разочаровало. Но наука пошла впрок: мы учились быть осмотрительными.

Незадолго до оккупации района гитлеровцы действительно выбросили десант с целью захвата аэродрома. Чоновцы вместе с подразделением регулярных войск разбили его. Это было боевое крещение будущих партизан.

Спустя неделю после начала войны фашистские самолеты бомбили Смоленск. Через Ельню на восток потянулись беженцы, шли эшелоны с ранеными, эвакуированными, имуществом. Докатывались до наших мест в остатки разбитых советских частей с западной границы.

Фронт довольно быстро приближался к Ельне. Бой шли где-то под Витебском. В Ельню прибыла пехотная дивизия и стала готовить линию обороны. Почти все

население района участвовало в строительстве оборонительных сооружений. Копали противотанковые рвы, заготавливали в лесу колья для заграждений, ремонтировали дороги и мосты через многочисленные речки и болота, работали на аэродромах. Начальником одного из участков строительства оборонительной полосы на Угре был Василий Васильевич Казубский. Под его руководством находилось более тысячи рабочих, колхозников и служащих. Позднее Василий Васильевич не без иронии вспоминал, что на некоторое время ему пришлось стать «инженером-строителем».

Помимо местных жителей оборонительные сооружения под Ельней строили тысячи москвичей.

У районной партийной организации, кроме этого, было много и других важных дел. Пришла пора убирать урожай на колхозных полях, эвакуировать людей и материальные ценности в глубь страны. Ельнинский райком и райисполком разработали план эвакуации, с которым ознакомили все колхозы и предприятия. Эвакуация населения и материальных ценностей прошла организованно.

По указанию обкома партии партийные организации начали готовиться к работе в условиях подполья, развернулась подготовка к предстоящей партизанской борьбе. На специальном совещании в райкоме партии, проходившем под председательством Я. П. Валуева, определяли, кто из коммунистов должен остаться в тылу врага, назначили командиров партизанских групп; установили явки и систему связи. Командиром одной из таких групп стал Василий Васильевич Казубский, который в то время был председателем Коробецкого сельсовета. Командиром другой группы назначили Тарасенкова*.

В середине июля меня вызвал в райком партии Иван Павлович Гусев. У него в кабинете находился представитель фронтовой разведки. Мне поручили остаться на оккупированной территории, если фашистские войска займут Ельнинский район, постараться незаметно жить в деревне и, когда враги восстановят сообщение на железной дороге Смоленск — Мичуринск, проводить диверсии, взрывать рельсы и мосты. Для этих целей я тут же получил килограмма три тола в виде шашек по 200

* Впоследствии стал предателем. (Прим. авт.)

и 400 граммов, несколько метров бикфордова шнура и с десяток взрывателей. Кроме того, дали винтовку, кажется, японского образца, сотню патронов к ней и наган. «Снаряжение» было не из лучших. Но такая слабая экипировка будущего подрывника не являлась результатом чьей-нибудь халатности или злого умысла. Просто тогда не только гражданские, но и военные люди не имели опыта ведения войны в тылу врага и не знали, как развернутся события.

По правде сказать, не по душе пришлось мне это задание. Остаться на оккупированной территории и ждать, пока гитлеровцы восстановят железную дорогу, а затем произвести две-три диверсии (на большее не хватило бы взрывчатки) — да разве же это дело! Уж если оставаться во вражеском тылу, так драться вместе со всеми в партизанском отряде... Я не решился высказать вслух эти мысли. Однако Ивана Павловича, умного и хитрого мужика, не проведешь. Он как бы угадал мои сомнения и строго сказал:

— Не думай, что это пустяковое задание. Одна удачная диверсия стоит иногда выигранного боя. Только дело надо делать с умом. Да смотри, не пори горячку, я тебя знаю. Сунешь нос в какое-нибудь пекло, и все кончено, а мы будем надеяться, что тут работает наш человек. Ну а теперь иди. На работу больше не являйся. Готовься хорошо выполнять задание. — Иван Павлович похлопал меня по плечу, затем крепко прижал к себе и добавил: — Верю, что все сделаешь как надо. Мы еще встретимся.

Уже у самой двери, уходя от Гусева, я спросил:

— Наташе можно сказать о задании? Ведь она останется со мной.

— Пусть эвакуируется. Тебе одному будет легче.

— Что вы, Иван Павлович, да разве она уедет без меня!

— Эх ты, муж. С женой не справишься. Потребуй, чтобы эвакуировалась, и точка, — полушутя-полусерьезно сказал Гусев.

— Да не поедет она, что об этом толковать...

— Ну тогда поступай как знаешь. Только не ошибайся. За одну, даже небольшую, ошибку можно поплатиться головой. Не забудь подобрать себе человек пять помощников, установи явки. Имена сообщи мне.

Вечером, чтобы меньше кто видел, я перенес все свое снаряжение и оружие в Шарипово и наскоро запертал на чердаке хаты.

Между тем по многим признакам чувствовалось, что приближается фронт. В тихую погоду с запада доносились артиллерийские раскаты, глухие взрывы бомб. Изредка появлялись вражеские самолеты, но Ельню не бомбили, да и ней и бомбить-то особенно было нечего, кроме железной дороги, по которой в ту и другую сторону шли бесконечные эшелоны. Потом фашисты произвели все-таки несколько налетов на железнодорожную станцию. Гитлеровцы бомбили эшелоны безнаказанно: ни в Ельне, ни в других небольших городах Смоленской области — Рославле, Рудне, Красном, Демидове, Валино, Ярпене, Белом, Дорогобуже и Спас-Деменске — не было никаких средств противовоздушной обороны.

К вечеру 18 июля большинство жителей нашей деревни Шарипово покинули родной колхоз, опустели дома, скотные дворы. Последние отъезжающие не без удивления смотрели на меня и мою семью, остававшуюся на месте.

Вечерело. Яркое летнее солнце клонилось к западу и уже стало задевать краем за верхушки светлой шариповской березовой рощи, которая в эти часы казалась словно вымытой.

Воспользовавшись тем, что в доме не было никого из моих младших братьев, мы с Наташей решили перепрятать то и винтовку с патронами в более безопасное и надежное место. Фантазия у обоих оказалась бедной: мы не придумали ничего лучшего, как спрятать все это в колхозном сеном сарае, стоявшем на отшибе у самого леса. Тщательно замаскировав наше драгоценное добро под крышей сарая, успокоенные, с чувством выполненного долга, мы помчались к дому.

В это время на большаке, идущем из Смоленска на Ельню и дальше на Спас-Деменск, появились пять танков, покрытых сверху красными полотнищами. В полдень две танки довольно часто проносились здесь, поэтому мы не обратили на них особого внимания, тем более что из было трудно рассмотреть из-за кустов, разросшихся по берегам небольшой речушки Тученки.

Танки остановились у колхозного клуба на большаке. И вдруг — взрыв. Мы с Наташей упали. То ли

нас отбросило взрывной волной, то ли я сам инстинктивно кинулся на землю и увлек за собой Наташу — сказать трудно. Через несколько секунд мы пришли в себя и увидели, что оба живы и невредимы, только обсыпаны землей. Неподалеку зияла свежая воронка от артиллерийского снаряда. На ее кромке лежал искорванный кусок металла. Я схватил его и тотчас отдернул руку: он был очень горячий.

Обернув платком руку, я взял осколок и передал Наташе:

— Будешь жива — сохрани на память. На этот раз обошлось, в другой раз может кончиться хуже...

Это был первый услышанный нами вражеский выстрел. Так в наш дом пришла война.

Танки повернулись на месте, постреляли по лесу, в котором располагались наши пехотные части. В лесу загорелся воинский склад. Мы побежали тушить огонь, но там не оказалось особых ценностей. В кустарнике, у большака, наш артиллерийский расчет, завидев врага, выкатил на открытую позицию противотанковую пушку, чтобы бить прямой наводкой. Фашисты опередили артиллеристов. Несколькими выстрелами они вывели расчет из строя. У нас на глазах погиб лейтенант, были ранены бойцы. Дальше, на Ельню, танки не пошли. Сделав еще несколько выстрелов, они повернули назад.

«Вражеская разведка. Надо скорее сообщить в райком».

Я тут же решил перебраться с семьей куда-нибудь подальше от большака. Из нескольких полуразвалившихся и брошенных из-за ненадобности повозок с горем пополам соорудил телегу и двуколку, так называемую «беду». Тем временем мой двенадцатилетний братишка Сашка разыскал где-то лошадей. Нашли и кое-какую сбрую и около полуночи двинулись в сторону Леоновского леса, к Новоспасскому. Расчет был простой: отсидеться несколько дней в лесу, затем вернуться обратно и ждать удобного случая, чтобы приступить к выполнению задания райкома. Но жизнь вскоре внесла в мои планы серьезные коррективы.

На рассвете, когда наши повозки с многочисленным семейством покидали последнюю деревню шараповского колхоза, из небольшого лесочка, издавна называе-

мого местными жителями «Кукушкино», неожиданно начался беглый огонь. Несколько десятков орудий били по деревне Леоново.

«Откуда там наша артиллерия? Только вчера вечером мимо этого лесочка проходили немецкие танки, и никакой стрельбы не было. За ночь подошли, что ли?»

Из Леонова гитлеровцы открыли ответную стрельбу. Мы начали нахлестывать лошадей. А в это время на проселочной дороге, терявшейся в высокой ржи, в облаке пыли показались вражеские мотоциклисты. Метров с четырехсот они обстреляли повозки из пулеметов и, не причинив нам вреда, повернули назад. Однако ехать прямо было опасно. Мы свернули влево, благополучно перебрались на противоположный берег Десны и больше не встречали фашистов.

Мать попросила оставить ее с ребятами в одной из деревень за Десной, а мы с Наташей поехали к деревне Луки, где было много эвакуированных колхозников. Вскоре прибыли в поселок гортопа. Прямо в лесу, на крутом берегу речонки Десноч, стояло несколько домов с надворными постройками, сараями и навесами. Были здесь склады и небольшой магазин для рабочих.

Неподалеку от поселка мы и расположились. Вместе с нами оказался директор Передельниковской школы Егор Борисович Ключников с семьей, которого я хорошо знал.

Пронесло несколько дней. Под Ельней гремели бои, хотя сам город, как выяснилось позже, был занят фашистами в тот день, когда мы покинули Шарапово.

На отдаленных сельсоветах района — Малышевского и Шариновского — специально выделенные колхозами люди снали в тал стада коров. Среди проводников назначен был Александр Иванович Богданович, старый учитель из деревни Щербино. Его хорошо знал Егор Борисович Ключников, так как часто хаживал с ним на охоту.

— Он, брат, и охотник прекрасный, и в военном деле мастак, — сообщил мне Егор Борисович. — Пойдем, поговорим. А то ни черта не поймешь, что происходит.

Богданович нам обрадовался. Разговорились.

— Александр Иванович, скажи ты мне на милость, что это за война такая странная? — спросил Ключников. — Не то здесь фронт, не то еще что. Говорят, немцы

в Тишеве десант высадили. Вот с ним и бьются наши части, а фронт будто еще далеко, под Смоленском где-то.

Сухонький, с седой щетиной на щеках, старый учитель спокойным, глуховатым голосом, как будто в классе на уроке, сказал:

— Я с немцами воевал в империалистическую. С ними ухо надо держать востро, но бить их можно. Их всегда били. Вспомните Чудское озеро, вспомните первую мировую, вспомните гражданскую... Да что говорить, поколотим и на этот раз.

— Мы тоже в этом не сомневаемся, Александр Иванович! Но где же все-таки сейчас фронт? — не унимался Ключников.

— Вы думаете, это десант? Нет, братцы, это и есть фронт. А что ни наших, ни немцев не видно, так их только здесь, около леса, нет. Войска по крупным дорогам движутся. При большом наступлении всегда так бывает. Вот остановят наши немцев, тогда и фронт появится, и проволочные заграждения будут, и окопы, и блиндажи...

Позже стало известно, что старый учитель был прав. Наши войска действительно остановили врага по всему фронту. Но мы об этом не знали. Оттуда, из нашего тыла, никто не появлялся. Если и шли люди, так только от линии фронта, и уходили дальше через дремучий Мутищенский лес. Надо было пробраться на восточную окраину леса и выяснить, что происходит. Но прежде необходимо вывезти мать и братьев в безопасное место. Они, кажется, очутились на самой линии фронта.

Наутро мы с Наташей запрягли свою «беду» и двинулись в путь. Чем ближе подъезжали к месту боев, тем меньше появлялось жителей. Наконец они и совсем исчезли. В деревне Передельники военные предупредили, что дальше частей Красной Армии нет. Но нам все же разрешили доехать до следующей деревни, где осталась семья. Мы никого не встретили. На пыльной деревенской улице — следы кованых германских сапог, отпечатки протекторов автомашин, пустые пачки от немецких сигарет.

Семьи нашей в деревне не оказалось. Разыскали лишь мою слепую бабушку. Она рассказала, что мать в тот же день, когда мы уехали, вернулась в Шараново:

там дом, хозяйство, а главное — корова, которая пить-есть хочет.

— А ребята где? — спросил я.

— Дня три как ушли куда-то. Шура сказал, что немцы идут, схватил Женю и убежал.

Несмотря на уговоры, ехать с нами бабушка отказалась.

— Поезжайте, родные, сами. Вам и без меня тошно. А уж и как-нибудь тут пережду лихолетье...

Оставили ей ведро воды, хлеба, сала и вернулись в Передельники. Наши военные, узнав, что мы побывали в Филятках, очень удивились, что там не оказалось немцев.

Когда мы возвращались в лес, около деревни Биберево навстречу выбежали из сарая мои чумазы, давно не мытые братья. Я захватил их с собою, накормил, оставил в поселке гортона на добрых людей, а сам собрался в разведку на восточную окраину Мутищенского леса. А потом подумал, что, если встречу кого-нибудь из руководителей района, у меня обязательно начнут расспрашивать, где фронт, какое там положение. Следовательно, надо подучить все разузнать. Но кому поручить это дело? Самому в тыл к немцам не пробраться — я молодой, здоров, примут за советского разведчика. Надо послать женщину, а лучше кого-нибудь из ребят. Выбор пал на Саню и Володю, брата Наташи. Для вида мы набросали им в телегу всякого барахла, запрягли лошадей и пронюстрировали, как себя вести.

Ребята восприняли поручение с восторгом: «Вот это дело, и разведку едем!»

И ведь пробрались-таки в Шараново и благополучно вернулись назад.

Пока ребята были в отъезде, мы с Тарасенковым, который только что прибыл из Ильи и собирался разыскивать руководителей района, тоже кое-что разведали. Он на велосипеде, а я верхом на лошади добрались через лес до деревень Холм и Клип и там узнали, что районный центр временно находится в деревне Замощье. Тарасенков сразу же направился туда, а я вернулся в поселок гортона, чтобы встретить ребят. Возбужденные и гордые тем, что выполнили задание, перебивая друг друга, рассказывали они обо всем. Главное — разузнали и

запомнили, где особенно много немцев и где находятся их танки и пушки.

Со стороны Ельни доносилась непрерывная канонада. В воздухе то и дело проносились вражеские самолеты. Фашистские молодчики обстреливали из пулеметов каждого, кто попадался на глаза. Иногда появлялись небольшие группы советских самолетов. Завязывались неравные воздушные бои. Наши летчики дрались отчаянно, но сила побеждала силу. То там, то здесь дымились сбитые самолеты с красными звездами. Сердце обливалось кровью от горя и досады...

Мы отправились в Замощье. Где-то за Коробцом встретили грузовую машину, на которой ехали Яков Петрович Валуев, Иван Павлович Гусев и Андрей Семенович Аниськов с группой партийных активистов. Остановив машину, Иван Павлович шепотом, чтобы не слышали другие, удивленно спросил:

— А ты почему здесь, почему не в тылу у немцев?

— Да так получилось, — ответил я. — Ждал, ждал их у гортопа, а они не идут, вот и решил разыскивать вас. А если надо будет перейти линию фронта, то за этим дело не станет.

Товарищей очень интересовала обстановка в районе Старых Лук и в других деревнях, через которые нам пришлось ехать. Полезными оказались и сведения, добытые Сашей и Володей под Ельней. Валуев и Аниськов с негодованием встретили сообщение о том, что во всех деревнях в прифронтовой полосе, через которые мы проехали, царит безвластие и разные темные личности растаскивают народное добро.

Гусев предложил мне поехать с ними. Я передал Наташе вожжи, поцеловал ее и вскочил в кузов. У Наташи на глазах слезы, смотрит осуждающе — ей тоже хочется с нами. Но это невозможно: Наташа скоро станет матерью.

Пытаясь успокоить мою жену, Иван Павлович посоветовал:

— Поезжай в Замощье, там потише будет. Да и не бабье это дело — мотаться по линии фронта, тем более в твоём положении. Поезжай, поезжай!

Обстановка немного прояснилась: наши войска останавливали немцев, район разрезан линией фронта на две

части. Отсюда и задача районного руководства: наладить более или менее нормальную жизнь в прифронтовой полосе и оказывать посильную помощь воинским частям, снабжая их некоторыми видами продовольствия, особенно овощами и картофелем. Но прежде всего необходимо самим разобраться в обстановке, выяснить, кто из коммунистов остался, кто уехал, заменить выбывших.

Незадолго до того, как часть района была оккупирована врагом, в Ельне состоялось собрание партийного актива. В своем докладе Я. П. Валуев потребовал укрепления дисциплины, повышения бдительности. Он призвал всех коммунистов оставаться на своих местах и четко выполнять порученное дело. Каждый случай самовольного отъезда члена партии в советский тыл рассматривался как дезертирство.

И в честь партийной организации района, надо сказать, это требование выполнялось свято.

За несколько дней наша группа объехала на грузовике добрую половину района. Коробец, Хотнежицы, Уварово, Кани, поселок гортопа, Старые Луки, Зуи... И везде находилось дело, всюду надо было наводить порядок. В одном месте обнаружили скот, брошенный пастухом без присмотра. Стадо гнали из Починковского района на восток, но кто-то вернул его назад из-под Спаса-Даменинска. В другом месте председатель сельсовета ушел в армию, а нового не было, в третьем — зависти не знали, кому сдавать вырубку. На складах сыроваренного завода скопилось много готового сыра, и заваривар не ведал, куда его отправить. Мы на ходу принимали решения, и все становилось на свое место. Целыми днями колесили по району Валуев, Гусев, Аниськов, редактор районной газеты Сергей Говоров и многие другие. Запыленные, потусовленные, с воспаленными от недосыпания глазами, они собирали людей, беседовали с ними, давали советы, спасали народное добро.

А вот на фронте то затихало, то вскипывало с новой силой. Народ был уверен, что это начало разгрома гитлеровской армии. Теперь то уж ее погонят на запад без оглядки. А раз так, то нужно думать не о смерти, которая несколько дней висела над головой, а о жизни.

Властелинство потребовало эвакуировать население

из фронтовой и прифронтовой полосы. Люди соглашались на эвакуацию неохотно: колхозного добра осталось немного, но урожай, отличный урожай — его же надо убирать!

И убирали, да еще как! В колхозах остались женщины, дети да старики. Рабочих рук не хватало, лошадей тоже, не было машин и тракторов. Однако, несмотря на это, несмотря на артиллерийские обстрелы и бомбежки, почти весь урожай в районе был убран.

Примерно на третий день поездки наша группа оказалась в деревне Зуи, которая расположена как бы на острове: кругом, километрах в трех, раскинулись могучие Мутышенский и Нарышкинский леса, а тут голое. Через деревню проходит большак из Ельни на Екимовичи. От Зуев недалеко до шоссе Москва — Варшава, которое местные жители называют просто «Варшавка».

В Зуях райком партии решил организовать базу партизанского отряда. Для этой цели там оставили несколько коммунистов и передали им оружие, которое было с нами на автомашине. Валуев и Гусев обещали через несколько дней приехать вновь, чтобы договориться, что делать дальше. Остальные наши спутники направились в Замосье. Несмотря на близость фронта, там уже понемногу налаживалась жизнь: работали районные учреждения, между ними и командованием советских войск была установлена довольно тесная связь.

КОММУНИСТЫ ГОТОВЯТСЯ К ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЕ

В течение июля и августа линия фронта на ельнинском участке стабилизировалась, и, как сообщалось в сводках Совинформбюро, там «продолжались бои местного значения и поиски разведчиков». В «поисках разведчиков» активно участвовали и ельнинские коммунисты и комсомольцы.

В конце июля райком партии совместно с командованием 24-й армии создал восемь разведывательно-диверсионных групп. Их периодически забрасывали в немецкий тыл для диверсионной работы и сбора сведений о дислокации вражеских войск.

Однажды в Замосье Валуев и майор Крижановский, который был опытным пограничником и руководил в штабе армии разведкой, пригласили меня в райком партии и сообщили, что создается партизанская группа и ей предстоит переправиться через линию фронта. Мне предложили войти в ее состав. Я, не раздумывая, согласился. А подумать вообще-то следовало, и прежде всего потому, что состав группы мало годился для перехода линии фронта. Старшим назначили Савлукова, который, кажется, работал помощником прокурора, заместителем командира группы — секретаря райкома партии по кадрам Касинова. Всего в группу входило человек пятнадцать. Задача была обычная: диверсии и разведка. Определен район перехода линии фронта, мы отправились в Зуи. Там постепенно укреплялась партизанская база. Появились оружие, боеприпасы, продовольствие. Стали больше людей. В Зуи приехали проводить нас Валуев и майор Крижановский.

Майор инструктировал командира, и группа тронулась в путь. Однако чем ближе была линия фронта, тем опаснее мы шли, тем больше возникало сомнений. Чувствовалось, наш командир ищет лишь повода, чтобы повернуть назад. Шутка ли, перейти линию фронта! На том месте, чего доброго, и убить могут. Однако шли. Лучшее всех держался скромный Савка Кузенков, комсомольский активист, энтузиаст планерного дела. Перед войной он и работник райкома комсомола Андрей Никитин обучали молодежь Ельни полетам на планере и даже превратили колокольню бывшей Воскресенской церкви в парашютную вышку.

Подтрунивая над Савлуковым, мы с Савкой заявили, что, конечно же, линию фронта перейти можно, и в случае чего, мы пойдем даже вдвоем, но задание выполним. Трудно сказать, чем бы кончился поход, но ельнинские командиры выручил случай. В деревне Шаткино, у нашего переднего края, группу задержали немцы, нахлынувшие там части и посадили в сарай под арест. У сарая с винтовкой наперевес шагал часовой. Нам продержали целые сутки. Оказывается, никто из штаба армии не предупредил командование дивизии о том, что в их районе через линию фронта будет переправляться группа партизан. Позднее, когда мы много раз прибегали к переходу фронта, подобных недоразумений уже

не случалось. Командование частей, занимавших оборону около Леоновского леса, хорошо знало партизан и всегда приветливо встречало нас. А мы, как правило, добывали и сообщали им полезные сведения о противнике.

Утром всех членов группы освободили из-под ареста и пожелали доброго пути. Но наше «командование» повело группу не к линии фронта, а обратно, в Зуи!

До Зуев добирались больше суток. Пошли прямо через лес, без дороги. Савлуков хвастал, что знает лес как свои пять пальцев. Как он знал свои пальцы, судить не берусь, но леса он не знал. Мы заблудились.

Мутищенский лес... Колыбель партизанская. Велик ты и могуч, красив и дик. Уже больше четверти века люди пилят и рубят тебя, строят добротные дома из твоих деревьев, создают много нужных и полезных вещей, а ты и до сих пор стоишь, величав и строен. Даже хорошеешь.

Человек, который вырос в окрестностях Мутищенского леса, без особого труда пройдет его поперек. А вопротйти лес вдоль даже знающему человеку трудновато. Тянется он на десятки километров и когда-то вплотную соединялся с Брянским и Восточным лесами. Да и теперь по лесам и перелескам, прерываемым только кое-где полями, можно добраться чуть не до Брянска.

В тот день после долгих блужданий мы наконец набрали на высоченную тригонометрическую вышку, которой в свое время делали топографическую съемку местности. Я забрался на нее и увидел на востоке опушку, поля ржи. Мы ушли в сторону от Зуев километров на семь.

В Зуях еще был Я. П. Валуев. Ох и задал же он головоломку нашему «командованию»! Таким я Петровича еще никогда не видел. Поблудневший от гнева, он собрал нашу группу и так отчитал, что все мы краснели, как мальчишки. Вину можно было искупить только успешным выполнением нового задания в тылу врага.

Савка Кузенков и я с присущей молодости горячностью заявили, что готовы немедленно идти за линию фронта. К нам присоединился председатель Юрьевского сельсовета Афанасий Романенков. Савлуков, ссылаясь на то, что не имеет опыта в военном деле и плох

знает местность, где придется действовать, начал отнекиваться. Тогда Валуев приказал разоружить всех, кто не идет через линию фронта, и отправить в Замощье, а оттуда — в армию, на фронт.

Вскоре наша группа впервые перешла линию фронта.

Через несколько дней в Зуи прибыла новая группа во главе с директором Мутищенской средней школы Петром Александровичем Зайцевым. В нее входили три ержанта-пограничника: москвич Иван Бугров; полуцыган-польсерб из Краматорска, разбитной и отчаянный человек Дениска Юренич; весельчак и заводила украинца Данила Карташев и Степан Климович Фирсанов. Все они только что вернулись из-за линии фронта и направлялись для доклада в штаб 24-й армии, который находился в деревне Городок, Дорогобужского района.

Узнав, что мы уже побывали за линией фронта, Зайцев и его товарищи предложили Кузенкову, Романенкову и мне отправиться в следующий раз с ними. Мы согласились, но с условием, что Зайцев договорится об этом с Валуевым. Через несколько дней группа Зайцева вновь появилась в Зуях. С ведома райкома мы вошли в ее состав и пять раз успешно переходили линию фронта.

Неожиданно-негадано в Зуи приехала Наташа, отмазанная на лобзании верет сороч. На все мои уговоры вернуться назад в Замощье, где поспокойней, она ответила категорическим отказом. В Зуях мы жили на казарменном положении, питались из одного котла, спали на сенниках. Без дела там никто не околачивался. Нашим делом и для Наташи — кормить наш «гарнизон».

Все называли нас партизанами. Мы гордились этим, хотя многие не считали себя партизанами. Что это за партизаны, если живут они на советской земле и лишь изредка перескакивают линию фронта для выполнения специальных заданий? Между тем группа не только вносила свой посильный вклад в разгром врага, но и накапливала боевой опыт, необходимый для ведения партизанской войны в будущем.

В общей сложности, сначала в составе группы Зайцева, а затем во главе самостоятельной группы, мне в течение августа и сентября довелось семь раз пересечь

линию фронта, выполняя различные задания командования армии и райкома партии.

Нам, местным жителям, хорошо знавшим территорию района, его леса и болота, не составляло особого труда пройти в тыл врага. Тем более что линия фронта первое время не была сплошной, в ней имелись «окна». Был даже случай, когда мы перегнали в советский тыл целое колхозное стадо. Позднее же, по мере стабилизации фронта, совершать переходы становилось все сложнее.

Восточная опушка Леоновского леса, который дальше сливается с Мутыщенским, была занята нашими войсками. Они соорудили по реке Десне линию обороны, укрепили ее; создали минные поля, проволочные заграждения (пригодились и наши заготовленные летом колья), вырыли окопы, построили блиндажи. На западной опушке леса находились немцы. А сам лес, Стрянское болото и прилегающие к лесу перелески были ничейной землей. Через линию фронта мы переходили то в одном, то в другом месте, но непременно в районе Леоновского леса.

Расскажу об одном из таких переходов. Как-то в Зуи, где находилась группа Зайцева, приехал майор Крижановский с пограничниками. Майор поручил нам перейти линию фронта, провести разведку в районе деревень Озеренск, Леоново, Кукуево. Быки и наделали побольше шума в тылу врага. Он порекомендовал устраивать засады на небольшие группы солдат, а при встрече с более сильным противником в бой не вступать.

— Напасть следует так, чтобы враг понес урон, а вы остались невредимыми, — закончил Крижановский.

Сборы были недолгими. К тому времени отряд имел довольно приличное вооружение. У нас было три автомата, достаточно карабинов, наганов, пистолетов, много гранат и патронов. В заплечных мешках полно боеприпасов и гранат. Продуктов с собой брали мало. Как-то заикнулись, чтобы нам дали побольше, но майор Крижановский полусмущенно заметил:

— Зачем носить с собой лишнюю тяжесть? Там немцы кур и гусей едят, а вы чем хуже? Отберете кое-что у фрицев — вот и дополнительный паек!

Не знаю, откуда это повелось и зачем было нужно, но, уходя в тыл, партизаны старались одеться как мож-

но хуже, во всякое рванье, хотя, разумеется, у каждого была добротная одежда. Выглядели мы в своих лохмотьях не то нищими, не то уголовниками.

В походе, о котором я рассказываю, нас до передовых частей сопровождал из грузовой машины капитан, помощник Крижановского. Увязалась проводить меня и Наташа. Дорога шла через Мутыщенский лес, а местность там заболоченная, и автомашины так размесили дорогу — ни пройти, ни проехать. Правда, неумолимые санеры устилали всю проезжую часть бревнами, положенными поперек. Получилась так называемая «лежневка». Проехать-то по ней можно, но как! Всю душу потрясает, чтобы все печенки.

У деревни Данино распрощались с капитаном и Наташей. Данила Карташев, несмотря на «лежневку», всю дорогу заушевым голосом распевал украинские песни. Когда мы стали прощаться с капитаном, Данила уже не шел, а о чем-то перешептывался с Наташей. До слуха долетели обрывки фраз. Он убеждал Наташу, чтобы она не волновалась, и произнес что-то вроде клятвы:

— Ничья я жива, с Андреем ничего не случится.

Наташа заметно волновалась. Еще бы не волноваться! Вот она, впереди, линия фронта, а там — враг. Случайностей подстерегает уходящих! Раз удались, другой удался, а на третий...

Дальше двинулись перед вечером, чтобы засветло добираться до вражеского переднего края. Мы шли по тропинке. Впереди пробирались разведчики. В глубине Леоновского леса, на дорогах и тропинках, мы наткнулись то на следы кованных сапог, то на пачки из-под немецких сигарет.

Вот так номер! А говорят, что гитлеровцы боятся заходить в лес! Видимо, не приходилось им еще сталкиваться с такими людьми — партизанами.

Уши были внимательны, двигались осторожно, прислушиваясь к шуму леса. А лес, как в мирные дни, наполнен неслышимым шепотом пернатых. Вот с полянки вспорхнул на ветку рябчик и, чудная этакий, не улетает, а с любопытством смотрит своими глазками-бусинками на осторожно шагающих людей. Вот в мелколесье, прямо из-под ног вылетела с хлопотаньем тетерка-старка, а за ней, сбежав и неосторожно махая неокрепшими крыльями, стремительно кинулся выводок. Кругом непроходимые

заросли малины с созревающими сочными ягодами. Чуть дальше пошел осинник и березняк. Шагать стало полегче. То тут, то там среди невысокой травы мелькали красные шапочки подосиновиков, притаились упругие коричневатые шляпки подберезовиков. Грибов в тот год уродилось хоть косой коси, но никому до них не было дела, тем более на ничейной земле.

В лесу шла своя, испокон веков налаженная жизнь, а рядом человек убивал человека, грохотали смертоносные орудия, лилась кровь. Где-то по соседству бродил враг...

Мы шли, прислушиваясь к собственным шагам.

И вдруг идущий впереди разведчик уловил приглушенный говор и треск сучьев. По его знаку все бесшумно залегли, сухо щелкнули затворы автоматов, карабинов. Наш путь пересекли несколько неизвестных. Через мгновение между деревьями замелькали вооруженные люди. Двигались они развернутой цепью, как бы прочесывая лес или ведя наступление. Один человек особенно близко, и, когда поравнялся с нами, несколько голосов приказали:

— Стой! Руки вверх!

— Еще шаг — стреляю, — взволнованно сказал Ванюша Бугров. — К оружию не прикасаться!

Все незнакомцы, словно по команде, бросились на землю. Залязгали затворы, потом наступила зловещая тишина. Выжидаем, всматриваемся в чащу леса. Наконец оттуда, с их стороны, раздалось:

— Выходи кто-нибудь один, я тоже выхожу.

Зайцев тихо сказал:

— Выходи, Данила!

Карташев поднялся и, держа автомат наперевес, осторожно двинулся вперед.

Между деревьями показался человек, одетый в советскую военную форму. Но это еще ничего не означало. Немцу тоже нетрудно напялить на себя нашу форму. «Парламентеры» медленно приближались друг к другу, готовые пустить в ход оружие. Ванюшка Бугров шепнул мне:

— Возьми на мушку «парламентера» и, в случае чего, бей. Мы выберем другие цели.

От волнения дрожали руки, сердце готово было выскочить. Перед глазами прыгала мушка автомата. За-

стал дыхание, прицелился. Ствол автомата медленно поднялся на уровень груди незнакомца. Теперь все в порядке, чуть что — срежу.

Наконец «парламентеры» сблизилась. Рядом с Данилой стоял человек лет тридцати, а может, и старше. Определить было трудно: на щеках — густая черная щетина, голова почти седая. Карташев обменялся с ним несколькими фразами и радостно закричал:

— Свои! Выходи, ребята!

Дал знак выходить своим спутникам и незнакомец, который оказался капитаном. Мы встали из-за укрытий, но на сближение шли с недоверием: кто знает, что это за люди. Но это действительно были наши. Когда Данила сказал капитану, что мы партизаны, тот бросился его целовать.

Нас окружили небритые, бледные, усталые люди в форме советских танкистов. Наперебой задавали вопросы, рассказывали, смеялись и плакали. Группа танкистов попала в окружение где-то около Днепра. В течение шести недель они, голодные, пробирались ночами по лесам и полям к фронту. Догнать фронт было некуда, а танкисты все же догнали. Но не знали местности, не имели карт и постоянно натыкались на заставы гитлеровцев. Около двух недель пришлось бродить по лесам у самой линии фронта.

Узнав от нас, что линия немецких окопов осталась неизменной и они оказались на ничейной земле в нескольких километрах от нашего переднего края, танкисты пришли в восторг. У многих на глазах появились слезы, на которых так слез солдат. Ведь сколько пришлось пережить!

Танкисты просто не знали, как нас отблагодарить. Капитан подарил мне бинокль. Зайцеву кто-то отдал свой пистолет. Ваня Бугров получил на память нож.

Мы не братски поделались с ними едой, проводили до переднего края, а сами вернулись назад и двинулись дальше.

Встреч таких было немало, и почти каждый раз встречались одно и то же: настороженность, недоверие, готовность пустить в ход оружие и, наконец, всеобщая радость. Однажды в лесу, километрах в десяти от линии фронта, мы обнаружили и вывели к своим большую

группу солдат и офицеров, пробиравшихся к фронту чуть ли не с западной границы.

Но продолжу рассказ. Пока мы выводили танкистов к переднему краю, начало смеркаться. Уже в потемках наша разведка подошла к опушке леса, что у деревни Кувшиновка, и заночевала там. Костров не разводили: враг был рядом. В нескольких сотнях метров, в Кувшиновке, то и дело в воздух взлетали разноцветные ракеты, слышался злобный лай собак. Дело ясное: в деревне немцы. Наши войска сигнальными ракетами тогда почти не пользовались.

Спали вповалку на земле. Часового неставляли: немцы в лес не пойдут, да и найти нас впотьмах не так-то просто. Но спали чутко. Только Ленка Юревич храпел во всю ивановскую, за что время от времени получал тумака от Ванюшки.

Проснулись с восходом солнца. Дивное, свежее утро. Нескошенная трава сплошь покрыта бусинками росы. Пройдешь по ней, а за тобою темный след. Над рекой и по-над Стринским болотом висит седой туман. Свежий ветерок вскоре разогнал его. Огляделись. Кувшиновка слишком близко. Решили углубиться в лес и уже затем проверить, действительно ли в деревне немцы. Лучшее всего это сделать сейчас, пока они спят. Несколько человек пошли на разведку, остальным поручили найти воду и сварить кашу из концентратов. Направился в разведку и я, так как еще со времени летнего строительства на Стринском болоте хорошо знал и местность, и жителей. Вместе с нами был Зайцев.

Вышли на опушку левее деревни. Перед нами — поле с желтеющей рожью, за ним видны хаты. Один из нас, забравшись на дерево, внимательно разглядывал в бинокль, что делается в деревне. Вроде все спокойно, жители выгоняют коров на пастбище. На кого-то заливисто лает кудлатый пес. По улице бежит поросенок. Идет по воду женщина с растрепанными волосами. Курица деловито обучает у колодца свое многочисленное потомство. Над хатами дымят трубы.

Как узнать, есть ли в деревне немцы? Подождали. Может, кто из жителей пойдет в сторону леса косить луг или погонит на выпас скот? Прошло часа два, и мы решили идти в деревню. По посевам конопля незаметно добрались до гумна и продолжали наблюдать

за тем, что шло в стене. Но видно отсюда еще хуже. Слева от гумна, немного на отшибе, стояла маленькая хижинка. Труба дымила, — значит, там кто-то есть. Пошли втроем: Бугров, Карташев и я. Остальные затаились, чтобы при необходимости прикрыть нас огнем. Ванюшка и я отдали свои автоматы товарищам, а сами взяли пистолеты и гранаты.

И вот мы у хаты. Данила остается на улице, прижавшись к стене, а Ванюшка и я направляемся в дом. Простая дверь деревенской хаты. Сколько раз в жизни приходилось открывать такие двери! Но тогда это было просто, а вот сейчас... Что там за ними? Вдруг немцы? Но открывать надо. Распахнули дверь и отпрянули в сумрак сеней. Присмотрелись — ничего особенного. На лавке сидит женщина и вяжет чулок, у стола играют мальчик лет десяти в коротких штанишках и белокурая, лет тринадцати девочка.

Подняв усталые глаза, хозяйка удивленно спросила: — Кто там?

Мы вошли. Увидев странно одетых людей с оружием в руках, дети прижались к матери и уставились на нас расширенными от страха глазенками.

— Не бойтесь: мы свои. Скажите, есть в деревне немцы?

— Не знаю, — ответила колхозница. — Вчера были.

— А местным жителям не запрещают ходить по деревне?

— Нет. Только в лес приказано не ходить, за это грозят расстрелом.

— Нам надо точно знать, сколько в деревне немцев, где они находятся и чем вооружены. Пошлите дочку, пусть узнает.

Хозяйка выслушала нашу просьбу без восторга. Однако девочку послала. Мы предупредили, чтобы она никому не говорила о нашем появлении. Иначе немцы нападут на нас. В бою могут погибнуть ее мать, братишка и она сама.

Девчурка оказалась смысленой. Все высмотрела и сообщила нам. По деревне бродили восемь гитлеровцев и ловили последних кур. Есть немцы и в сарае у Мишки-Плута, но, сколько их, она не знает. Они бывают там и ночью, все что-то в бинокль рассматривают. У них

есть пулемет. Наверное, они останутся на ночь в сарае и сегодня.

Пока девочка ходила по деревне, ее мать простодушно спросила:

— Вы что, ребята, в плен пришли сдаваться?

Мы опешили.

— Почему в плен? — вскипел Ванюшка. — Вот придумала...

— Мы сами пришли немцев в плен брать. В лесу у нас триста партизан, вооруженных до зубов, — присвистнул я. — Они ждут только команды, и от ваших немцев мокрого места не останется.

Испуганная нашим резким тоном, женщина зачастила скороговоркой:

— Да ведь это я так. Вам, конечно, видней. Я ведь не знаю. А эти немцы такие же мои, как и ваши.

Видя, что инцидент исчерпан, хозяйка предложила нам молока и хлеба.

С улицы раздался тихий свист. Сменивший Данила Ванюшка предупреждал об опасности. Пора уходить. Тем же путем мы незаметно выбрались из Кувшиновки и, посоветовавшись, решили напасть ночью на немецкий передовой пост, который находился в сарае, на окраине деревни.

До наступления темноты мы по очереди наблюдали за деревней. План нападения был разработан до мельчайших подробностей. Каждый знал, что и как должен делать. Хотя всего, разумеется, предусмотреть не удалось.

Около полуночи, оставив в лесу все лишнее, мы взяли оружие, гранаты, бутылки с горючей смесью и двумя группами стали незаметно пробираться по картофельному полю к окраине Кувшиновки. Условились, что ровно через полчаса обе группы одновременно нападут на два сарая, зажгут их и затем забросают гранатами. Часовой у сарая и находящиеся в нем гитлеровцы обнаружат себя. Нам останется лишь расстреливать их в упор, тем более что на фоне горящих сараев их фигуры будут хорошо видны, а нас надежно скроет ночь.

Добравшись незаметно до сараев, мы залегли. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит вон. Прильнув к влажной и прохладной земле между бороздами картофеля, мы немного передохнули и по тихой поданной команде начали бросать в сарай бутылки с

горючей смесью. Первая бутылка не разбилась, а вторая разлетелась вдребезги на самом верху крыши.

— Андрей, дай еще бутылку! — зло крикнул Ванюшка Бугров.

Коренастый, ловкий, он лучше всех нас метал гранаты и бутылки. Удачный бросок — и весь сарай охвачен пламенем. Бросая гранаты, мы беспрерывно стреляли из автоматов и карабинов. Фашисты ударили из миномета по лесу, полагая, видимо, что на них напала регулярная часть. Били в белый свет как в копеечку.

Дело закончилось быстро. Сарай сгорел, ни одному врагу уйти не удалось. Мы потерь не имели.

Правда, оккупанты из соседних деревень начали бить из пулеметов и минометов по опушке леса, что у деревни Кувшиновки. Но мы находились вне зоны обстрела и благополучно отошли в лес. Собрав свое «хозяйство», группа углубилась в чащу, чтобы дожидаться утра и выяснить результаты ночной схватки. Основная задача вылазки — разгромить передовой пост и наделать побольше шума — была выполнена. Гитлеровцы стреляли до рассвета, несколько раз ударили даже из пушки. В ночное небо одна за другой взлетали ракеты.

Утром жители Кувшиновки рассказали, что во время стычки погибло двенадцать оккупантов. Все оружие, которое они имели, сгорело в сарае. Возбужденные, гордые первой победой, мы направились в штаб 24-й армии.

Надо было видеть, каким задором горели глаза партизан, принимавших участие в этой схватке и благополучно вернувшихся в Замощье! А как приятно было услышать первые похвалы в свой адрес от секретарей райкома партии и командующего армией генерал-майора Константина Ивановича Ракутина.

Подобные стычки с врагом имели большое значение. Партизаны учились вести борьбу в тылу противника. Крепла уверенность в своих силах. Оказывается, за аватчиков можно бить, да еще как!

Боевой опыт делал нас все смелее и увереннее. Мы отлично знали, где и когда удобнее перейти линию фронта. По несколько дней бродили по немецким тылам, безошибочно определяли, в каком месте и какие укрепления возводят гитлеровцы, где у них размещены артиллерия и танки. В сборе сведений нам помогали местные жители, и особенно колхозник из Леонова — дед Кузьма.

В Леонове — полным-полно немцев, и нам было очень трудно туда пробраться. Но не просто оказалось наладить связь и с самим дедом, который пас стадо на открытом лугу между Леоновом и Кукуевом. И все же нам удалось привлечь его внимание. Несколько разведчиков, забравшись в кусты, направили на пастуха соловьиный зайчик. Дед Кузьма понял, в чем дело, и незаметно повернул стадо к кустам. Здесь мы и встретились с ним впервые. Оказалось, старик хорошо знал Петра Зайцева, работавшего несколько лет назад директором школы в их деревне.

Дед Кузьма рассказал все, что ему было известно о немцах, и охотно взялся выполнить наше поручение. На другой день старик принес ценные сведения. Мы условились о сигнале, который будем подавать, появившись на опушке леса. Этот сигнал имитировал крикание дикой утки. Заслышав знакомые звуки, дед Кузьма настолько радовался и начинал помаленьку поворачивать стадо в сторону кустов. На это иногда уходило больше часа, ведь все надо было делать незаметно, чтобы враг ничего не заподозрил. Узнав от старика все новости, мы давали ему на прощание кисет махорки, и он медленно начинал удаляться со стадом.

После каждой удачи мы действовали все увереннее. И постепенно эта уверенность переросла в самоуверенность. Сколько горя принесла тогда и позднее партизанам потеря бдительности, ротозейство и ненужное ухарство.

Во время одной из схваток с немцами недалеко от деревни Леоново, все на том же Стрянском болоте, мы потеряли боевого товарища, твердого как камень украинца Данилу Карташева.

Партизаны привыкли к тому, что линию фронта в районе, где Леоновский лес соединяется со Стрянским болотом, можно переходить не только ночью, но и днем. И вот однажды, направляясь в тыл фашистов, мы, как обычно, вышли на опушку леса уже по ту сторону фронта и, внимательно осмотрев в бинокль местность, двинулись по так называемой гати, в сторону Леонова. Ну что стоило подождать до вечера?! Так нет же, не терпится, пошли днем.

Не успели сделать и сотни шагов, как из-за кустов показался взвод немцев. Я шел первым, Петр Зайцев

тащил нашу небольшую цепочку. Мы почти столкнулись с гитлеровцами, но они не сразу заметили нас. Следуя моему примеру, партизаны бесшумно бросились на дорогу. Укрытий не было, и стрелять мы начали немедленно. В схватке удалось уложить около десяти оккупантов. Оставшиеся стали сигналить ракетами. Буквально через три-четыре минуты на дороге, идущей из Леонова, появилось несколько мотоциклов и автомашин. Нас обстреливали. Зайцев приказал ползти назад.

Мы начали отползать, прикрывая друг друга огнем. Тот залег и открыл огонь из автомата Карташев. Прижимаясь к земле врага, он время от времени поглядывал, далеко ли мы отползли, скоро ли канава. В какой-то момент Карташев заметил, что Ленка Юревич ползет не по-пластунски, а передвигается чуть ли не на четвереньках, выгнув спину.

— Пригнись, цыган! — крикнул Данила.

Ленка пригнулся и благополучно добрался до канавы.

Но тут же умолк автомат Карташева. Я оглянулся. Данила лежал на боку и перезаряжал диск. Потом он снова пополз, прикрываемый нашим огнем, но неожиданно остановился, раскинув руки, припал к земле.

— Данила! Карташев! — окликнул я несколько раз.

Но он молчал. Решив, что Данила ранен, мы попытались подобраться к нему, однако гитлеровцы хорошо пристрелялись и беспрерывно вели огонь по этому месту. Автоматная очередь прошила мою сатиновую рубашку-косоворотку, пузырем вздувшуюся над спиной. Нет, к Карташеву не подобраться. К тому же немцы уже стали отрезать нас от леса. Зайцев приказал отходить. Прикрываемый огнем товарищей, я пополз к канаве.

Отстреливаясь, мы перебежками отходили все дальше. Вот и лес, хмурый, заболоченный. Но нам он дороже родного дома. Мрачная грозовая туча закрыла небо. В лесу стало темно. Мы остановились, чтобы перевести дух и, что называется, очухаться.

Последние из нас были уже у леса, а Зайцев и другие прикрывали наш отход, стреляя с опушки, сзади наседали фашисты. В моем автомате кончились патроны. В самую последнюю минуту Ванюшка Бугров оглянулся: немцы буквально наступали

мне на пятки. Один из них уже прицелился, но в это время дал очередь Ванюшка, опередив немца. Тот ринулся на землю. Словом, Ванюшка спас мне жизнь.

Накрапывал дождик. Лес застоял под порывами ветра. Небо прорезали зигзаги молний. Наконец дождь полил как из ведра, охлаждая наши разгоряченные тела. Укрылись под раскидистой елью, но и она не спасла: промокли до нитки.

В ту ночь мы почти не спали. Дважды пытались пробраться к Даниле Карташеву. Может, он только ранен. Да если и убит, все равно надо вынести друга, чтобы похоронить с почестями, как героя. Однако наши попытки не увенчались успехом. Несмотря на дождь, гитлеровцы устроили на опушке засаду, время от времени они освещали болото ракетами и стреляли из автоматов. Так и пришлось уйти с тяжелым грузом на сердце.

В Зуй вернулись в сумерках. В хате с завешенными окнами собрались все партизаны, находившиеся в деревне: «Ну как? Что нового? Как выполнили задание?»

Остановившись в дверях, Ваня Бугров тихо сказал: — В борьбе с немецко-фашистскими оккупантами смертью храбрых пал партизан комсомолец Данила Карташев...

Все встали. Тишина воцарилась такая, что было слышно, как в оконное стекло, назойливо жужжа, бьет муха. Издалека доносились глухие залпы орудий. Где-то над лесом гудел самолет. Мы стояли молча, и я уверен, что мысленно каждый из нас проклинал войну.

Разведывательные данные, добытые нами во время последних вылазок в тыл врага, заинтересовали не только разведотдел 24-й армии, но и ее командующего генерала Ракутина. Пригласив нас к себе, он подробно расспросил обо всем. На прощание задал вопрос:

— А смогли бы вы, скажем, провести в тыл противника через Леоновский лес целый полк?

— Да хоть дивизию, — поспешно ответил кто-то из нас. — Вот только артиллерия, не знаем, пройдет ли дорога заболоченная...

В заключение командующий армией сообщил, что представил нас к награде.

Через несколько дней — это было в конце августа — советские войска, пользуясь данными разведчиков-пар-

тизан, ударили по немцам со стороны Леоновского леса. Одновременно наши части начали теснить врага от Ельни. Глинка по всему фронту, взяв направление на Ельню и создавая угрозу окружения противника на ельнинском выступе. В ночь на 5 сентября войска 24-й армии при активной поддержке авиации внезапно нанесла фашистам завершающий удар. Захватчики в панике побежали на запад, бросая оружие, боеприпасы, снаряжение. Ельнинская группировка немецко-фашистских войск в составе восьми дивизий была ликвидирована. 6 сентября утром над Ельней уже развевался советский флаг.

В ходе двухмесячных ожесточенных боев на решающем смоленском направлении Красной Армии удалось заставить противника перейти к обороне. Смоленск старики называли ключом-городом, так как он стоит на пути к Москве с запада. Советские войска приложили немало усилий, чтобы не отдать его. Во всяком случае, взятие этого города обошелся врагу довольно дорого.

После Смоленского сражения немецко-фашистские войска продвигались на восток значительно медленнее, чем раньше. Короче говоря, темп вражеского наступления снизился. В результате оборонительных боев и контрударов советское командование выиграло время для проведения оборонных мероприятий и подготовки резервов под Москвой и в глубоком тылу.

Победа под Ельней, одержанная в результате контрудара, имела не только военное, но и большое моральное значение. Она прибавляла сил тем, кто в тяжелом 1941 году сражался на фронте и в тылу врага, она воодушевляла советский народ на самоотверженный труд во имя разгрома фашизма. Малоизвестная Ельня стала городом, о котором с восхищением заговорили в нашей стране и даже за ее пределами.

Что же касается нас, ельнинцев, то мы ног под собой не чувствовали от радости. Теперь-то, полагали мы, фашистов погонят на запад без задержки. И хотя линия фронта проходила всего в восьми километрах и город подвергался частым налетам и артобстрелу, люди с энтузиазмом начали налаживать разрушенное врагом хозяйство.

Фашисты жестоко разорили Ельню. Камня на камне не оставили они от Краеведческого музея. Дом, где хра-

нились святые для советских людей реликвии, эти вары превратили в конюшню. Можно было подумать, что в музее побывали дикие звери: в таком виде застали мы ценнейшие картины, скульптуры, книги.

Советские войска освободили и мою родную деревню Шарапово. Там я нашел мать и братьев, полтора месяца проживших на оккупированной территории.

Рассказали мне такой любопытный случай. В Шарапове жил старик Борис Ключников, отец директор Передельниковской школы. Был он мастер на все руки, но больше всего любил пчел. Их у него было несколько семей, и в тот год он собрал большую бочку меда. Немцы проводили об этом и стали таскать мед котелками, даже ведрами. Старик много думал, что предпринять, наконец выкатил бочку на улицу и опрокинул ее в дорожную пыль. Мед растекся клейкой лужей. Являются фашистские солдаты и требуют меда. Старик подвел их к медовой луже и жестами объяснил, что проезжали по большаку какие-то «зольдаты», забрали много меда, а остальной вылили на дорогу. Фашисты поверили, старика и его пчел оставили в покое.

Соседи потом спрашивали Ключникова, зачем он сделал это. Ведь лучше было спрятать бочку. Дед только ухмылялся в ответ: он хорошо знал своих тружеников пчел. За несколько дней они собрали и перенесли в ульи весь вылитый на землю мед.

Другой шараповский колхозник — Михаил Кондратьевич Куртенков, большой любитель лошадей, — спас колхозного породистого жеребца, которого не успели эвакуировать. Колхозник ухитрился так забинтовать ему ногу, что тот стал хромать. В общем, одурачил немцев, хотя они и зарились на жеребца.

Поскольку Шарапово и другие прифронтовые деревни подвергались постоянным артиллерийским обстрелам, райисполком решил эвакуировать всех жителей в восточную часть района. Я тоже вывез свою семью в деревню Жабье, которая находится километрах в двадцати от Ельни.

В последних числах сентября разведывательной партизанской группе пришлось еще раз отправиться в тыл врага. По заданию штаба армии надо было добыть «языка». На этот раз с нами через линию фронта пошел житель села Новоспасского Иосиф Бурдин. До войны

он работал бухгалтером. Неторопливый, спокойный, с красивой окладистой бородой, он и на задание шел так же деловито, как в свое время считал народное добро.

Мы почему-то были абсолютно уверены в успехе. Даже свою полуторку оставили недалеко от фронта дожидаться нас. И мы действительно выполнили задание, хотя «язык» оказался и не очень-то ценным.

Вскоре после этой вылазки меня по рекомендации райкома партии утвердили первым секретарем Ельнинского райкома комсомола. Жили мы тогда в Ельне коммунальной в огромном сводчатом подвале под бывшим рестораном. Мощные перекрытия, толстые стены надежно защищали от вражеских снарядов и осколков бомб. Жизнь в городе постепенно налаживалась. Стали работать районные учреждения. Появился даже военный комендант — старший лейтенант Борис Щорс, брат легендарного героя гражданской войны Николая Щорса. Борис был прекрасным человеком, внимательным и душевным. Я и Гусев частенько навещали его.

Мы перестали думать о том, что придется вновь покинуть Ельню. Все реже и реже вспоминали о партизанской борьбе: хватало других забот. Но райком партии не заблуждался на этот счет, он был на чеку и продолжал подготовку к борьбе в тылу врага в случае повторной оккупации района. Проводились, в частности, занятия с будущими партизанами. В лесу, недалеко от деревни Клин, возобновились начатые в августе работы по созданию баз продовольствия и боеприпасов. Там рыли блиндажи, в которых предполагалось запрятать значительное количество продуктов и оружия.

В свое время мы сами рыли блиндажи и склады, не привлекая к этому делу никого из посторонних. Работали лишь руководители района и те, кого предполагалось оставить в тылу врага, в том числе и Тарасенков, назначенный командиром отряда. После же освобождения Ельни там по поручению райкома партии работали другие люди.

В последние дни сентября усилился обстрел города из орудий и минометов. После восстановления железнодорожного сообщения Ельня — Мичуринск участились налеты вражеской авиации. На станцию Ельня прибывали эшелоны с боеприпасами, вооружением, воинскими

частями. Время от времени самолеты врага бомбили железнодорожные мосты, станцию. Однако движение не прекращалось, так как повреждения немедленно устранялись. А это было очень важно: эшелоны подвезли почти к самому фронту.

На 5 октября в Ельне было назначено районное комсомольское собрание. Мои добровольные помощники Коля Кубекин, Савка Кузнецов и другие товарищи организовали молодежь. Мы предполагали обсудить задачи комсомольцев фронтового района. Однако это собрание состоялось только... через два года.

Гитлеровцы перешли в наступление на всем Западном фронте. В ночь на 3 октября враг прорвал фронт где-то в районе деревень Логачево и Новоспасское, занял ряд населенных пунктов Ельнинского района. Артиллерийский обстрел города стал почти непрерывным. Стреляли не только из орудий, но и из тяжелых минометов.

4 октября к зданию военной комендатуры на Советской улице подошла автомашина первого секретаря райкома партии. Из нее вышел Яков Петрович Валухин. Тут же появился комендант города Борис Щорс.

— Отступаем, — сказал ему Яков Петрович. Я только что разговаривал с генералом Ракутиным.

Неожиданно рядом разорвалась мина. Осколки тяжело ранили Валухина и шофера. Секретарь райкома истекал кровью, ему нужна была срочная медицинская помощь. Но в неразберихе, начавшейся в связи с отступлением наших войск, это не так-то просто было сделать. Только благодаря помощи командования 24-й армии самоотверженности жены Валухина тяжело раненного Якова Петровича удалось все же доставить в Вязьму, откуда переправить в глубокий советский тыл.

Город вновь эвакуировали. Стало известно, что убиты Мутище и Болонов, что враг обходит Ельню. Вечером того же дня на одной из улиц города мы с Зайцевым увидели две райпотребсоюзские машины, нагруженные товарами. На них усаживались люди.

— В чем дело? Куда это вы собираетесь? — спросил Зайцев.

— Есть распоряжение райкома вывезти всех людей и ценности в Замостье, — ответил председатель райпотребсоюза Федина. — Поедемте с нами.

Синяя начался артиллерийский налет, шоферы быстро заехали моторы, и мы уехали. Машины остановились в деревне Ивано-Гудино. К своему удивлению, мы обнаружили, что на машинах нет ни Гусева, ни работников райкома Хромченкова, которые тоже должны были ехать с нами. Что делать? Возвращаться назад? Да, можно возвращаться. Но Федина не соглашается, ссылается на то, что он отвечает за ценности.

Пойдем ты... со своими ценностями, — крикнул в направлении Зайцев. — Там люди остались, а ты нам ценности, ценности!

Груз с одной машины свалили в склад сельпо, и мы с Зайцевым поехали обратно, к большому неудовольствию Федина и шофера.

Гусева и Хромченкова, а вместе с ними и секретаря райкома партии Смирнова мы нашли в подвале под бывшим рестораном. Вокруг стоял невероятный грохот: продолжался обстрел города. Иван Павлович раздобыл где-то ящик грудинки, пол-ящика пшена и сахара. Встретил он нас шуткой:

— Вот хорошо, что вы вернулись. Пусть дураки в Замостье едут, а нам и тут неплохо. Провизией мы заправились, самовар есть. Из Ельни не уйдем до последнего. Правда, Андрей?

— Правда! — согласился я.

— Ну, тогда разводи самовар.

Мы стали возиться с самоваром, но чайку попить не пришлось: снова начался бешеный артиллерийский обстрел.

Иван Павлович распорядился погрузить кое-какие вещи, отъехать в соседнюю деревню Ярославль и ждать там нас. Так и сделали. С машиной поехал Зайцев. Мы же направились в комендатуру к Щорсу. Гостеприимный комендант угощал нас чаем и неутешительными сведениями, что немцы уже в деревне Поповка, километрах в шести от города.

Гусев распорядился взорвать в районной типографии печатную машину. Мы выполнили его поручение.

Щорс посоветовал нам пойти пока в блиндаж и отдохнуть несколько часов. Если обстановка ухудшится, он сообщит. Мы так и сделали. Часа в три ночи Щорс разбудил нас: враг на окраине города, надо уходить.

Ни в Ярославле, ни в соседней деревне Зайцева не

оказалось. Утром на попутной машине добрались до Мархоткина. Но в Замошье попасть уже не сумели: там были фашисты. Саперы взорвали мост на реке Угра. Кругом горели деревни.

Гусев решил идти в деревню Волочек, Дорогобужского района, где находился штаб 24-й армии, чтобы связаться с обкомом партии, сдать некоторые документы, печати райкома партии и комсомола, получить дальнейшие указания.

— По-видимому, вскоре придется возвращаться назад, в тыл врага, — говорил он.

В одной деревне, на границе нашего и Дорогобужского района, я повстречал свою семью, ехавшую на повозке. Налицо были все, кроме бабушки: она осталась в Жабье. Направление держали на Вязьму. Гусев одобрил такое решение и обещал, что мы, возможно, тоже туда попадем, а затем и надумаем, как быть дальше.

А гитлеровцы все наступали. Изредка до нас долетали снаряды, вокруг пылали деревни. Вот и последний населенный пункт Ельнинского района. Дороги забиты повозками и хмурыми людьми. В небе висят тяжелые свинцовые тучи, сеет мелкий, противный дождь. Тяжело уходить. А вдруг советские войска остановят фашистов, снова отобьют Ельню, освободят наш район?

ОКРУЖЕНИЕ ПОД ВЯЗЬМОЮ

В Волочке, в штабе 24-й армии, суета. Враг нападает. Штаб меняет дислокацию. На машины грузят имущество. Связисты снимают телефонные линии. Во все стороны скачут верховые, мчатся мотоциклисты.

Мы только что добрались сюда, но здесь теперь не до нас. Гусев послал меня к Крижановскому в разведотдел. Здесь тоже собираются уезжать. У одного из домов майор Крижановский отдает какое-то распоряжение. Лицо усталое, под глазами синие круги, голос охрип. Дождавшись, когда он освободится, я отошел от него в сторону и спросил:

— Что происходит? Что делать дальше? Как с оружием? Какие будут задания?

Майор потер седые виски и устало ответил:

— Дела плохи: немцы рядом. Мы отступаем. Бойдут в Подмошье. Я направил в Ельнинский район Иосифа Бурдина. С ним наш опытный разведчик, есть план. Вам советую переждать в какой-либо деревне, пока войдут фашисты, а затем возвращаться в свой район. Свяжитесь с Бурдиным. Явка у Гореликова в Варях Луках.

— Но у нас документы райкома партии и райкома комсомола. Их надо передать в обком партии.

— Помочь ничем не могу. Пусть эти вопросы решает Гусев. Он ведь с вами?

— Да.

Крижановский сообщил мне пароль на явку и, улыбаясь, заметил:

— С ребятами, наверное, хочешь попрощаться? Беги скорей в сарай, они еще не уехали. Ну, до встречи в лучшие времена. До свидания, товарищ Юденков!

Мы крепко пожали друг другу руки. Прощай, мой первый боевой учитель! Встретимся ли?!

Побежал в сарай, где обычно находились мои друзья пограничники. Там был только Ленья Юревич. Иван Бугров погнался куда-то на мотоцикле по заданию командования.

— Дрянь дела, Андрей. Отступаем. Вот-вот будут немцы. А ты куда?!

— Да я и сам, Лёнь, не знаю. Пойду к Гусеву, он решит.

— Ну прощай. — И снова, в который уже раз за эти дни: — Увидимся ли? Что будет дальше?

Обычно довольно легкомысленный, Ленька на этот раз был серьезен и строг. Мы обнялись, и я вернулся к своим товарищам.

Выслушав меня, Гусев решительно сказал:

— Идем сначала в Вязьму, а там будет видно. Оттуда вернемся в свой район. В Вязьме знают, что происходит, сумеют для нас все сделать. Развяжемся с документами. Может, там будут и наши районные работники из Замошья.

И начались дни скитаний. В одной из деревень нам повстречались два комсомольца из Шарапова, которым в свое время было поручено остаться в немецком тылу. У них были намечены явки. На вопрос, почему они

здесь, а не в Шарапове, ребята ответили, что их оттуда выселили военные.

— Ну, а теперь почему не возвращаетесь обратно?

— Да мы уже пробовали, наши воинские части пускают назад. Вот если бы нам справочку дали, бы сейчас же вернулись.

Гусев быстро набросал справку о том, что ребята направляются со спецзаданием в немецкий тыл и райком партии просит воинские части оказать им в этом содействие. Справку он заверил райкомовской печатью.

У самой Вязьмы стало ясно, что попали в окружение. Несколько раз пытались перейти линию фронта, безуспешно. Как правило, мы попадали под пулеметный и автоматный огонь и вынуждены были возвращаться обратно. Никто ничего не знал. Далеко ли продвинулись фашисты к Москве? Действительно ли враг занял Вязьму? Где удобнее всего проскочить через линию фронта? А вражеское кольцо сжималось все теснее и теснее. В окружение попало значительное количество наших войск. Некоторым, правда, удалось с боем прорваться.

Тем временем фашистская авиация непрерывно бомбила и обстреливала из пулеметов скопления людей и автомашин. Доходили слухи, что заняты Юхнов, Мызынь, Холм-Жирковский.

Однажды мы встретили старшего лейтенанта Щорса и секретаря партийной организации Шараповского колхоза Дольникова. Они так же, как и мы, испробовали все способы, чтобы вырваться из окружения. Решив идти вместе.

В тот год зима наступила рано. Подморозило уже в первых числах октября, вскоре выпал снег. Мороз крепчал с каждым днем. А мы все шли. Одна попытка — неудача, другая — тоже. И так много раз. Но мы не падали духом. Ночами, прижавшись друг к другу, вповалку лежали на снегу, промерзали до костей. Утром просыпались покрытые инеем. Зуб на зуб не попадали. Хорошо еще, что мы были довольно тепло одеты: та же в окружении, под Вязьмой, добыли ватные брюки и фуфайки. На мне была еще и новая шуба. Но это не спасало.

В небольшом лесочке нашли повозку с почтовым посылом. Окликнули возчиков. Никто не отозвался.

Получили несколько посылок. Там оказались продукты. Перекусили, взяли немного с собой. Рядом валялся патефон с набором пластинок. Щорс завел патефон, на весь лес разнеслось: «Выйду ль я на реченьку». Мы ухмылялись, а песня все звучала вслед. Было жутко.

Вражеское кольцо все больше и больше сужалось. Артиллерийская стрельба гремит со всех сторон. Организованного сопротивления уже фактически нет. В одиночку и небольшими группами бродят отбившиеся от своих частей бойцы. Встречаются и люди в штатском. Все нестерпимей холод и голод.

И все же нам удалось оторваться от гитлеровцев и передохнуть. Борис Щорс разыскал где-то баранью тушу. Мы сварили ее и впервые за много дней поели горячей пищи. Остатки баранины положили в мешки.

В лесу, в овраге наткнулись на санитарный автобус. Заслышав шаги, кто-то позвал:

— Товарищи, зайдите, пожалуйста, к нам.

Мы зашли. На подвесных матерчатых койках лежали человек десять тяжелораненых. Они попросили воды и чего-нибудь поесть.

— А где же медицинский персонал?

Перебивая друг друга, раненые поведали свою историю. Их автобус направлялся в Вязьму. Сопровождали их медсестра, санинструктор и шофер. Стало известно, что Вязьма занята врагом. Бензин кончился. Тогда шофер, медсестра и санинструктор, забрав легкораненых, решили пробиваться из окружения. Это случилось несколько дней назад...

— Ладно, товарищи, — сказал Гусев. — Сейчас что-нибудь придумаем. Ребята, — обратился он к нам, — раскрывайте мешки.

Гусев, Щорс и я отдали раненым все свои запасы. Но этого было мало. Мы решили поискать пищи и воды, в крайнем случае поймать одну из отбившихся лошадей, прирезать ее и наварить раненым мяса. Но нас снова окликнули из автобуса:

— Товарищи, не бросайте нас, не уходите!

— Как это — не уходите? Ведь мы идем за водой и за пищей для вас!

— Не уходите: нам уже один раз тоже обещали и не вернулись.

Гусев, бывший у нас за старшего, распорядился, чтобы Дольников и Хромченков остались в автобусе. Вскоре мы вернулись с водой, мешком риса, концентратами, принесли даже махорки и все это отдали раненым. Тут заметно повеселели.

Невдалеке увидели машину, нагруженную рабочей одеждой. Несколько охапок одежды мы тоже притащили в автобус.

Разыскивая продукты и одежду для раненых, мы обнаружили в чаще леса большую группу местных жителей, которые прятались от обстрела. Мы рассказали раненым. Колхозники согласились забрать их с собой и приютить. Впоследствии в тылу врага, на территории Вяземского, Семлевского и Дорогобужского районов было создано несколько тайных госпиталей, в которых сотни людей залечили раны. В одном из таких подпольных госпиталей работал автор многих книг, статей, брошюр по истории партии Б. Волин, выдававший себя в немецком тылу за доктора медицинских наук.

Убедившись, что колхозники уносят раненых в глубь леса, мы распрощались и двинулись в путь.

И вот последняя ночь в окружении. Мы долго шли по лесу, наконец удачно перебрались через железную дорогу Смоленск — Вязьма. Теперь впереди шоссе Москва — Минск. Но до него еще далеко, а ночь на исходе. Немного подремали, сбившись кучей под елью, и снова в путь. Расчет был такой: до ночи выйти к автомагистрали, пересечь ее, а затем, забирая все правее, обойти Вязьму. Возможно, где-нибудь и удастся прорваться.

Шел седьмой день наших скитаний. Кажется, не так уже много, всего неделя. Но что эта была за неделя! Сколько каждый из нас выстрадал, сколько передумал, пережил, сколько видел горя вокруг!

Пройдя несколько километров, мы очутились в довольно густом лесу. Где-то слева глухо урчали моторы. Чувствовалось: там автомагистраль. Иван Павлович подозвал всех к себе. Он предложил уничтожить документы и печати райкома партии и райкома комсомола, а личные документы зарыть. Мы согласились и тут же приступили к делу. Когда все было кончено, Иван Павлович сказал:

— Ну, а теперь пошли. Пусть каждый пожелает удачу и себе самому и всем вместе.

Осторожно, чтобы не хрустнула ни одна ветка, наша маленькая группа стала пробираться вперед, ориентируясь по звукам, долетавшим с шоссе. Было около двух часов пополудни. Шли цепочкой. Впереди Иван Павлович, за ним я, замыкающим — Щорс. Вдруг впереди, где-то совсем рядом, за деревьями, раздался резкий крик по-немецки и сразу — выстрел. Мы с Иваном Павловичем кинулись на землю и затаились у деревьев. Щорс, Дольников, Хромченков и недавно присоединившийся к нам лейтенант бросились в сторону, ломая ветки и сучья, с шумом помчались по лесу. Это привлекло внимание гитлеровцев, прочесывавших лес. С криками: «Рус, рус, хальт, цурюк!» — они бросились в нашу сторону.

— Бежим, — тихо сказал я Гусеву.

Но в это время на него уже напали три фашиста. Меня они пока не видели. Торопливо расстегивая крючки на шубе, стараясь выхватить из-за ремня пистолет. И вдруг сзади: «Рус, хейде хох!» Пистолет я так и не успел выхватить: тряслись руки, от волнения путался в застежках. Гусев уже стоял. Встал и я, озираясь по сторонам и втайне надеясь, что вот-вот по фашистам ударит из автомата Щорс. Ведь автоматы остались у них, а у нас только пистолеты да гранаты. Возле меня стоял немец. Это был плюгавый человечек в очках, с красным опухшим носом. Распахнув на мне шубу, он вытащил пистолет, из карманов достал гранаты.

«Какая нелепость, — мелькнуло в голове, — так глупо попались, и кому?» Этого фашиста я мог легко свалить с ног одним ударом в ухо, да так, что его потом пришлось бы водой отливать. А теперь нам крышка: мы в гражданской одежде, с оружием, примут за партизан, отведут в сторонку и расстреляют. Бежать! Но как?!

Тем временем Гусев незаметно вытащил из кармана свой пистолет и забросил его в кусты. Один из немцев тут же нашел его и, вернувшись, покрутил пистолетом перед носом у Ивана Павловича. Нас отвели на поляну, где уже было несколько десятков взятых в плен солдат и людей в штатском. Перебросились с ними несколькими отрывочными фразами и поняли, что крупная гитле-

ровская часть сплошь прочесывает лес, задерживая всех, кто попадется. И действительно, на поляну привели все новых и новых людей: солдат, стариков и даже женщин. На нас уже не обращали внимания.

«А может, все обойдется, может, забудут, что мы были с оружием?»

Теплилась надежда и на Щорса. Неужели не выручит? Он ведь где-то рядом.

Вскоре нас погнали к тому самому шоссе, к которому мы так стремились несколько часов назад и которое собирались переходить предстоящей ночью. По пути встречалось много немцев. Они на ходу раздевали задержанных людей. С нас тоже сняли шубы и шапки, Ивана Павловича отобрали часы. Гитлеровцы несколько раз перестрясали наши вещевые мешки и каждый раз что-нибудь забирали. Забрали даже раскрошившееся печенье, перемешанное с табаком. К счастью, у нас уцелело хорошее шерстяное одеяло, подобранное где-то в окружении, да и то лишь потому, что от длительного употребления в лесу, на голой земле, оно имело очень непривлекательный вид. Кроме него осталось еще порядочно трубочного табаку.

Вскоре дошли до шоссе. Остановились у большого разрушенного моста, недалеко от Вязьмы. Здесь всех задержанных включили в общую колонну военнопленных и погнали на запад. Конвой сменился. Фамилий и званий ни у кого не спрашивали. Обстоятельства, при которых задержали людей, никому не известны. Это уж хорошо. Чтобы не выделяться из общей массы, мы с Иваном Павловичем за несколько горстей табаку ту же, в колонне военнопленных красноармейцев, выменяли себе по рваной солдатской шинели.

Только много позднее мы узнали, что произошло под Вязьмой. 4 октября были заняты Спас-Деменск и Киров, а 5 октября — Юхнов и Мосальск. Затем моторизованные корпуса немецких танковых групп вышли в тыл вяземской группировки советских войск и отрезали пути отхода соединениям четырех советских армий (19, 20, 24 и 32-й). 12 октября была занята Калуга. А мы, находясь в тылу врага, надеялись, что фронт где-то рядом и нам вот-вот удастся вырваться из окружения.

Под вечер 12 октября большую колонну военнопленных, в которой мы находились, погнали по Минскому

шоссе в сторону Смоленска. Конвоиров было немного, не больше трех-четырёх десятков. Зато на шоссе, в каждом населенном пункте да и прямо в лесу нам встречалось громадное количество гитлеровских солдат и офицеров, автомашин, танков, тягачей. Кто знал тогда, что для октябрьского наступления на Москву враг сосредоточил на Западном направлении половину всех своих сил и техники, имевшихся на советско-германском фронте, и добился тем самым большого численного превосходства в живой силе, танках и самолетах.

По пути колонну несколько раз останавливали на отдых. Она сильно растянулась в длину, и иногда во время остановки хвост колонны оказывался в лесу или в кустарнике, через которые проходило шоссе. Без особого труда можно было бежать. Я поделился своими мыслями с Иваном Павловичем. Он подумал и ответил:

— Не стоит, Андрей: бесполезно. Посмотри, сколько кругом немцев. Не успеем отойти и двух километров, как схватят, а у нас ни оружия, ни документов. Гонят нас к Смоленску. Там войск будет поменьше. Отшагаем несколько дней и драпанем. Охрана, как видишь, не сильная. Вот и убежим. Как смотришь?

— Да, вроде ты прав, а все-таки, кто его знает, что будет впереди. Сейчас так удобно...

Побег отложили и через несколько дней горько пожалели об этом. Первую ночь провели под открытым небом, на морозе, в каком-то болоте. С рассветом пленные зашевелились. И тут мы встретили Дольникова. Он рассказал, что вчера благополучно убежал от немцев, но Щорса и его спутников потерял и больше не видел. Засветло добрался до шоссе и до темноты пролежал в кустах. Ночью стал переходить шоссе, тут и снапали.

Соседняя деревня, возле которой нас остановили на ночевку, была полна гитлеровцев. То тут, то там виднелись их автомашины, покрашенные в серо-грязный цвет. Некоторые солдаты и офицеры с любопытством бродили среди пленных, подолгу рассматривали исхудавших, голодных людей, о чем-то переговаривались между собой, смеялись. Из толпы на них смотрели сотни колющих, ненавидящих глаз.

— Смеетесь! Подождите, еще и плакать придется. Только бы добраться до вас по-настоящему!

От тысяч человеческих ног снег в лагере подтаял, перемешавшись с землею, превратился в грязь. Э жижка чавкала под ногами.

За ночь находившиеся в колонне раненные и просто ослабевшие окоченели и сейчас неподвижно лежали на земле. Здоровые, как могли, помогали им.

Фашисты приказали вынести тех, кто не может идти дальше. Несчастных вынесли. Нетрудно догадаться, ка была решена их участь.

Какой-то немец пристрелил двух бродивших возле колонны лошадей и знаком показал, что их можно обдрать и съесть. Через несколько минут от лошадей ничего не осталось.

И снова медленно, понутив голову, движется по шоссе серая масса. А на обочинах дороги сверкает девственно белый снег.

Гусев, Дольников и я идем вместе. Иван Павлович все время тихо гудит на ухо Дольникову:

— Чего идешь с нами? Одет ты в деревенскую шубу старый, в бороде седина. Уходи, пока не поздно. Никто и не подумает, что ты из колонны.

— Да как уйти? Сейчас же поймают...

— «Как, как?» — сердито повторяет Гусев. — Делать очень просто. У каждой деревни по обочинам шоссе стоят женщины, дети, старики, высматривают своих близких. Поравняешься с ними — и юркну в толпу.

— А вы сами почему так не поступите?

— Голова садовая, да ведь мы молодые, в шинелях да и запаршивели уже в этой проклятой колонне. Только сунься — сразу заметят.

«Агитация» подействовала. Сначала мы перебрались из центра колонны к правому краю. Потом, пропустив конвоира и замедлив шаги, решили прикрыть Дольникова, чтобы идущий сзади конвоир ничего не заметил. В ближайшей деревне, как и говорил Гусев, самого шоссе стояли небольшими группами местные жители и пристально вглядывались в проходящих. Поравнявшись, мы немного выдвинулись из колонны и подтолкнули к ним Дольникова. Секунда — и он оказался среди колхозников, ничем не отличимый от них. Так же, как остальные, Дольников стал внимательно смотреть на пленных, только взгляд его не обшаривал

лица, а был прикован ко мне и к Гусеву. Мы встретились с ним глазами и слегка кивнули.

«Побег удался. Теперь и нам можно попробовать, хотя это будет потруднее», — подумал я.

А колонна тем временем двигалась дальше, в сторону Смоленска. Осмелев, я тоже попробовал, проходя мимо из деревень, повторить то, что сделал Дольников. Но не тут-то было. Конвоир заорал благим матом и спросился ко мне с суковатой березовой палкой. Я снова юркнул в колонну и стал пробираться в середину. Немного, видно, лень было возиться со мною, и он лишь угрожающе помахал в мою сторону палкой. Зато Иван Павлович долго отчитывал меня.

— Ты что, с ума сошел? — зудел он над ухом. — Ты ведь не Дольников, за версту видно, что за птица. Тем более, на кой черт ты остригся. Ведь тебя каждый примет за переодетого солдата. Потом, я тебя, сумасшедшего, знаю. Если бы фриц ударил палкой, ты бы дал сдачи. Ну и крышка, он тебя тут же пристрелил бы. Тоже мне — «герой»! Бежать надо, да по-умному, а не так. Не спеши. Придумаем что-нибудь. Помирать я тоже не собираюсь...

Мы стали готовиться к побегу. Положение несколько изменилось: на людей, одетых в гражданскую одежду, немцы обращали меньше внимания, чем на военных. Надо было «переобмундироваться». Нам повезло: в колонне нашелся человек, согласившийся обменять на свою рваную шинель свой еще более ветхий пиджак. Сейчас я даже не представляю, как вообще эти лохотья держались на плечах. Где-то по дороге попалась такая же истрепанная, до ужаса грязная шапка. Детальное менять было не надо.

При обыске в первый день мне удалось сохранить пиджак, а Ивану Павловичу — бритву. С помощью этих «орудий» мы немного «отремонтировали» свою одежду и приобрели вид, хотя и оборванцев, но вполне «циvilных».

А время явно работало не в нашу пользу. С каждым днем мы чувствовали себя все хуже и хуже.

Костры по ночам разжигать не позволяли. Каждое утро после ночевки из временного лагеря вытаскивали несколько десятков трупов.

С каждым днем зверели конвоиры. Теперь они стре-

ляли в пленных по любому поводу. Достаточно было попытаться разжечь костер, отстать или вырваться вперед на марше, зачерпнуть котелком грязной воды и лужи, как тут же гремел выстрел.

И все же не это было страшнее всего. Ужасно было другое: молодые и сильные, мы вынуждены были покорно брести туда, куда нас гнали...

Гусев слабел на глазах. Я знал, что у него язва же лудка, и не мог ничем помочь. В наших вещевых мешках, после того как их перетрясли немцы, оставалось с десятков сухарей. Мы условились съедать каждый день только по одному. И вот кончаются сухари.

Нас пригнали в какую-то деревню, где за колючей проволокой уже находилась группа товарищей по несчастью. В зону, опоясанную проволокой, попал большая колхозная рига с необмолоченным хлебом. За каких-нибудь два часа пленные обмолотили его руками, а зерно рассовали по карманам. Зажгли костры (на этот раз охрана не запрещала их жечь), наскребли снега, стали распаривать зерно в котелках. Люди немножко утолили голод и начали укладываться на ночлег. Спать можно: кругом разбросана солома. Спасаясь от холода, многие забрались в ригу. Туда же направились и мы. Я собрал несколько охапок соломы и принес Ивану Павловичу. Он стал расстилать наше одеяло. Мне показалось, что соломы маловато, решил набрать еще. Вернулся и вижу: стоит Иван Павлович, растерянный, а на щеках так и ходят желваки.

— Что случилось?

— Да вот, два каких-то паразита отобрали у меня и одеяло и солому.

Ну солома — куда ни шло, черт с нею, а вот потеря одеяла — это смерть.

— Куда они пошли?

Иван Павлович показал, а сам безнадежно махнул рукой:

— Не вяжись, ну их к черту, пусть подавятся!

— Что? А ну, пошли!

Их было трое, но меня это не смутило.

— А ну, отдавай одеяло и солому, туды твою...

— Пошел прочь.

— Что? Да я тебя...

Видя, что противники не собираются отдавать одеяло,

я выхватил нож. Это произвело впечатление: все трое мгновенно исчезли.

— Нахалы, — не выдержал Иван Павлович. — А ты, Андрей, молодец: не растерялся. Теперь — спать.

Позднее, будучи в партизанском отряде, мы встретились с одним из мародеров. Он остался верен себе и грабил людей уже в роли полицейского. Но об этом я расскажу дальше.

Пока мы отбивали свое добро у грабителей, кто-то занял облюбованное нами место. В ригу набилось столько народу, что, как говорится, яблоку негде было упасть. Но кое-как мы все же пристроились.

Впервые мы укладывались спать за колючей проволокой. Но зато и впервые за много дней над головой была крыша, кругом стены и под нами не грязь и снег, а солома. Вот уже по-своему и счастлив человек. Правда, «счастье» это такое, что не приведи бог. И все же, согрившись, заснули сладко. Около полуночи нас разбудили крики и стрельба: рига горела. Обезумевшие от страха пленные бросились к воротам. Образовалась пробка. Задние напирают, передние стонут. И вдруг впереди у ворот люди стали падать: гитлеровцы били по ним из автоматов. Звери! Часть пленных бросились вперед, другие стали пятиться, а фашистские изверги все стреляли и стреляли. Мы были далеко от ворот, примерно в середине риги, и народу здесь оказалось меньше.

— Скорей ложись, убьют! — крикнул Гусев.

Мы бросились наземь, кое-кто последовал нашему примеру. А через нас помчались люди. Вот-вот затопчут.

— Павлыч, ползем в другую сторону, к стене.

Доползли. Там поблизости тоже были ворота, но и по ним били проклятые фашисты. «Беда! Или убьют, или сторим! Что делать?»

Жара стала невыносимой. Как ни опасно у ворот, а выбираться из риги надо. Прижимаясь к земле, мы поползли навстречу пулям. Кругом падали люди, стонали раненные. Рядом горела стена, а мы упорно ползли, причем мне пришлось буквально тащить Ивана Павловича. Наконец ворота позади, мы отползли от готовой рухнуть риги и притаились среди трупов. От ужаса шевелились волосы. По тем, кто лежал неподвижно, фашисты

не стреляли. Вскоре стрельба затихла. Пленные сбились тесной кучей в углу лагеря. К этой толпе пробрались и мы с Гусевым.

За колючей проволокой охранники на наших глазах добивали из автоматов раненых.

— Товарищи, помогите! — раздавалось невдалеке от нас.

Мы с Иваном Павловичем, не раздумывая, бросились на голос. Следом побежали еще двое. Подобрали раненого лейтенанта, мы втащили его в толпу и наскоро перевязали. Фашисты, видимо устав от кровавой оргии, перестали стрелять по раненым. Рига сторела. Утром из лагеря вытащили около девяноста обугленных трупов.

Лица военнопленных мрачны, сосредоточенны. В глазах — непримиримая ненависть к врагам. За что перебили столько ни в чем не повинных людей? Почему загорелась рига? Почему охрана стала стрелять по лагерю? Кто мог ответить на эти вопросы!

В тот же день, а было это 17 октября, мы твердо решили бежать. Уходить придется по одному. Встретиться договорились в Ельнинском районе. Из лагеря вырваться невозможно. Бежать попытаемся на марше.

Почти ежедневно по утрам, после того как колонна выстраивалась в походный порядок, приходил офицер с переводчиком и провозглашал: «Коммунисты, комиссары, жида, украинцы — три шага вперед!» Люди, относившиеся к первым трем категориям, конечно, не откликнулись: это — смерть. А «украинцы» делали иногда три шага вперед, только большинство из них вряд ли были настоящими украинцами. Затем немцы разыгрывали хорошо подготовленную сцену: вытаскивали из колонны одного-двух пленных и тут же расстреливали их как «комиссара», «коммуниста» или «жиду». По адресу же «украинцев» офицер разражался речью: «Мы уничтожаем комиссаров, коммунистов, жидов. Это они толкнули на войну, это они напали на Германию. Мы вынуждены восстать против России. С Украиной мы не воюем. Украинцы могут отправляться по домам».

Расчет был ясен: посорить между собой военнопленных, чтобы они выдавали коммунистов, евреев, политработников, посеять неприязнь между русскими и украинцами. Вся сцена с освобождением являлась ч

стойшей провокацией. Никого из «украинцев» фашисты домой не отпускали. Через несколько часов «освобожденных» вылавливали, сажали на машины и отправляли на работу. Провокация была грубой, и все же некоторые попадались на нее.

Стали строить первую колонну, с которой должен был отправиться и Гусев. Я дал ему сухарь, а последний оставил себе. Мы попрощались. Вскоре, однако, подошли автомашинны и пленным объявили, что все, кто вошел в состав этой колонны, будут сегодня работать. Забрав людей, машины уехали.

Я решил пристроиться ко второй колонне, которая вышла вслед за машинами. Двигались в направлении на Смоленск. «Бежать, непременно бежать, и сегодня же!» — эта мысль не покидала меня.

Не выходил из головы и Иван Павлович. Как-то у него сложатся обстоятельства?

Позднее я узнал, что Гусеву удалось совершить побег в тот же день. Вечером, после работы, их снова позвали. Иван Павлович попал на последнюю машину. Охранник сидел в кабине рядом с шофером. Ехали на большой скорости, кузова были закрыты брезентом, который голыми руками не разорвешь. В общем, гитлеровцы предприняли все, чтобы исключить возможность побега. Но Ивана Павловича это не смущало: у него была бритва. А то, что машина мчится на большой скорости — тут уж ничего не поделаешь. Риск, конечно, большой, но ведь за ним — свобода...

Когда ехали на работу, Гусев запомнил, что на одном из поворотов дороги, у моста, высокая земляная насыпь и машины здесь замедляют ход. Как только стали приближаться к этому месту, он выхватил бритву и располосовал сверху донизу брезент.

Хотя машина и снизила скорость, Гусев кубарем полетел под откос, набил себе шишек и синяков, вывихнул ногу. Оказавшись на свободе, долго глядел вслед уходившим машинам, боясь, не остановятся ли они.

Но машины мчались вперед. Потом из кузова выпрыгнул еще кто-то и пулей бросился в сторону. Иван Павлович окликнул его. Тот замедлил бег и, увидев, что его не преследуют, осторожно пошел к Гусеву. Пообщались. Человек сказал, что в армии он был старшиной, а родом с Украины.

— До Украины тебе далеко, — заметил Иван Павлович. — Идем со мной. Я местный, из Ельнинского района.

Старшина охотно согласился, помог Гусеву вправить вывихнутую ногу, и они двинулись в путь. Шли всю ночь. Днем отдохнули и снова в дорогу. Так продолжалось несколько суток. Остановились только в деревне Крутица, Екимовичского района, где жили родственники жены Гусева. Остался в Крутице и старшина (позднее он вступил в наш партизанский отряд).

В тот же вечер, когда Иван Павлович выпрыгнул из машины, бежал и я. Мы только что прошли деревню Шишкино, Сафоновского района. Местность была мне немного знакома. Заметно темнело. Вот-вот нас остановят на ночлег. Пора бежать.

Я огляделся. Охранники шли по сторонам колонны метрах в двухстах друг от друга. «Пропущу первого, — думал я, — и брошусь в сторону лесочка (он был виден невдалеке). На пути есть копна сена, она скроет меня от пуль, хотя бы на некоторое время. Пока выстрелит задний охранник, сумею пробежать приличное расстояние».

Я замедлил шаг, рванулся в сторону и побежал. Никогда в жизни не бегал я так, как в тот раз. За спиной словно выросли крылья, а в голове одна мысль: «Вот сейчас начнут стрелять, и все будет кончено. А так хотелось жить!»

Сзади действительно начали стрелять. Я еще надбавил ходу. Над головой и вокруг противно дзенькала пули. Бежал зигзагами. Может, не попадут?! Вот уже скоро копна, за которой можно укрыться, а там и до леса рукой подать.

Вдруг удар в ступню правой ноги. От резкой боли я кувырком полетел на землю. Однако успел повернуться лицом в сторону стрелявших и безжизненно раскинул руки. Пусть думают, что убит. А сам продолжал наблюдать. Приготовил нож. Если начнется погоня, как-нибудь доковыляю до леса. Если же прибежит один охранник... У меня есть нож. Посмотрим еще — кто кого.

Я, видимо, родился в рубашке. Немцы немного постреляли и на том успокоились. Колонна двинулась дальше и вскоре скрылась из виду.

Оглядевшись, я осторожно подполз к стогу сена,

трудом снял с раненой ноги сапог. Он был полон крови, которая текла из длинной рваной раны. В вещевом мешке чудом сохранилась чистая нательная рубашка. Разорвав ее, перевязал рану, натянул сапог и, преодолевая боль, поплелся к поселку Сафонову. Гитлеровцев там не оказалось. Добрые люди приютили, накормили, уложили спать.

Глубокой ночью в поселок прибыла какая-то немецкая часть. Солдат начали размещать по домам. Пришли и в наш дом, однако хозяйка, отчаянная молодка лет тридцати, так никого и не пустила. Старик, говорит, у меня болен, дети малые, муж ранен при бомбежке. Это что «муж»?!

Родные, самоотверженные русские люди! Никогда не забудут вас солдаты. Скольким из них вы, рискуя собой, спасли жизнь! Какой же памятник вам надо поставить, какие книги про вас написать!

Ранним морозным утром я двинулся в свои края. Дорогобуж обошел слева: там полно было немцев. Перейдя по льду через Днепр. Главное теперь было не попасть на глаза фашистам. И ведь дошел. Всего за двое суток! У деревни Жабье, куда решил зайти в первую очередь, чтобы узнать о семье, я увидел растянувшуюся по дороге фашистскую колонну. Прилег в кустах, дождался, пока она скроется из виду. В первой же хате выяснил: немцев в деревне нет.

СНОВА В ЕЛЬНЕ

Вот и хата, где жила моя семья во время боев под Ельней. Тихо зашел. На табуретке спиной ко мне сидела Наташа. Я остановился у двери и глазами стал искать остальных. Наташа обернулась, увидела меня, смертельно побледнела. Я бросился к ней, подхватил на руки, отнес на кровать. До родов ей оставалось несколько недель, и мое появление было для нее чересчур сильным потрясением. А мой вид?! Я ведь не видел себя со стороны, а тут случайно заглянул в зеркало и ахнул: было чего испугаться...

Потянулись однообразные дни. Рана стала гноиться. Но обратиться к врачу не рискнул, лечился домашними средствами. Днями лежал на кровати, беспомощный,

одиноким, не зная, что делается на белом свете. У Наташи сохранился мой маленький пистолет. Засунул его под подушку. Да разве это оружие? От нечего делать наточил топор. Уж если придут за мною, то хоть отдам жизнь подороже.

Днем и ночью Наташа и ее мать шили для крестьян кое-какую одежку, чтобы заработать на кусок хлеба. В доме не было даже дров. Отапливались сучьями, которые женщины собирали в соседнем лесу. Всякий раз, когда их встречал на улице староста деревни Жигалов, он вызывающим тоном задавал один и тот же вопрос:

— Когда вы наконец уберетесь? Проваливайте в свое Шарипово!

Наташа и мать плакали, рассказывая об этом, а я ничем не мог помочь.

Хата, в которой мы ютились, принадлежала какому-то родственнику Жигалова. В ней кроме нас жили старик со старухой, хорошие, добрые люди. Мою семью поселил сюда сам Жигалов еще во время боев под Ельней. Тогда он был предупредителем и вежливым, обещал, что все будет хорошо. Сейчас это был другой Жигалов — наглый, надменный, обозленный.

Однажды вечером я лежал и читал какую-то книжку, случайно оказавшуюся в доме. В хату вошел Жигалов. Он был очень возбужден: лицо в багровых пятнах, глаза блуждают, женская шуба в сборках, в которой он шеголял, растегнута нараспашку.

— Вон отсюда! — с порога закричал Жигалов. — Терпение мое лопнуло. Чтоб в двадцать четыре часа убрались из деревни к чертовой матери, иначе буду жаловаться существующей власти. Коммунистов не потерплю!

Слова-то какие подобрал: «существующей власти», «коммунистов не потерплю»... Жигалов еще не кончил свою тираду, а меня будто ветром сдуло с постели.

— Ах ты, сволочь! — закричал я, схватив топор. — Гад, паразит... — И ринулся на старосту.

В меня вцепились мать, Наташа, братья. Удар оказался неточным — топор чуть ли не по самый обух вошел в притолоку. Жигалов пулей вылетел за дверь.

Ну вот и все. А что дальше? Староста обязательно доведет о случившемся немцам, и тогда все пропало...

В тот же день мы отправили мать и братьев в Шар

ипово. Наташа, несмотря на уговоры, осталась со мной. И снова на помощь пришли простые советские люди. Ночью в хату тихо постучала одна из лучших колхозниц комсомолка Маня Киселева и предложила:

— Переходите к нам. Как-нибудь переживем лихолетье. А на Жигалова не обращайтесь внимания. Это паразит и трус. Одно слово — кулак... А смелый он только с теми, кто его боится. Вот ты шиганул его, Андрей Федорович, теперь он и носа не покажет. Придут наши, мы с ним еще поговорим. Ишь нашелся, гад, власть свою устанавливать...

Мы перебрались к Мане Киселевой. Она охотно делилась с нами своими скромными запасами. А ведь до войны ельнинские колхозники жили в достатке!

Прошло несколько дней. Фашисты не являлись. Значит, Жигалов пока им ничего не сообщил. Почему? Неужели права Маня Киселева? А может, не в этом дело? Пожалуй, не в этом.

В то время, к которому относится мой рассказ, в Ельнинском районе уже стали складываться подпольные патриотические группы. Меня навестила депутат областного совета, беспартийная колхозница из деревни Жабье Анна Павловна Зименкова. Зашел как-то и учитель Евтих Паничев. Каждому из нас хотелось знать, как обстоят дела на фронте, что происходит в Ельне. Трудный иногда получался разговор. Люди опасливо присматривались друг к другу.

Вскоре мне удалось связаться с жившими в то время в Жабье лейтенантом-артиллеристом Николаем Рачковым, его женой и свояченицей — комсомолками, летчиком Николаем Руденко, учителем Евтихом Паничевым. Мы регулярно информировали друг друга о новостях и постепенно собирали сведения о тех, кто остался в тылу, о событиях на фронте.

Новых людей посвящали в свои дела осторожно, по рекомендации одного из членов группы, хотя сама группа официально оформлена не была, никаких записей мы не вели. Собирались, беседовали, намечали планы.

О событиях на фронте, в Ельне и других городах Смоленщины особенно много мы узнавали от «окруженцев» и военнопленных, бежавших из колонн и лагерей. Одним из источников «информации» были и пиццы, сот-

нями появившиеся в нашем районе. А ведь до войны о них знали только понаслышке.

Упорно распространялся слух, что Москва и Ленинград уже давно в руках врага, что Советское правительство находится где-то за Уралом, а Красная Армия вот-вот капитулирует. Эти слухи усердно поддерживали и всеми способами распространяли захватчики, а также их прихвостни — старосты и полицейские. Любой ценой пытались они посеять среди народа неверие в нашу победу. Недаром говорится, что поверивший в поражение уже наполовину побежден.

Мы хорошо понимали, какой вред может принести этот поток лжи. Понимали, что враг использует его для борьбы с зарождающимся партизанским движением. Всем этим небылицам надо было противопоставить правду. Но мы сами не знали действительного положения вещей. Газеты и листовки в первое время к нам не попадали, радио ни у кого не было. Не удивительно, что в такой ситуации даже твердых, надежных людей порой охватывало уныние.

Но патриоты уже начинали действовать. Одним из первых стал устанавливать связи с надежными товарищами, переходя из деревни в деревню, Лука Меркурьевич Капитанов. Энергичный и образованный человек, горячо преданный Родине, Капитанов сыграл важную роль в создании партизанских отрядов в Ельнинском районе. До войны он работал учителем в Ельне, был заведующим учебной частью и учителем в Мархоткинской средней школе. Капитанова освободили от призыва в армию, так как у него не действовала одна рука, и назначили во время войны председателем Митишковского сельсовета.

В день, когда гитлеровцы полностью оккупировали район, Лука Меркурьевич вынужден был вернуться в деревню Жильково за семьей. В деревне были фашисты. Капитанову и его спутникам пришлось отстреливаться. Именно здесь, в Жилькове, прогремели первые выстрелы мирных жителей по оккупантам в октябре 1941 года. Двое врагов были сражены пулями патриотов.

В конце октября Лука Меркурьевич появился в Жабье. Маня Киселева сказала мне об этом по секрету. Капитанов ночевал в доме одного из учителей.

Я попросил передать ему о моем местонахождении. Мы были знакомы до войны. Особенно же хорошо он знал Наташу, которая училась у Луки Меркурьевича и считала его одним из самых лучших своих учителей.

Капитанов пришел тотчас же. Он первый и принес весть о том, что в Замощье вернулся Василий Васильевич Казубский. Кроме того, он сообщил, с кем уже удалось встретиться и каковы планы товарищей. Оказалось, что около Замощья живут коммунисты и комсомольцы — Зоя Шведова, Паненков, Фириченкова. Они уже видели Ратникова, Вермана и других. Все это радовало и воодушевляло. Не прошло и месяца, как враг оккупировал район, а уже налаживаются связи. Есть наши люди, значит, будет и дело.

Узнал я от Капитанова и неприятную новость: кое-кто из тех, кого мы считали честными людьми, перешли на службу к врагу. В их числе был и Тарасенков, которого прочли в командиры партизанского отряда.

Капитанов обещал побывать в других деревнях и в Ельне и встретиться с надежными людьми. Я в свою очередь дал ему слово, что как только смогу ходить, немедленно отправлюсь в Замощье, чтобы встретиться с Казубским и другими товарищами, а затем мы встретимся снова. Лука Меркурьевич был оживлен, говорил смело: он верил в людей.

Вскоре Маня Киселева нашла в лесу обрывок газеты «Правда». Это было в начале ноября. Из газеты мы узнали о торжественном заседании в Москве, посвященном 24-й годовщине Октября, а также о параде наших войск на Красной площади. Вести были радостными и воодушевляющими.

Через два-три дня удалось раздобыть несколько целых газет той же даты, и они пошли по району. Газеты зачитали, что называется, до дыр. А Капитанов, обладавший великолепной памятью, чуть ли ни наизусть выучил все материалы и при каждом удобном случае пересказывал их все новым и новым слушателям. Он был таким рассказчиком, в устах которого самый маленький факт приобретал значимость, весомость.

Нога постепенно заживала, и я уже мог, прихрамывая, передвигаться. Узнав радостные вести из газеты, мы не могли больше ждать и на другой день пошли с Наташей в Замощье к Казубскому. В деревне стара-

лись заходить пореже. Реку Угру перешли по тонкому льду, он прогнулся и трещал.

Невдалеке от Замощья нас догнал невысокий плотный мужчина с густой черной бородой. Я не обратил бы на него никакого внимания: по дорогам в те дни бродило немало всякого люду, главным образом из «окруженцев». Но прохожий вдруг окликнул меня:

— Куда идешь, товарищ Юденков?

Я вздрогнул от неожиданности, но что-то знакомое мелькнуло в его лице.

— Гришка? Верман?

— Он самый!

Перебивая друг друга, делились новостями. Верман был в армии, под Брянском попал в плен, около Рославля бежал из колонны. Вернулся в свой район — никого из родных нет. Где жена — неизвестно. Мало могли рассказать ему и мы. Знали только, что накануне наступления гитлеровцев она была в Замощье, работала в районной газете.

Гриша сказал, что собирается зайти к Казубскому. Договорившись о встрече, мы разошлись. Ну вот и еще один боевой, хороший парень. До войны он был секретарем комсомольской организации на заводе. Нашего полку прибыло.

Наконец мы в Замощьевской школе. Где-то здесь живут учителя. Как бы не ошибиться квартирой.

С Василием Васильевичем Казубским мы проговорили всю ночь. Эту нашу встречу описал с чьих-то слов Алексей Николаевич Толстой в «Рассказах Ивана Сударева» («Как это началось»). Но известный писатель имел неточные сведения. Меня он нарисовал маленьким, толстеньким человеком, хотя мой рост без малого два метра. В «зятя» я тоже не приставал, так как женился еще до войны. А в остальном все приблизительно так и было.

Василий Васильевич поведал мне о своей жизни за последние месяцы. Кое-что я уже знал, но расскажу все по порядку. В армию его призвали еще 1 сентября и направили в 252-й полк пограничных войск НКВД рядовым бойцом. Вскоре Казубского назначили политруком взвода, а затем политруком пограничной заставы. Их полк занимал оборону в тех краях, где берет свое начало Днепр.

Под Вязьмой полк попал в окружение. Несколько дней Василий Васильевич бродил с товарищами по немецким тылам, пытаясь перейти линию фронта. На шестые сутки они зашли в деревню перекусить. Но нагрянули гитлеровцы, и пограничники оказались в плену. Погнали их в сторону Спас-Деменска. Недалеко от города Казубского заметила в колонне женщина, работавшая до войны в Коробецкой школе. С женщиной была дочь. И бывает же такое! Они уговорили конвой отпустить «папу».

Василий Васильевич, как на крыльях, полетел в свой родной район. Вблизи Замощья он встретил девчурку и узнал от нее, что в деревне фашисты. Идти туда, да еще в военной форме, было рискованно. Ту же девочку он послал к жене и попросил принести гражданскую одежду, а сам затаился в кустах. Костюм по просьбе Александры Матвеевны принесла учительница Клавдия Николаевна Добровольская. Он переоделся и благополучно явился домой. Через несколько дней гитлеровцы ушли из деревни. Василий Васильевич уже связался со своими бывшими учениками Шурой Радковым и Владимиром Дрейке, с Клавдией Николаевной Добровольской (матерью Вадима Дрейке), с Дарьей Фириченковой.

Рассказав по просьбе Казубского о своих похождениях, я в заключение, не подумав, спросил:

— Ну а ты, Василий Васильевич, думаешь партизанить?

Сказал и сейчас же пожалел: Василий Васильевич взглядел на меня с укором. Мол, как не стыдно спрашивать такое! Вслух же произнес:

— Ну конечно, Андрей Федорович, о чем говорить? Дело ясное. Только подготовиться надо получше... Несколько дней назад был у меня Гусев. Мы с ним о многом потолковали. Решили радиоприемник налаживать. Есть тут у нас Костя Баранов. Парень хороший, комсомолец, в радиоделе разбирается. Наладим приемник — дело пойдет веселей. Станем принимать сводки Совинформбюро, размножать их, распространять среди населения. Важно, чтобы люди поверили в нашу победу, тогда они смелее немцев бить будут. Как думаешь, Андрей Федорович?

— Да, приемник нам просто необходим, — подтвердил я. — А где же теперь Гусев? Ведь я с ним должен

встретиться. Мне-то теперь что делать, какие будут поручения?

— Гусев взял у нас лошадь и уехал за семьей, — ответил Василий Васильевич. — Так ему легче будет маскироваться. А живет он все там же, в Екимовичском районе. Скоро он снова наведается ко мне.

— Чем же все-таки мне заняться?

— Надо устанавливать связи с нашими людьми, собирать оружие. Кстати, ты ведь знаешь, что летом около Клина создавали базы с продовольствием и оружием. Не мешало бы их разведать. Гусев такого же мнения. Берись. Сам понимаешь, как это важно. Задано хорошо бы выяснить, кто из верных людей остался в тех краях. Да и в Ельню неплохо бы проникнуть: там тоже есть наши люди. Будь только поосторожней, Федорович.

Утром, чуть забрезжил рассвет, мы с Наташей двинулись уже знакомым путем в Жабье. А через несколько дней я отправился на разведку к Леоновскому и Мутищенскому лесам. Снова — Клин, Холм, Зуи, поселок гортопа, Луки, Передельники...

Сведения были неутешительными. Местные жители рассказали, что Тарасенков, работающий у немцев в Ельне, разыскал базы и забрал все продукты. С оружием тоже, по-видимому, неблагополучно. Помогали ему в этом черном деле еще два человека, которые должны были присматривать за базами. Оба жители Клина.

Сообщили мне и приятную новость. Узнал я, в частности, что почти в каждой деревне есть люди, на которых можно положиться. Жив и здоров бывший председатель сельсовета Журов, живет с семьей в Передельниках Егор Борисович Ключников. В деревнях около леса много «окруженцев»: сапожничают, портняжат, изготавливают железные печки-«буржуйки», делают для них трубы, паяют, слесарничают, лудят посуду. Среди них тоже немало честных людей.

Назад, в Жабье, я возвращался в приподнятом настроении. Вьется санная дорога среди болот, кустарника и лесов. Скрипит под ногами снег. Морозно. На ходу не холодно, но чуть остановишься — начинают стывать ноги, холод забирается под ветхую телогрейку. А останавливаться приходится: иду местами недавних боев.

Кое-где в окопах, в блиндажах, а то и попросту на поле валяются патроны, оружие, стволы минометов, стоят подбитые танки. Пушки в танках вроде исправные, только нет замков и прицелов.

Все надо запомнить: может пригодиться. Если собрать это оружие да кое-что малость подремонтировать, так, наверное, целую дивизию вооружить можно. А что ж, и соберем, и подремонтируем!

Без надобности в деревни не заходил. Но миновать их не всегда удавалось. Здесь я убедился — гитлеровцев в деревнях нет, они живут только в Ельне, лишь изредка наведываясь сюда, чтобы отобрать у жителей продукты или дать указания старостам и полицейским. Куда ни зайдешь — объявления, распоряжения, приказы, которые обязательно что-нибудь запрещают. Запрещалось переходить из деревни в деревню, давать приют лицам, не проживающим в данной деревне, иметь какое бы то ни было оружие, ходить на лыжах и многое другое. И всюду угроза: за невыполнение — расстрел, повешение или просто смертная казнь...

И вот снова Жабье. Здесь все по-старому. Семья цела. Жигалов не донес. Вечером встретились все подпольщики нашей группы — Рачков, Паничев, Николай Руденко. Вскоре пришел Капитанов, появились и другие товарищи. Рассказал им о том, что увидел и узнал, сообщил о Казубском. Относительно Гусева пока умолчал.

Через два дня я снова был у Казубского. Без утайки выложил все о готере баз, заложенных в Мутищенском лесу, и о паразите Тарасенкове, который знал планы райкома и мог в любой момент выдать их оккупантам. Да, подпольщикам следовало удвоить бдительность и, конечно, скорее обзавестись оружием.

Гусев старался вблизи Ельни не появляться. Казубский передал мне его просьбу тщательно разведать обстановку в районе Ельни. Оказывается, за время моего отсутствия Казубский и Гусев встретились еще раз, а Костя Баранов восстановил радиоприемник и принял первые сводки Совинформбюро. Одну из них, переписанную от руки учительницей К. Н. Добровольской, получил и я, чтобы ознакомить с нею членов своей группы, а через них — колхозников ближайших деревень и особенно надежных людей в Ельне и ее окрестностях.

По совету Гусева Казубский решил переменить место жительства. Вскоре он переехал на станцию Коробец, в школу, где работал до войны. На первых порах здесь было удобнее проводить работу по сбору сил, оружия, боеприпасов. С ним переехали в Коробец и некоторые семьи учителей, в том числе и К. Н. Добровольская с сыном Вадимом.

Гусев поставил задачу: как можно теснее держать связь с коммунистами, комсомольцами, подбирать надежных людей, связаться с некоторыми старостами и полицейскими, постараться осторожно перетянуть их на свою сторону.

Для определения ближайших задач некоторым руководителям групп необходимо было собраться и обсудить вопросы, имевшие тогда первостепенное значение. На совещание приглашали самых надежных людей. Созвать его было решено в Коробце у В. В. Казубского. Перед этим мне поручили побывать в Ельне, выяснить обстановку в городе, уточнить, сколько там гитлеровцев, сколько полицейских, кто их возглавляет, а также создать в Ельне или в Шарапове партийно-комсомольскую группу, которая будет собирать оружие и боеприпасы, готовясь к открытой партизанской борьбе.

Большую роль в сплочении сил патриотов сыграли листовки. Первую из них, написанную Иваном Павловичем Гусевым и подписанную им же от имени райкома партии, к нам в Жабье доставил кто-то из коммунистов. Письмо Гусева коммунистам района передавалось по цепочке из рук в руки. Когда с ним ознакомилась вся наша подпольная группа, мы с лейтенантом Рачковым доставили письмо коммунисту А. Голубкову, проживавшему в деревне Ивано-Гудино, а он передал его дальше. Позднее письмо размножили от руки и распространили по району наши добровольные помощники. Вверху была приписка: «Прочитай и передай верным людям. Смотри, не попадись в руки врага!» К чести ельнинских подпольщиков следует сказать, что, насколько нам известно, ни один экземпляр этой листовки не попал в руки оккупантов или предателей. Листовка, а точнее, письмо секретаря райкома являлось первой ласточкой в той большой политической работе, которую затем развернули в тылу врага местные коммунисты.

Партийно-комсомольские группы видели свою важ-

нейшую задачу в том, чтобы регулярно информировать население о событиях на фронте, о жизни советского тыла, о зверствах оккупантов на временно занятой ими территории. Каждая весть о стойком сопротивлении советских войск имела в условиях оккупации неоценимое значение. Сколько радости и счастья приносила она людям, как воодушевляла, какие надежды вселяла в их сердца! Это тоже было оружие, да еще какое! Гусев хорошо это понял и много делал для того, чтобы всеми возможными способами проводить политическую работу среди населения.

Нам, естественно, не приходилось доказывать, что советская власть — это хорошо, а немецкая оккупация — плохо. Люди сами знали, что фашисты — кровные враги, решившие поработить нашу Родину, истребить советский народ. Каждый день пребывания гитлеровцев на захваченной ими территории, каждый их шаг как нельзя лучше характеризовал звериную сущность фашизма. Политическая работа нужна была главным образом для борьбы с пораженческими настроениями, для сплочения сил сопротивления.

Подпольщикам не всегда удавалось доставить в ту или иную деревню сводку Совинформбюро, принятую в Замостье по радио и переписанную в нескольких экземплярах. Но постоянно из деревни в деревню ходили коммунисты или комсомольцы, знакомили колхозников с важными событиями. Делать это приходилось, разумеется, весьма осторожно. В столь сложной и трудной обстановке мог найтись предатель и погубить все, разстроить налаженные связи, отправить на виселицу активных и преданных подпольщиков. Поэтому с надежными товарищами пропагандисты говорили откровенно, с малознакомыми беседовали уже не от своего имени. Если же случалось разговаривать с людьми, никому не известными, то на их вопросы о том, что нового, как дела на фронте, обычно отвечали: «Да я-то не знаю, но вот вчера через деревню проходил «окруженец» и рассказывал, что на днях он попал в плен под Волоколамском, а затем бежал». Одного этого было достаточно, чтобы понять: Москва — наша.

На разведку в Ельню мы ходили с Наташей. Побывали в Шарапове, Иваневе. В Ельне повстречались с неким Глинкой. До войны он работал в райзо, Глинка

(к нашему знаменитому земляку — композитору никакого отношения не имел) заговорил первым. Снова расспросы о новостях и вдруг:

— А знаешь, Андрей, мне немцы предложили работать городским головой. Как ты смотришь?!

Вот так раз! Что ответить! А ну-ка, на вопрос вопросом:

— А ты сам-то как думаешь?

— Не знаю, потому и советуюсь.

— Так ты что, всерьез хочешь на них работать?

— Да ведь как придется. А если наши вернутся, тогда что?

— Вот именно... Я так понимаю, уж если пойти работать на фашистов, так только чтобы своим помогать...

— А как? Будь тут кто из руководства райкома, можно бы посоветоваться.

Куда он клонит? Может, это провокация? Может, думает выяснить, где Гусев и другие? Ну нет, черта с два ты от меня узнаешь.

— Не знаю, что и сказать. Слышал, правда, что где-то — не то в Дорогобужском, не то во Выходском районе — живут Гусев и другие наши районные работники. Давай договоримся так. Я постараюсь найти людей, которые свяжутся и посоветуются с Гусевым. А потом передам, как тебе поступить. До этого не давай своего согласия немцам. Договорились?

— Спасибо. Ни за что не дам, пока не придет кто-нибудь от Гусева.

На другой день я узнал, что Глинка стал городским головой. Позднее все наши попытки связаться с ним и привлечь на свою сторону не дали результатов. Он или избегал нас, или отвечал категорическим отказом.

В Ельне мы встретились с Егором Борисовичем Ключниковым, который только что вернулся из Передельников. Борисович был встревожен. Старосты и полицейские берут на учет всех жителей, начинают вылавливать «окруженцев» и сбежавших военнопленных. Ельнинская полиция бесчинствует, совершает налеты на деревни, грабит колхозников, бьет и правого и виноватого. Повсеместно началась перепись скота. Ее проводят немцы и полицейские, используют также местных жителей.

Вместе с Егором Борисовичем на его лошадке мы добрались до Шарапова. Там встретили Дольникова. Я спросил, как готовятся к партизанской борьбе шараповские коммунисты.

— Не сходи ты с ума, Андрей, не лезь в петлю. Ты не мальчик, имеешь семью, скоро ребенок будет. Что мы сделаем, если даже Красная Армия не устояла? Немцы — да ведь это силища!

— Верно, что «силища», — говорю. — Ну и что из того? Неужто русские слабее? Под Москвой фашистов остановили, они и шагу вперед сделать не могут. Да это еще только цветочки, ягодки впереди... Что ж, мы так и будем сидеть сложа руки? А кто, по-твоему, будет помогать фронту?

Меня поддержал Егор Борисович. Но Дольников стоял на своем. Больше того, он просил не вмешивать его в эти дела, оставить в покое.

— Я стар, мне уж не воевать. Да и вам не советую. Остепенитесь, чертвы души. Вас не трогают, и скажите спасибо, а то наведете такую беду, что из-за вас и другим тошно станет!

Поругались крепко. В запальчивости я накричал на него:

— Ну и сиди около бабьей юбки. А я соберу десяток смельчаков, ты и глазом моргнуть не успеешь, как в Ельне не останется ни одного немца. Подумаешь, «силища»! Там их всего семь человек. Да мы без шума в одну ночь их вырежем, а потом в леса подадимся. Что ж, вас тут фашисты помилуют? Они на вас всю злость сорвут. Гляди, Александр Дмитриевич, не просчитайся. Пожалеешь, да поздно будет.

К счастью, остальные шараповские коммунисты и комсомольцы — бывший председатель сельсовета А. Г. Куртенков, Морозов, Горемыкин, Парфенов, Куликовский и другие — были настроены по-боевому. Договорились, что в дальнейшем они будут держать связь с Капитановым и через него получают указание, когда выступать. Сейчас же главное — подбирать надежных людей и вооружаться. Этот разговор состоялся вечером, а наутро...

Ночевали мы в деревне Иванево, у моей тетки, где жила и мать с маленькими детьми. В Иванево к матери недавно вернулся мой младший, четырнадцатилет-

ний, брат Лешка. Да откуда — из Новосибирска! Интересна его судьба. Перед войной Лешка учился в Ельне в ремесленном училище. Когда приблизился фронт, училище эвакуировали в Новосибирск. И вот малец без документов, без денег, без билета добрался из Сибири до Козельска. Там перешел линию фронта, некоторое время работал в колхозе, а затем, когда немцы продвинулись к Москве и по деревням их почти не осталось, Лешка махнул в Шарапово. Словом, свалился как снег на голову. Мы не переставали удивляться. Ведь до сих пор ему не приходилось отлучаться и за десяток верст от дома.

Прошла ночь, хата выстыла: был сильный мороз. Хозяйка затопила печь и пошла за водой. Я присел на табурет и принялся подшивать прохудившийся ребячий валенок. Позавтракаем, думаю, затем снова в Ельню, а оттуда — в Жабье.

И вдруг неожиданно вернулась хозяйка. Заговорила испуганно, скороговоркой, с сильным украинским акцентом (тридцать лет прожила она в России, но от родного языка не отвыкла):

— Германцы, Ондруша, по деревне ходят из хаты в хату. В соседнюю пошли. От горе, от лышенько!

Что делать? Бежать? Поздно: поблизости ни леса, ни кустарника — чистое поле. Сделать вид, что ничего не произошло.

— Сколько их, тетя Варя?

— Не знаю, двух видела и с ними еще кой-то...

Если за мной, думаю, буду отбиваться. Положил рядом топор. У Наташи был маленький пистолет. Она лежала на русской печке и могла стрелять из-за трубы. А стреляла она метко. Лешка притаился на полатах, за ситцевой занавеской, вооружившись топором, готовый раскроить череп фашисту по первому моему сигналу. «Гарнизон» нашей хаты был, конечно, малочислен и слаб, но делать нечего. Если фашисты пришли за мной, то и остальным гибель.

Открывается дверь, в хату заходят два гитлеровца и с ними... Витька Морозов, тот самый, что вчера был на совещании вместе с другими, тот самый, которому Иван Павлович давал в начале октября под Дорогобужем справку, что он и его товарищи отправляются со спецзаданием в немецкий тыл. Неужели предал?

Витька делает глазами какие-то знаки. Похоже, успокаивает. Оказывается, все было не так уж страшно, как мы себе представили. Поспешно затараторил что-то один из немцев. Я насторожился. Перебивая его, Витька сказал:

— Скот переписываем. Говорите, что у вас есть.

Лешка завожился за занавеской. Немец сейчас же отдернул ее, но, увидев, что там ребятишки, снова задержал. Хорошо, что братишка успел спрятать топор, а главное, не пустил его в ход...

В тот же день стало известно, что в Ельне повешен начальник полиции — головорез Иван Брестнев. Реки слез выплакали люди из-за зверств Брестнева и его сподручных, успевших ограбить всю округу. И вдруг его повесили сами немцы. Это был иезуитский маневр врага. Руками своих ставленников — полицейских и старост — фашисты грабили и мучили население, а затем, чтобы замести следы и показать себя «добрыми», сами уничтожали своих холоуев. Так случилось и с Брестневым. То же самое они сделали с полицейским из Шмакова, Стодолищенского района. Сначала его руками уничтожали патриотов, а затем покончили с ним самим. На трупе прикрепили плакат: «Уничтожен за издевательство над населением».

Идти через Ельню было опасно: кто знает, как поступит Глинка. Да в этом и не было необходимости — обстановка в городе для нас ясна и связь с новыми людьми налажена. Мы заторопились туда, где, безусловно, нас ждали с нетерпением.

И вот снова Жабье. Ночь. В печурке трещат дрова. На сколоченном из досок столе стоит сплюснутая гильза от снаряда. В нее налит бензин, перемешанный с солью, заправлен фитиль. Коптилка нещадно дымит. Мы сидим с Капитановым, с которым утром отправимся в Коробец. Неожиданно стук в дверь. За дверью очень знакомый голос: «Андрей Федорович здесь живет?»

Входит Ратников, высокий, светловолосый богатырь, бывший работник райкома партии.

— Наташа, смотри-ка, твой дядя пришел! — закричал я, а сам думаю: «Только бы догадалась... Слишком часто к нам приходят люди. У хозяев могут появиться подозрения».

Наташа поняла меня и — сразу на шею к своему

«дяде». Тот, конечно, удивился, но виду не подал. Только потом он сообразил, в чем дело.

И вот мы все втроем в Коробце, у Василия Васильевича. Кроме нас здесь уже Гриша Верман, бывший ученик Казубского, Володя Медведченков, старший лейтенант-артиллерист, бежавший из плена. Шура Радьков и Вадим Дрейке, ребята лет четырнадцати-пятнадцати, несут охрану на улице. Гусев по какой-то причине явиться не смог.

Все собравшиеся очень озабочены. Стало известно, что вновь назначенные старосты и полицейские начинают входить в роль, точно выполняют указания оккупационных властей, проводят регистрацию населения, выдают «окруженцев» и сбежавших военнопленных. В волостях берут на учет коммунистов и комсомольцев. Надо ждать репрессий: ставленники врага наглеют. В одной из деревень Выходского района, где жил бывший работник из Ельни коммунист Беляков, проходил деревенский сход.

— Немецкой армии требуется продовольствие, чтобы успешно закончить войну, — заявил староста. — Почему не сдаете поставки? Это вам не при большевиках, с ними покончено. И носа ни один не высовывает. Так что перемен не ждите, сдавайте продовольствие.

Беляков не выдержал:

— Коммунисты были, есть и будут! — сказал он так, чтобы слышали все присутствующие.

Староста и полицейские в кровь избили Белякова. Только вмешательство односельчан остановило дикую расправу.

А вот какой случай произошел в деревне Крутица с жившим там Гусевым. Однажды Ивана Павловича вызвали в канцелярию бургомистра для регистрации. Он явился. Канцелярия была полна людей, вызванных по той же причине. Большинство присутствующих знали, кто такой Гусев. Деревня Крутица расположена в лесном краю, вдалеке от больших дорог и районных центров. Немцы туда почти не наведывались. Местные жители хорошо относились к Ивану Павловичу и его семье.

— Фамилия, имя и отчество? — громко спрашивает у Гусева бургомистр.

Гомон в канцелярии стих: что ответит секретарь райкома?

— Иван Павлович Гусев.

— Партийность?

— Член Всесоюзной Коммунистической партии большевиков!

Односельчане застыли от изумления. Бургомистр явно растерялся, не зная, как реагировать на услышанное. В его небогатой практике не было случая, чтобы кто-нибудь в присутствии посторонних назвался коммунистом. Да и кто сказал это — секретарь райкома! Не боится — значит, силу имеет. Шмыгнув носом, бургомистр поскреб лохматую голову и изрек:

— Послушайте, гражданин Гусев, а может, мы этого записывать не будем? А?

— Как хотите. Я не настаиваю. Мое дело было ответить на ваш вопрос. Да, я коммунист, от своей партийности не отрекаюсь и горжусь, что принадлежу к партии большевиков!

— Так мы писать не будем, — сказал бургомистр, несколько оправившись от смущения.

— А я и не настаиваю. Поступайте, как знаете. Меня это не касается! — отрезал Иван Павлович и ушел с высоко поднятой головой.

Бургомистр, бесспорно, испугался. Он так и не решился сообщить в комендатуру, что в их деревне живет секретарь райкома партии...

Многое было переговорено в тот раз у Казубского. Единодушно решили: пора выступать. Не назначили только день начала открытой борьбы — не решились сделать это без Гусева.

Участники совещания предложили Ратникову возглавить отряд. Он замялся, обещал подумать. Утром мы узнали, что Ратников исчез.

Вскоре состоялась еще одна встреча в Коробце. На ней по-прежнему не смогли договориться, когда выступать и кто будет во главе отряда. Гусев не знал, что собралась и, естественно, не пришел.

К моменту описываемых событий — а было это в конце декабря 1941 года и в начале января 1942 года — в Ельнинском районе уже действовали многие подпольные партийно-комсомольские группы. Казубский и я знали людей преимущественно в Замостьевской, Коро-

бецкой, Шараповской, Ельнинской (во главе с Капитановым) и Жабьинской группах. Гусеву было известно еще несколько групп — Фенинская, Уваровская, позднее Щербинская. Действовали они самостоятельно и непосредственной связи с нами не имели. Он же поддерживал связь с Замощевской группой, которую возглавлял коммунист Паненков, работавший старостой в деревне. В целях конспирации о существовании других групп и их составе знали только руководители, но и им было известно далеко не все.

Готовясь к партизанским действиям, мы собирали силы, устанавливали связи, проводили разъяснительную работу среди населения, запасались оружием. Но все это казалось нам не настоящим делом. Настоящее дело — уничтожить фашистов, срывать их мероприятия, убирать их холуев... И не только у нас, подпольщиков, что называется, чесались руки. Желających сражаться с врагом было много.

После того как наши войска отошли к Москве, недалеко от деревень Рябинки и Коробы ребята-школьники обнаружили в кустарнике артиллерийскую батарею. Все пушки оказались исправными. Поблизости в окопе нашлись замки от орудий. Снарядов было вдоволь. Батарея состояла, кажется, из 76-миллиметровых пушек. Ребята освоили управление пушками, зарядили их и однажды, морозным декабрьским днем, спозаранку начали артиллерийский обстрел Ельни. Конечно, правильно прицелиться они не могли, а били так себе, в белый свет. Однако их старания не пропали даром. В Ельне в тот день оказалось немало фашистов и полицейских. Началась паника. Ребята же постреляли-постреляли и бросили, тем более что кто-то из взрослых прогнал их.

Что это было? Простая шалость мальчишек? Нет, ими руководило совсем другое чувство.

Взрослые тоже с большим трудом сдерживали себя. Как-то мы с Капитановым возвращались из Коробца от Казубского. Впереди показался Шупарнский льнозавод. Он не работал, но все оборудование было на месте, запас льнотресты большой. Лука Меркурьевич и говорит:

— Слушай, какого черта мы ждем. Пора действовать. Давай для начала сожжем льнозавод. А потом сегодня же ночью прикончим савостьяновского старосту.

Знаешь, какая это сволочь? Он, брат, похуже твоего Жигалова... Мы начнем, и другие за нами пойдут. Вот и заварим кашу!..

Предложение было заманчивым. И все же, поразмыслив, решили не делать этого. Ну хорошо, мы убьем старосту, а полиция и фашисты завтра же переловят наших подпольщиков. Хорошо задуманное дело провалим в два счета. В общем, верх взяла осторожность, и, как вскоре выяснилось, это оказалось к лучшему.

ЖДАТЬ БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ

На рассвете 7 января 1942 года из длинного, как барак, дома, стоявшего неподалеку от Коробецкой школы, вышли трое, зябко кутавшихся в ветхую одежку. В тот день с утра закрутил невиданный бурян. Колючий, пронизывающий ветер гулял по земле, на которой было так неуютно жить. Валил снег. Сухие, острые, как иголки, снежинки, не долетев до земли, вновь поднимались вверх, подхваченные порывами ветра, металась из стороны в сторону, без усталости кружились в дикой пляске. Белесая мгла закрыла землю и небо.

А нам надо трогаться в путь. На сегодня назначена встреча в деревне Лядцо, на границе Ельнинского и Спас-Деменского районов. Там должен решиться вопрос, когда нам выступать. Идем, преодолевая снежные сугробы, то и дело отворачиваясь от обжигающего ветра. Вот уже позади станция Коробец. До ближайшей деревни далеко, на дороге — ни души.

У Казубского и у меня — по пистолету. Надо испытать их. Мой парабеллум, найденный на поле боя, оказался неисправным — стрелял только одиночными патронами. Пистолет Василия Васильевича бил безотказно.

Вскоре нас догнал на лошади незнакомец. Он хорошо одет: новые валенки, новая шуба да сверх того отличный тулуп. Попросили закурить. Получили самосаду на одну папироску. Это на троих-то! Разговорились. Оказалось, что он представитель Спас-Деменской городской управы и по делам службы был в Ельнинской городской управе.

До нас уже доходили смутные слухи о разгроме

немцев под Москвой, но определенного мы ничего не знали. На наш вопрос о положении на фронте «представитель управы» запел старую пудную песню: «Москва взята немцами, Ленинград пал. Гитлеровские войска добивают за Уралом Красную Армию».

Попробовали возразить:

— Недавно люди ехали из-под Москвы и рассказывали, что немцев там здорово побили.

«Представитель управы» разразился бранью и угрозами:

— Задерживать надо и в тюрьму сажать тех, кто такие слухи распространяет!

«Ясно, что это за птица», — подумал я. Очень хотелось набить ему морду, а еще лучше — пустить в расх. Но Василий Васильевич предостерег от такого шага.

— Не стоит связываться, — сказал он. — Да и куда мы его денем? Ни одной души, кроме нас, на дороге сегодня не было. Найдут труп и сразу догадаются, чья работа. Поняли?

— Ну и черт с ним, пусть катится.

Мы немного отстали от саней: не хотелось входить в деревню вместе с фашистским холоум. Возьмет, паразит, да и позовет полицейских — хлебнешь тогда горя.

Неподалеку от деревни Лядцо нам повстречался Гриша Верман. Он уже побывал у Кости Евлампиева, где назначено место сбора, подождал нас и, решив, что мы не придем, направился в Замощье. Мы объяснили, что опоздали из-за непогоды.

В деревню заходили по одному. Чтобы не привлекать внимания, кто пошел к Косте Евлампиеву, кто к бывшему работнику районной газеты Ивану Аверину. Затем все собрались у Евлампиева. Пришел и комсомолец Костя Щербаков, ставший по поручению Гусева бургомистром Бывалковской волости. На столе сейчас же появилась четверть самогона и закуска. У нас даже глаза разбежались от обилия пищи. Как все бывшие учителя и служащие, мы давно жили впроголодь, а колхозники сумели кое-что припрятать. К тому же наша встреча совпала с праздником рождества, что было весьма кстати: друзья собрались на пирушку — и ни у кого никаких сомнений. А разговор за столом шел серьезный.

В последние дни мы не получали из Замощья информации о положении на фронте. Сначала был неисправен радиоприемник, потом никто из Замощья не показывался ни в Коробье, ни в Жабье. До подпольщиков из деревни Лядцо сведения вообще не доходили. И вот сегодня много нового рассказал нам Гриша Верман. Было очевидно: враг под Москвой потерпел поражение. А ведь именно там вела бои группа немецких армий «Центр», с действиями которой гитлеровское командование связывало все надежды на разгром Красной Армии. Эта весть воодушевляла, придавала сил. Пусть нас мало, пусть мы еще по-настоящему не организовались, но мы уже готовы к борьбе с врагом.

Все сошлись на том, что пора начинать. Но кого же бить? В Ельне всего десять немцев, в районе их нет. Колотить старост и полицейских, срывать мероприятия врага? Это казалось нам не настоящим делом. Взорвать полотно железной дороги? Она не восстановлена и не действует.

Одни предлагали идти через линию фронта, другие — начинать борьбу здесь, в своем районе. Наконец договорились: 12 января собираемся в Замощье группой в пятнадцать — двадцать человек. Кандидатуру каждого, кто пойдет с нами, тщательно обсудили. Василий Васильевич явится с десятью товарищами, в том числе с Костей Евлампиевым и Иваном Авериным. Со мной должны прийти пять человек. План такой: движемся в сторону Юхнова, по дороге бьем фашистов. Нас там никто не знает. Тем лучше: не пострадают наши семьи. Будет туго — перейдем линию фронта. Каждый должен иметь оружие, патроны, нож, гранаты, сухари. Одеться потеплее, ничего лишнего с собой не брать.

Командиром партизанского отряда совещание подпольщиков единодушно избрало Василия Васильевича Казубского. В шутку его называли Батей, и эта партизанская кличка прижилась надолго.

Утром Костя подвез нас на лошади до станции Теренино и вернулся домой.

В Теренине мы повстречали бежавшего из плена местного жителя Клусевича. Он — боевой парень, во время войны с белофиннами был награжден медалью. Оказалось, Клусевич уже припас оружие — автомат, несколько винтовок, наган — и готов идти с нами немед-

ленно. Узнав о наших намерениях, предложил свою помощь учитель местной школы Стефанов. По состоянию здоровья он не был призван в армию и не мог выступить с нами, но обещал помочь отряду хлебом — конфисковать гарницевый сбор под видом ограбления мельницы. Василий Васильевич пообещал сообщить об этом, когда понадобится их помощь.

Вернувшись под вечер в Коробец, мы зашли прямо к Василию Васильевичу. Долго сидели у горячей печки, обсуждали будущие пути-дороги.

— Через несколько дней мы уходим, — сказал Казубский жене. — Собери мне в дорогу мешок, бельишко, сухарей.

Александра Матвеевна приняла это известие спокойно, как давно решенное дело, и стала хлопотать по хозяйству.

Утром я ушел, сердечно распрощавшись с Матвеевной, ее двумя маленькими дочками и с Клавдией Николаевной Добровольской, матерью Вадима Дрейке. Эта спокойная, скромная женщина оказывала нам большую помощь. Еще в Замощье она целыми днями переписывала сводки Совинформбюро, листовки райкома партии. Ее квартира всегда была в распоряжении партизан. Старший сын Добровольской служил в армии. Муж ее, известный в нашей округе хирург, был незадолго до войны арестован по ложному доносу. От Клавдии Николаевны у нас не было тайн. Она по-матерински пожелала мне доброго пути.

В Жабье я добрался вечером. Едва зашел в дом, в глаза бросился какой-то еле заметный беспорядок. Что-то случилось... Вбежал во вторую половину избы. Наташа лежала на кровати бледная, исхудавшая. В ее запавших глазах — и радость, и грусть, а на руках завернутый в одеяло комочек. Возле железной печки сидит Лешка, брат, и с видом взрослого, понимающего человека загадочно ухмыляется. У меня родился сын, первенец. Сыночек...

Вечером пришли Николай Рачков, Евтих Паничев и летчик Николай Руденко. Накануне был Капитанов, но уже ушел в Ельню, пообещав на днях быть снова.

— Ну, ребята, все решено. Через три дня выступаем. Готовьтесь.

В нашей подпольной группе в Жабье было несколько

ко женщин — Зименкова, две сестры Семочкины и другие. Брать их с собой не решились. Начнем без них, а там будет видно. К тому же подпольщицы и здесь пригодятся нам.

Перед уходом боевые друзья начали острить по поводу моего отцовства.

— Надо сыну дать имя, — сказал Николай Рачков и в шутку добавил: — Я кумом буду. Возьмешь?

— Отчего же не взять? — так же в шутку ответили мы с Наташей. — Парень ты хороший, старший лейтенант. Будь кумом!

Сына назвали Святославом, а за Николаем Рачковым так и закрепилась кличка Колька-Кум.

Будущие партизаны, связанные одним горем, одними надеждами, трогательно заботились друг о друге. Так было и теперь. Узнав, что нужно захватить с собой сухарей, Евтих Паничев сказал:

— Ты, Андрей, не беспокойся о продуктах. Ну, что ты, последний кусок хлеба из дому унесешь? Я захвачу, что нужно, и на свою и на твою долю.

Плохо у меня было и с одеждой. Из какого-то старого кожуха и ветхого пальто собрали что-то похожее на полушубок, покрытый сукном. Из рваной шинели и ваты смастерили нечто вроде бурок и заправили их в стоптанные калоши. Вид получился неказистый, зато будет тепло.

В хлопотах дни прошли незаметно. И вот уже 11 января. Раннее утро. Мы собираемся до рассвета покинуть деревню, чтобы никто не видел. Шустрый, кареглазый, курносый Лешка за это время уже побывал в Шарапове и прислал оттуда на лыжах младшего братишку Сашку. Умерла моя бабушка, меня звали на похороны.

На похороны я не пошел, но именно под этим предлогом исчез из деревни.

Уходили мы по одному. Перед этим часов в пять утра собрались у Кольки-Кума. Долго ждали Николая Руденко, но он так и не пришел. Заходить за ним было опасно: семья, в которой он жил на правах «зятя», не вызывала у нас доверия. Капитанов тоже не пришел, а сообщить ему было невозможно: никто не знал, где его искать. Из оружия взяли с собою только то, что можно спрятать: пистолеты, гранаты и ножи.

Ни 12, ни 13 января Казубский и его группа в За-

мошье не появились. Как выяснилось позже, Василий Васильевич послал Капитанова предупредить нас, чтобы мы двигались не в Замошье, а в Коробец. За те дни, что мы не виделись, произошли серьезные изменения в обстановке. Вокруг Коробца и в Ельне собралось большое количество гитлеровцев. Они расчистили от снега большак Спас-Деменск — Ельня — Смоленск, и по нему началось передвижение войск. В некоторых деревнях появились немецкие гарнизоны. Фашистские солдаты выгоняли на работу население, следили за расчисткой большака, охраняли дорогу и мосты. Вдоль железнодорожного полотна Спас-Деменск — Ельня — Смоленск отряд немецких связистов начал восстанавливать связь. Совсем облагела полиция: по приказанию оккупантов и по своей собственной «инициативе» она беспощадно грабила жителей, выколачивая поставки для немецкой армии.

Учитывая обстановку, Казубский решил идти не в сторону Юхнова, а к Мутищенскому лесу. Теперь будет кого бить, да и другие дела там найдутся. Но о принятом Казубским решении мы в Замошье не знали и изнывали от тоски и безделья. Угнетало чувство неизвестности. «Не случилось ли что с Василием Васильевичем и его группой?»

Верман, Фириченкова и Паненков сообщили нам, что у старосты деревни Сосновка много оружия. По их совету мы решили потрясти сосновского старосту. Это, конечно, могли бы сделать и замосьевские подпольщики, но из-за столь незначительного повода не следовало ставить под удар местных товарищей.

Выяснив, что в Сосновке немцев нет, мы заявили прямо в дом старосты и выдали себя за представителей ельнинской полиции. Незадолго до этого Капитанов дал мне написанную по-немецки справку-пропуск на имя Петра Андреевича Великанова и еще два документа на то же имя. Я показал старосте справку, в которой он ни черта не понял, и потребовал сдать оружие.

— Нет у меня оружия, — заявил он.

— Как нет? Сведения об оружии дал нам бургомистр Замосьевской волости Новосельцев. Выкладывай, а то худо будет.

— Нет — и все. Ищите! — упорствовал староста.

Николай Рачков стал у двери на караул, а мы с Ев-

тихом начали поиски. Не успели даже бегло осмотреть хату, как в нее ввалился довольно молодой, высокого роста красномордый мужчина в новой шубе нараспашку.

— Что тут происходит? Вы кто такие?

— А ты кто такой? — в свою очередь спрашиваю я.

— Я бургомистр Замосьевской волости Новосельцев!

Ну, думаю, влип! Однако делать нечего, надо довести свою роль до конца. Малейшая оплошность может нас погубить: в деревне есть полиция. Правда, сегодня наверняка все пьяны: в Сосновке как раз отмечали наступление Нового года (по старому стилю). Сам бургомистр был тоже уже изрядно пьян, не иначе, как и в Сосновку пожаловал на гульбу. И тем не менее ситуация создавалась очень опасная. Все решали секунды.

— По поручению начальника ельнинской полиции господина Александрова мы должны изъять наган, патроны и другое оружие у старосты. Я — старший полицейский Великанов.

Выпалив это, сую ему под нос справку на немецком языке. Повертев бумажку и оглядев ее со всех сторон, Новосельцев грубо заорал:

— А я запрещаю вам производить обыск! Почему не согласовали со мной?

Эх, была не была! Развернулся и наотмашь бац его в ухо. Новосельцев, стукнулся головой о стену, но устоял на ногах. В тот же миг мой наган уперся ему в грудь:

— Одно движение — и убью!

В хату вбежал Николай. Увидев, что дело приняло такой оборот, он тоже выхватил наган и направил его на бургомистра. Тот сник, покорно поднял руки. Обыскали. Кроме удостоверения личности, подтверждавшего, что Новосельцев является бургомистром Замосьевской волости, мы ничего не обнаружили. Удостоверение бургомистра я сунул себе в карман. Может, когда-нибудь пригодится.

Бабы в хате подняли вой. У дома стали собираться люди, видимо, те, что гуляли вместе с Новосельцевым. Нужно было подбру-поздорову унести ноги. Но играть, так играть до конца.

— Все ясно. Вы запрещаете мне производить обыск. В таком случае сейчас же поедете с нами в Ельню. Там у вас спросят, на каком таком основании вы запретили изъять оружие! — угрожающе произнес я.

— Ни в какую Ельню я с вами не поеду. В субботу буду на совещании в городе, там и разберемся.

— В таком случае немедленно отправьте нас до Замошья, а там у нас своя лошадь стоит.

— Хорошо, — говорит, — лошадь сейчас запрягут.

А сам размазывает кровь по лицу. Колька-Кум ухитрился еще раз съездить ему по физиономии.

Новосельцев приказал старосте выделить хорошую лошадь и возчика, а сам пошел с нами по деревне.

Разговор принимал более спокойный оборот.

— Нехорошо получается, — обиженно говорил Новосельцев, — делаем одно и то же дело, а как вы себя ведете. Можно ж было по-хорошему договориться. Так нет, сразу в ход кулаки. Вы же мой авторитет подрываете...

— Это верно, — отвечаю ему. — Да время теперь такое. Вот-пот партизаны появятся, коммунисты по всем деревням живут. Вместо того чтобы помогать, ты мешаешь нам. У тебя в волости много коммунистов?

— Хватает!

— Списки составил?

— Конечно!

— Тайных агентов назначил?

— Имею.

— Кто здесь, в Сосновке?

— Михаил Зосимов. Он вас до Замошья повезет.

— А в Замошье?

— Там я сам справляюсь.

— Имей в виду, коммунистов по одному брать нельзя: одного возьмешь, а остальные в партизаны уйдут — тогда заплачешься. Будем брать, так уж всех сразу.

— Правильно. Только вы мне тогда помощь пришлите.

— Об этом не беспокойся, пришем.

Мы начинали успокаиваться. В это время навстречу выскочил невысокого роста человечек с плутовскими глазами, бегавшими из стороны в сторону.

— А вот и Зосимов, — сказал Новосельцев.

Зосимов пригласил в хату перекусить. Идти опасно, а отказом можно вызвать подозрение. Пошли. За-

куска не лезла в горло. Поминутно оглядывались на дверь, прислушивались к каждому шороху. Улучив минуту, договорились: если подвох, будем отстреливаться. Одного-двух подстрелим — остальные разбегутся. Однако все обошлось благополучно.

Вышли на улицу. У хаты стояла запряженная в сани лошадь. Неподдалеку толпились деревенские ребятишки, пристально разглядывали нас. Видно, весть об учиненном нами обыске уже разнеслась по деревне. К своему ужасу, в одном из мальчишек я узнал сына учителя Марьянского из Ельни. Не дай бог, брякнет что-нибудь или окликнет, ведь он меня хорошо знает. Я к нему и шепотом:

— Никому ни звука! Я — полицейский. Понял?

— Андрей-Юда, я тебя сразу узнал.

— Молчи! Проболтаешься, так и знай — крышка тебе. Не я, так мои друзья прикончат. Нас, брат, много.

— Да что ты, Андрей, я все понял.

И ведь действительно понял: ни тогда, ни после он никому не сказал ни слова, даже отцу.

— Принеси-ка хворостину, — уже громко сказал я пареньку. — Быстрее доедем.

Между прочим, в хате у Зосимова Новосельцев по нашему требованию и под нашу диктовку написал такой документ:

Справка

*Дана настоящая старшему полицейскому ельнинской полиции господину Великакову Петру Андреевичу в том, что я, бургомистр Замошьевской волости Новосельцев, запретил ему производить обыск у старосты деревни Сосновка, Замошьевской волости, у которого он хотел искать оружие.
13 января 1942 года.*

Новосельцев.

Справку мы потребовали якобы для того, чтобы нас не ругали в полиции. На Новосельцева это подействовало. Он испугался, что придется отвечать «перед существующей властью», и говорит:

— Так вы ж тоже неправильно действовали: избили меня, разрешения на обыск не спросили. Дайте и мне справку.

Мы согласились и на засаленном клочке бумаги химическим карандашом написали:

Справка

Дана настоящая бургомистру Замощьевской волости, Ельнинского уезда, Новосельцеву в том, что я, ст. полицейский Великанов Петр Андреевич, сего числа по распоряжению начальника ельнинской полиции господина Александра прибыл в деревню Сосновка, Замощьевской волости, для изъятия оружия у старосты деревни Сосновка. Староста отдать оружие отказался. Я вместе с полицейским Свиридовым и понатым Пантюховым * начал производить у старосты обыск. Обыск мне запретил производить бургомистр Замощьевской волости Новосельцев, которому я за это дал в морду. 13 января 1942 года.

П. Великанов.

Обменявшись такими «нотами», мы «деликатно» распрощались с Новосельцевым. Он пошел допивать самогонку с гостями, а мы двинулись в Замощье. Не доезжая до деревни, Зосимова с лошадей отпустили, а сами пешком пошли в деревню и рассказали своим друзьям о неудачном налете на старосту. Все хохотали до слез, когда увидели справку бургомистра. Но оценивали наш поступок по-разному. Фириченкова, Верман, Пырикова — одобряли, а некоторые безмолвно осуждали нас. На кой черт, мол, надо было связываться с каким-то старостой из-за нагана и патронов? Ничего у нас не получилось. Набили морду Новосельцеву, а он теперь будет мстить жителям Замощья.

Староста деревни коммунист Паненков, связанный с Гусевым через Казубского, своего мнения о нашем «визите» в Сосновку не высказывал. Он пообещал наведаться вечером к Новосельцеву и выяснить, как тот реагирует на случившееся.

Вечером Новосельцев вернулся домой сильно пьяный и злой. В хате у него уже сидели наши разведчики. Бургомистр то заливался пьяными слезами, сетуя на свою тяжелую долю, то начинал угрожать:

— Теперь буду ездить не только с автоматом, но и с пулеметом. Завтра же побываю в Ельне и обо всем

* Свиридовым и Пантюховым я назвал в справке своих боевых друзей Николая Рачкова и Евтиха Паничева. (Прим. авт.)

доложу. Я разберусь, что это там за полицейские такие. Я им покажу!..

В его воспаленном винными парами мозгу все уже представлялось в другом свете. Он рассказывал присутствующим о своем «подвиге», о том, что запретил производить обыск и «полицейские из Ельни» струсили, уехали из деревни. Он даже зачитывал первые строчки нашей расписки, а о том, что получил по физиономии, стыдливо умалчивал.

Если бургомистр выполнит угрозу и сообщит в Ельню, то там легко поймут, что к чему. Поэтому мы договорились уничтожить Новосельцева утром на пути в город. Расправиться с ним дома в тот же вечер было бы неосмотрительно: полиция и немцы заподозрят в случившемся жителей Замощья.

Вместе с несколькими военнопленными, которым крепко насолил бургомистр, мы устроили засаду в Рошинском лесу. Ждали полдня. Но Новосельцев не появился. Или его предупредили, или предчувствие подсказало, но на этот раз он поехал другим путем.

Мы же направились в Коробец к Казубскому, который с нетерпением ждал нашу группу. За время нашего отсутствия Казубский установил связь еще с одной подпольной группой, созданной на станции Коробец. Возглавлял ее Леонид Лукич Зыков, старший лейтенант, окончивший до войны Академию имени Фрунзе. В группу Зыкова входили бежавшие из плена красноармейцы: Костя Яшкин, работавший до войны на Горьковском автозаводе, Мишка-Сибиряк — уроженец Приморского края, коренастый богатырь лет двадцати четырех, и Николай. Группа Зыкова имела не только винтовки, но и ручной пулемет.

Василий Васильевич очень обрадовался нашему приходу. Мы узнали, что во многих деревнях немцы расположили свои гарнизоны. Из-под Москвы врага гонят. Порой, в тихую безветренную погоду, со стороны Спас-Деменска доносятся звуки артиллерийской канонады.

Фенинская подпольная группа по поручению Гусева начала открытую борьбу с оккупантами. В районе действия фенинцев ошибочно был сброшен парашютный десант в количестве одиннадцати человек. По просьбе командира десантников Герчика и с согласия И. П. Гусева группа вместе с десантниками пошла через линию

фронта с задачей уничтожать по пути фашистов и их ставленников.

Казубский принял решение — завтра утром всем уходить в район деревни Клин и организовать в лесу партизанскую базу. Возможно, что там уцелело что-нибудь из запасов, созданных для партизан летом прошлого года.

— Мы с Андреем пойдем к Зыкову, а вы пока устраивайтесь здесь, — сказал моим друзьям Василий Васильевич.

Болтая о всякой всячине, мы не заметили, как дошли до станции. А там полным-полно немцев: несколько часов назад прибыла какая-то воинская часть и остановилась на ночевку. Возвращаться назад было поздно, так как впереди на дороге стояли группы солдат и несколько офицеров. Оставалось одно — сделать независимый вид и продолжать свой путь. Не доходя до первой группы гитлеровцев, мы закурили и спокойно прошли мимо дома, где нас ждали друзья.

Убедившись, что в доме, где живет Зыков, все нормально, мы осторожно пробрались туда.

Казубский познакомил меня с Леонидом Лукичом и Костей Яшкиным. По поручению хозяйки дома Зыков и Костя должны были выгнать ночью самогона. Оказывается, «винокурный завод» в их доме работал на полный ход, когда в поселке появились немцы. Те каким-то собачьим нюхом учуяли запах самогонки и, едва наполнилась бутылка, тут же являлись за ней.

Плут первойшей марки и сорвиголоу, каких поискать, «помощник директора завода» Костя Яшкин и тут сумел надуть гитлеровцев. Он приготовил две посуды: одну для «третьего сорта», а вторую — для первого и второго. Заслышав шаги немецких солдат, Костя быстро ставил под трубку, из которой капала мутная вонючая жидкость, бутылку с «третьим сортом», а более крепкую самогонку надежно прятал. Между прочим, самогонование отвлекало внимание оккупантов. Они больше интересовались Костей и его производством, чем тем, что делается в хате.

— П-пусть, пьют, ч-черт, с н-ними, — слегка заикаясь, говорил нам Леонид Зыков. — Н-нажрутс-ся, скорей с-спать лягут. Их бы с-стрихвином угостить. Д-да ладно, это п-потом...

Выходить решили завтра утром. Установили пароль: «Как живет дядя Исай?» Отзыв: «Отлично». В ночь послали людей предупредить остальных. Особенно важно было сообщить о нашем выходе группам Кости Евлампиева и воентехника Саши из деревни Кувшиновка.

Нести с собою громоздкое оружие не решились: до деревни Клин тридцать километров. Василий Васильевич пообещал отправить его на санях с Николаем Ивановичем Демидовым — учителем Коробецкой школы.

Поселок понемногу стал затихать: подвыпившие гитлеровцы укладывались спать. Костин «завод» сыграл свою роль. С большой бутылкой самогонки Костя прошел по поселку. Многие солдаты уже знали его. Налив им по стакану, он успел заметить, где расположены посты и дозоры. Захватив ручной пулемет и два снаряженных диска, мы незаметно выбрались из Коробца.

НАС БЫЛО ВОСЕМЬ

Морозным солнечным утром 16 января 1942 года у здания средней школы в Коробце царило большое оживление. В квартиру, где жил Василий Васильевич Казубский, то и дело входили люди: сюда доставляли оружие и боеприпасы. В доме оружие чистили, смазывали и упаковывали, чтобы затем перевезти в намеченное место. Будущие партизаны получали последние указания от командира.

Казубский послал своего бывшего ученика, пятнадцатилетнего Вадима Дрейке и его товарища в деревню Уварово. По слухам, в тамошней церкви находился склад оружия, собранного старостами и полицейскими. Необходимо было выяснить, сколько оружия и каково оно, чтобы захватить его по пути в Клин или позднее послать за ним людей.

В разведку ребята пошли вооруженные винтовками. Отойдя подальше от населенных пунктов, они начали стрелять в какую-то цель. До этого винтовки долгое время валялись на поле боя, и прицелы у них оказались поврежденными. В цель ребята не попадали. Заспорили, кто лучше стреляет. Вадим убеждал своего товарища, что тот не попадет в человека и в ста метрах, а его приятель доказывал обратное. Но как про-

верить? Отсчитав сто двадцать шагов, Вадим стал на четвереньки и крикнул: «Ну, стреляй!»

Мальчишка, недолго думая, выстрелил и... всадил пулю в ногу Вадиму. Задание осталось невыполненным. Нам пришлось посылать за Вадимом подводу. А горе-разведчикам крепко досталось от Казубского.

Между тем сборы в Коробце закончились. Можно было уходить, но все еще не подошли группы Кости Евлампиева и воентехника Саши. Прождав немного, мы оставили на месте связного, а сами тронулись в путь. Забегая вперед, скажу, что судьба этих групп сложилась трагически. В ночь на 15 января в деревню Лядцо нагрянули немцы. Костю Евлампиева, Ивана Аверина и коммуниста Щербакова, работавшего бургомистром по заданию подпольного райкома партии, арестовали и казнили. Такая же участь постигла воентехника Сашу и его товарищей...

Шли мы двумя группами. В первой — Казубский, Зыков, Николай Рачков (Колька-Кум), Евтих Паничев и я. По дороге, встречаясь с надежными людьми, Казубский организовывал явки и промежуточные базы. Одна из них была создана у учителя Высоковской школы Ф. И. Михайлова.

Путь до Клина мы, конечно, не осилили за один день. Переночевали в деревне Забежное. Дальше направились по снежной целине. Василий Васильевич прошел несколько десятков метров первым и начал задыхаться: он страдал астмой. Утопая выше колен в снегу, стали по очереди пробивать дорогу и вскоре благополучно добрались до Клина.

Было около полудня. Пока мы отдыхали, Николай Иванович Демидов и Шура Радьков привезли на лошади пулемет, винтовки и патроны. К вечеру прибыла еще одна небольшая группа партизан. В нее входили рабочий из Москвы Григорий Шелепков, местный житель из-под Коробца Трошкин и Костя Яшкин, приятель Зыкова. Демидов и Шура Радьков, получив от Казубского новое задание, отправились обратно в Коробец.

Итак, нас было только восемь. Мы надеялись, что вскоре придут группы Кости Евлампиева, Сашки-воентехника, Капитанова. Однако первые две группы, как я уже говорил, погибли, а от Капитанова не было вестей.

Вечерело. Мы сидели в хате у учителя Терентия Васюкова и от нечего делать смотрели в разукрашенное морозом окно. И вдруг видим: по улице идут два ельнинских полицейских — Виктор Ящемский и Дмитрий Гавритенков.

Виктора Ящемского я знал с детства, поэтому меня и послали разузнать, что им понадобилось в Клину. Оказалось, что оба полицейских решили уйти к партизанам и разыскивают их. Ящемский и Гавритенков рассказали, что в Ельне действует хорошо законспирированная группа подпольщиков. Некоторые из них работают не только в полиции, но и в комендатуре и связаны с Капитановым.

Это было похоже на правду. В свое время Капитанов говорил нам об ельнинской группе, но мы не знали ее состава.

Узнали мы также, что накануне через Ельню проследовало несколько гитлеровских частей. Среди населения и немецкого гарнизона распространился слух: через день-два в город вступят советские войска. Гарнизон Ельни в панике оставил город, разбежались полицейские, исчез Тарасенков.

Виктору Ящемскому, конечно, не было известно, что Тарасенков — предатель. Ящемский полагал, что Тарасенков кружит теперь где-нибудь в районе деревни Клин, создавая партизанский отряд. По словам полицейского, выходило, что они с другом твердо решили перейти к партизанам.

Я верил и не верил ему.

Дело принимало неожиданный оборот. Я попросил Виктора и его приятеля немного подождать на улице, а сам доложил Василию Васильевичу о содержании разговора. Казубский захотел сам побеседовать с полицейскими. Во время этого разговора было решено, что Ящемский возвращается в Ельню, собирает своих людей, захватывает, сколько сумеет, оружия и хлеба на немецких складах, а также все наличные деньги в банке и все это доставляет в Клин. Гавритенкова мы под каким-то предлогом оставили у себя в качестве заложника. Василий Васильевич пообещал Ящемскому, что, когда тот будет возвращаться из Ельни, мы выйдем навстречу ему партизан для поддержки на случай на-

падения немцев или полиции. Ящемскому дали пару лошадей, и он сразу отправился в город.

Принимая решение отправить Ящемского в Ельню, мы прежде всего хотели проверить его. Если он действительно свой человек и в полиции состоял по поручению подпольщиков, то отряд получит оружие, продовольствие и подкрепление в людях.

Мы продолжали заниматься своими делами. Трошкин и Шелепов сообщили, что в деревне Болоновец уже многие годы проживает немец Фетцер. До войны он был в этой деревне мельником. После оккупации района «безобидный» старичок показал свое истинное нутро. По его указке гитлеровцы расстреляли коммуниста Можарова. Вместе с бургомистром Мутищенской волости Саполновым Фетцер отремонтировал автомашину, которую отправили в виде подарка в ельнинскую комендатуру. За успешное изъятие у колхозников продовольствия и фуража, а точнее говоря, за грабеж фашисты выдали Фетцеру и Саполнову по тысяче рублей. Назначенный затем «военным комендантом Мутищенской волости», Фетцер держал в постоянном страхе семьи красноармейцев и коммунистов.

Казубский принял решение: сегодня же уничтожить Фетцера и Саполнова. Ночью Зыков, Трошкин, Шелепов и я запрягли сани и отправились в Болоновец. Стояла морозная лунная ночь. Тихо скрипя полозьями, сани легко скользили по таинственной лесной дороге. Снова он, Мутищенский лес... Нет ему ни конца ни края. Вековые сосны и ели, липы и вязы, покрытые шапками снега, стоят как зачарованные.

Вот и Мутище. В деревне ни звука, ни огонька. У сторожа лесозавода узнали, что ни в Мутище, ни в Болоновце немцев нет. Около полуночи мы были уже в Болоновце, в доме фашистского холоуя — бургомистра Саполнова. Предателя, к сожалению, не застали. В хате на столе стоял телефон. Оказалось, что это связь с квартирой Фетцера. Перерезать провода, конфисковать лошадь, оружие, телефонный аппарат было делом нескольких минут.

Жена Саполнова сильно испугалась. От испуга и растерянности не нашла ничего лучшего, как потребовать от нас расписку. Зыков написал на клочке бумаги: «Дана настоящая жене бургомистра Саполнова в

том, что сегодня ночью у него изъята лошадь для нужд партизанского отряда. Нач. штаба партизанских отрядов Зыков. 17.1. 1942 года».

Что касается «начальника штаба партизанских отрядов», то Зыков приписал себе такую должность для солидности и устрашения. Знайте, мол, предатели, мы действуем и нас много. Трепещите!

К Фетцеру мы явились под видом сотрудников ельнинской полиции. Но он не поверил и дверь не открыл. Пришлось применить силу. Под напором здоровенных парней дверь в сени слетела с петель. В доме тихо и темно. Кто-то из нас выстрелил из пистолета в потолок и рывкнул простуженным басом:

— Сейчас же зажигайте свет, иначе перебьем всех!

Мы опасались засады и вооруженного сопротивления. Однако, кроме Фетцера, его жены и домработницы, в доме никого не было. Зажгли лампу. Снаружи поставили часового.

Коротко допрашиваем Фетцера и требуем сдать оружие.

— Нет у меня оружия, — упрямо твердил предатель. — Все сдал в Ельне в комендатуру...

Произвели обыск. Оружия оказалось больше, чем можно было предполагать. Кроме того, нашли патроны, изъяли телефонный аппарат, лошадь, много сала. Несколько простыней для бинтов по нашей просьбе дала хозяйка.

Во время обыска на столе обнаружили пачку документов. Их тоже прихватили с собой. Там же лежали карманные часы. Мы не знали, как поступить: взять их или нет? Такую «деталь» заранее не предусмотрели, а у нас ни у кого часов не было, даже у самого Василия Васильевича. После долгих колебаний решили конфисковать и часы.

Фетцера расстреляли за деревней, у самой дороги. На груди у него оставили записку: «Расстрелян как изменник и предатель Родины. Так мы поступим со всяким, кто перейдет на службу к врагу. Партизаны».

Слух о расправе партизан с предателем немедленно облетел район. Этот факт да еще расписка «начальника штаба партизанских отрядов» навели панику на старост и полицейских и воодушевили патриотов: парти-

заны действуют! В отряд по одному, по двое стали прибывать новые люди.

Весь день 18 января мы пробыли в лесу, километрах в трех от Клина, разместившись в блиндаже. Этого требовала осторожность, ведь мы не знали, сдержит ли Яцемский слово или приведет за собой полицейских и гитлеровцев.

Кроме того, мы целый день разыскивали созданные летом склады оружия. Много часов подряд долбили мерзлую землю, но так ничего и не нашли, за исключением двух десятков гранат. Мы еще раз убедились, что склады разграблены и что в этом подлом деле немалую роль сыграл предатель Тарасенков.

Упорные поиски оружия объяснялись не тем, что у нас его не было. Патриоты района не сидели в оккупации сложа руки. Даже враг, сам того не ведая, помогал нам вооружаться. Немецкий комендант Ельни как-то приказал объявить жителям района, чтобы собирали оружие и сдавали старостам или полицейским, которые доставят его в город.

Староста деревни Хотнежицы, Ельнинского района, В. Н. Ковалев, действовавший по заданию Казубского, объявил крестьянам этот приказ. Молодежи он доверительно сказал:

— Вы, ребята, несите к моему дому то оружие, которое уже нельзя использовать. А все, что исправно, прячьте по гумнам. Дорог туда нет, и никто ничего не узнает. Если же что и найдут, то подозрений на вас не будет: мало ли кто его там оставил...

В Ельню Ковалев отвез настоящий металлолом.

В сборе оружия особенно отличились комсомольцы и ребята-школьники. К началу партизанской борьбы в Ельнинском районе действовали уже несколько подпольных комсомольских организаций, объединявших около семисот человек.

Нельзя не вспомнить теплым словом школьников Шуру Радькова, Вадима Дрейке, Колю Кубекина — комсомольского пожарника и партизанского поэта, Сашу Ефремова, Сашу Ковалева, Лешу Юденкова, Сашу Корпачева (Филю), Володю Волкова. Ни один из них не пришел в отряд без оружия. Более того, благодаря ребятам мы получили сотни винтовок, десятки пулеметов и минометов.

Милые наши маленькие партизаны! Много они помогали нам, взрослым. И сами были нужными в отряде людьми. Война, конечно, не детское занятие, да что поделаешь: у большинства ребят не было другого выхода и другого пути.

О Саше Ефремове, который впоследствии стал партизаном и носил кличку Фельдмаршал, стоит рассказать подробнее. В июне 1941 года московский пионер Саша Ефремов окончил 5 классов и на летние каникулы приехал погостить к бабушке в деревню Щиплево, Ельнинского района. Когда началась война, мальчик не смог вернуться к родителям в Москву и остался на оккупированной территории. Ставший не по годам серьезным, паренек собрал деревенских ребят и подбил их заняться «одним важным делом» — сбором оружия и боеприпасов. Действовала ребятня довольно активно. У них даже был свой «штаб».

Ребята собрали на полях и похитили у немцев несколько велосипедов, тринадцать ручных пулеметов, противотанковое ружье, много гранат и другого оружия и боеприпасов. Свои трофеи они прятали в лесу, в окопах и блиндажах, тщательно маскируя их. Как только в деревне, где жил Саша, появились партизаны, мальчуган стал просить командира принять его в отряд.

— Тебя?.. В отряд? Зачем? У нас ведь не детский сад!

— Как — зачем? — шмыгнув носом, возмутился Саша. — Фашистов бить буду!

— Рановато, брат, подрасти немного, — добродушно заметил командир.

Тринадцатилетний паренек весь как-то взъерошился. Дрожащим голосом, в котором вот-вот прорвутся слезы, он закричал:

— Тогда я вам ничего не дам!

— Видали, какой гусь?! А что ты можешь нам дать или не дать? — чуть насмешливо спросил кто-то из партизан.

Саша рассказал. Командиру, узнавшему, каким кладом владеют Саша и его друзья, волей-неволей пришлось зачислить мальчика в партизаны. Ну, а раз партизан, то надо иметь партизанскую кличку. Поскольку мальчик возглавлял в свое время «штаб», то ему и дали кличку Фельдмаршал. Саша храбро сражался в парти-

занском отряде и был награжден орденом Красной Звезды. В августе 1942 года его отправили самолетом на Большую землю, в Москву, «для продолжения образования», как было сказано в специально выданной партизанами справке.

В 1942 году о нашем Фельдмаршале был опубликован рассказ в журнале «Дружные ребята». Написал о нем и Б. Волин в брошюре «Всенародная партизанская война», которая вышла в том же году.

Продолжу, однако, рассказ о первом зимнем дне, проведенном нами в лесу. Пока мы искали оружие, специально выделенные люди вели наблюдение за дорогой. Чем ближе к вечеру, тем меньше оставалось надежд, что вернется Виктор Ящемский. Но волновались мы зря: поздно вечером он приехал. Явился не с пустыми руками, привез немного оружия, в том числе два ручных пулемета, и ржаного зерна. Денег захватить не сумел: после паники фашистские ставленники пришли в себя и усилили охрану складов и городской управы. Добывать оружие и хлеб пришлось силой.

Вместе с Ящемским прибыли ельнинские подпольщики, ставшие впоследствии прекрасными партизанами, Сергей Кривцов, Саша Франтик, Анатолий Тютюнников, Иван Разумов и другие. Разные были характеры у этих парней, различными путями попали они в Ельню, по-разному у каждого из них сложилась судьба, но общей для всех была любовь к Родине, ненависть к врагам, желание, не щадя жизни, бороться с фашистскими захватчиками.

Весельчак Виктор Ящемский в армии не служил. Случайно оставшись на оккупированной территории, он вернулся в Ельню и вступил в подпольную группу комсомольцев. По поручению группы пошел служить в полицию, сумел втереться в доверие к своему «начальству», а это позволило подпольщикам наладить разведку прямо в стане врага. Знал он и о случае с Новосельцевым в деревне Сосновке, многое сообщил нам о планах гитлеровцев и полиции в отношении коммунистов, комсомольцев и вообще патриотов. В ближайшее время, по его словам, должны начаться массовые аресты и репрессии.

Наш земляк Сережа Кривцов служил в Красной Армии, попал в окружение, вернулся в родную деревню

Саушкино и тоже сразу же связался с подпольем в Ельне. Сережа был мастером на все руки, очень мягким по характеру человеком и вместе с тем бесстрашным разведчиком. За что, бывало, ни возьмется этот тихий, застенчивый парень, все так и горит в его руках.

Незабвенный Саша, по кличке Франтик (Александр Васильевич Мурашев), отличался исключительным мужеством и храбростью, нечеловеческим терпением и беспрекословной исполнительностью. Все это делало его образцовым партизаном и отличным товарищем. А быть хорошим товарищем в условиях партизанской борьбы особенно важно. Скверный характер, неуживчивость — страшная штука, когда день изо дня приходится быть всем вместе, делить горе, трудности и тяготы походной жизни, спать под одной плащ-палаткой или шинелью, есть из одного котелка.

До войны двадцатипятилетний лейтенант Красной Армии Мурашев был командиром взвода и служил в Улан-Баторе. В октябре 1941 года под Вязьмой Саша, как и многие, попал в окружение. Он решил пробираться через линию фронта, но, не зная местности, не имея карт, один, без товарищей, сделать этого не смог. Саша вернулся в Ельню, где во время летних боев в 1941 году стояла их воинская часть и где у него были знакомые среди местных жителей. Ему удалось устроиться парикмахером. Дело это он освоил быстро. Вскоре парикмахерская стала местом встреч подпольщиков и складом оружия. Для таких целей она подходила как нельзя лучше. Появление подпольщиков не вызывало ни малейшего подозрения. Саша стал связующим звеном между многими нашими товарищами. Смелый, жизнерадостный, веселый — таким всегда был Саша, несмотря на тяжелейшие испытания и муки, выпавшие на его долю. Частенько посещал «парикмахерскую» и Лука Меркурьевич Капитанов.

Антиподом Мурашева был коренастый, немного хмурый, малоразговорчивый Анатолий Тютюнников, тоже командир Красной Армии, попавший в окружение под Вязьмой.

С прибытием группы Ящемского и некоторых других товарищей, пришедших немного позднее, партизанский отряд к исходу второго дня нашей открытой дея-

тельности увеличился до 25—30 человек. Это уже была сила.

Наступала ночь. Нам предстояло провести ее в лесу, в холодном блиндаже. Казубский сидел на старом пне, неподалеку от блиндажа, о чем-то думал и вполголоса напевал:

Звезды мои, звездочки,
Полно вам сиять,
Полно вам прошедшее
Мне напоминать...

Затем он решительно поднялся и громко, чтобы все слышали, сказал:

— Товарищи! Предлагаю сейчас же поехать в деревню Клин, занять ее, восстановить Советскую власть и превратить эту деревню в нашу первую партизанскую столицу! Как вы думаете?

Думали по-разному, малость поспорили, а в общем согласились с предложением Бати.

К деревне Клин подъехали на семи подводах. Все мы были вооружены винтовками, гранатами, опоясаны пулеметными лентами. На первых подводах находились пулеметы.

Навстречу отряду выбежали жители деревни с криками: «Наши, наши!»

И вот мы в Клину, в первой партизанской столице, затерянной среди дремучих лесов. На дорогах вокруг деревни немедленно выставили хорошо замаскированные посты. Казубский потребовал к себе старосту и полицейских. Вскоре партизаны привели «старосту».

Казубский сидит за столом, поглаживает окладистую черную бороду, которая уже успела основательно отрасти, и спрашивает приветливым и мягким голосом:

— Вы староста деревни?

— Нет.

— Кто же вы?

— Колхозник.

— А кто у вас староста?

— У нас его нет.

— Как так? Что вы нам сказки рассказываете?

Но это была не сказка. В деревне Клин действительно не было постоянного старосты. Когда бургомистр волости Павел Дуганов собрал жителей деревни на сход и предложил избрать старосту, никто на это не

согласился. Собрание проводили несколько дней, а результат все тот же. Тогда один колхозник предложил назначать старосту по очереди. Так и решили после долгих споров.

Только потом раскусил бургомистр, как надули его клинские мужики. Дуганов был одним из самых рьяных фашистских холоуев. Любые требования своих хозяев о поставках продовольствия, фуража, регистрации «окруженцев» выполнял точно и в срок. Все это проходило у него гладко в других деревнях, только не в Клину. За все время оккупации Дуганов не смог вывезти отсюда ни одного зернышка.

Получает староста предписание о поставках и сейчас же или уедет в лес за дровами, или притворится больным, или уйдет в гости в соседнюю деревню. И так тянет волюнку до тех пор, пока не кончится срок его пребывания на посту старосты. Приходит очередь другого — тот тоже выкидывает подобный номер. И так без конца. Сколько времени продолжалась бы эта игра в прятки, сказать трудно, но пока все сходило благополучно.

Слушая «старосту», мы хохотали до слез.

— Ну, хорошо, допустим, вы не староста и немцам не служили, — сказал Казубский. — А партизанам вы послужить можете?

— Со всей нашей радостью.

— Ну, а раз можете, то разместите-ка наших ребят, да посытнее их накормите. Кроме того, предупредите жителей, чтобы без нашего разрешения никто не смел уходить из деревни.

Задымили трубы, запахло жареным салом и картошкой. Партизаны начали сушить обувь. Жизнь налаживалась. Но уже через день произошло недоразумение, после которого Казубскому пришлось всерьез заняться организационным оформлением отряда. Началось с того, что затеяли спор партизаны, прибывшие из Ельни с Виктором Ящемским. В группе Ящемского оказалось два командира. По всем вопросам Казубский обращался к Ящемскому, в то время как в действительности ельнинской группой командовал Анатолий Тютюнников.

Казубский собрал всех партизан и прямо сказал:

— Прошу откровенно заявить, кто чем недоволен, и

мы общими силами постараемся ликвидировать недоразумение.

Партизаны из группы Ящемского и Тютюнникова заявили, что являются самостоятельным отрядом. Пришлось нам набраться терпения и спокойно разъяснить хлопцам, к чему приведет подобная самостоятельность. Поспорили, посоветовались, взвесили все «за» и «против» и единодушно решили: воевать будем одним отрядом.

Чтобы избежать подобных недоразумений в дальнейшем, отряд разбили на три группы. Командиром первой группы избрали меня, второй — Костю Яшкина, третью (ельнинскую) возглавил Анатолий Тютюнников. Командиром отряда избрали Василия Васильевича Казубского.

На том же собрании был создан совет отряда, призванный решать все важнейшие вопросы. В состав совета вошли командир отряда Казубский, начальник штаба Зыков (теперь уже не «начальник штаба объединенных партизанских отрядов», а настоящий НШ), а также командиры групп. Командиров вновь создаваемых групп решили автоматически включать в состав совета отряда.

В тот же день были назначены и другие должностные лица. На Сергея Харлампиевича Самсонова, или, как попросту звали его в отряде, Харламповича, возложили обязанность заботиться о питании и вооружении партизан. С. Х. Самсонов, член партии с дореволюционным стажем, был человек уже пожилой, безгранично уважаемый всеми нами за глубокую партийность и твердость убеждений. Многие из нас знали его жизненный путь. Знали, что воевал он еще в гражданскую, что был организатором и председателем одной из первых в Ельнинском районе коммун. Знали и то, что шестидесятилетний Харлампович мог эвакуироваться в тыл страны, но, верный долгу коммуниста и патриота, остался в родных краях.

Бывало, если что не так, он устроит любому командиру такую взбучку — только держись.

Имели мы уже и «транспорт» — до десятка коней. Их надо было кормить, поить. Заботиться о лошадях поручили бывшему «окруженцу» осетину Абаеву, который только что прибыл из Коробца вместе с Харлампо-

вичем и принес нам тяжелую весть о гибели групп Кости Евлампиева и Саши-воентехника.

Мы отлично понимали, что держаться в одном месте небольшому отряду не годится. Немцы и полицейские рано или поздно пронюхают об этом и разобьют нас. Поэтому действовать надо налетами, постоянно перемещаясь с места на место, чтобы враг не знал, где мы находимся и откуда можем напасть.

Сама обстановка подсказывала, чем следует заняться в первую очередь. Прежде всего необходимо было поднять на борьбу как можно больше людей. Это, разумеется, не означало, что мы были готовы принять всякого. Существовал отбор, и весьма тщательный. Далее нужно было немедленно сорвать в районе заготовки продовольствия для врага. Для этого требовалось разогнать полицейских и старост, которые помимо всего прочего шпионили за патриотами. Наиболее ненавистных старост и полицейских решено было уничтожить. Это послужит уроком и для других фашистских ставленников. А главное — использовать любой благоприятный случай для разъяснения жителям положения на фронтах и их задач по оказанию помощи наступающей Красной Армии.

Этим и занялся весь наш отряд, который, кстати, рос довольно быстро.

На второй или третий день в Клин приехали учитель Холмовской начальной школы Василий Саульченков и комсомолка Лена Строк. Ельнинский комсомол послал Лену разведчицей в действующую армию, но под Вязьмой девушка попала в окружение и вернулась в родные края. Василий Саульченков и Лена Строк уже работали в тылу врага: занимались агитацией, собирали оружие, установили у учителя Григория Евсеевича Богданова радиоприемник, принимали радиосводки и распространяли их в окрестных деревнях. На этот раз они тоже ехали в деревню Ивановку к Григорию Евсеевичу за последними новостями. Узнав, что в Клину партизаны, Саульченков и Строк не замедлили с нами связаться и очень обрадовались, увидев Казубского и меня. С большой радостью восприняли они известие об уничтожении Фетцера и умоляли нас скорее покончить с Пашкой Дугановым. «Упустите его и горько пожалеете, — говорили они, — он много вам напортит».

У Казубского было более чем достаточно оснований отдать приказ об уничтожении бургомистра Клинской волости Павла Дуганова, отличавшегося жестоким обращением с советскими людьми и преданностью фашистам. Незадолго до войны Дуганов вернулся из заключения, был мобилизован в армию, но дезертировал.

Полицасев, бургомистров и старост оккупанты вербовали из всяческого отребья. И эти предатели были, пожалуй, опаснее немцев, так как хорошо знали местность и людей. Предатели понимали, что свои их ненавидят, а враги презирают, что в любой момент их может настигнуть партизанская пуля. Имелось, конечно, среди них и люди, своевременно понявшие свою ошибку. Они смело рвали с прошлым, приходили к партизанам и боролись с врагом. Но не таков был Дуганов. Само его пребывание вблизи партизанского отряда означало для нас постоянную угрозу.

Уничтожить Дуганова поручили первой партизанской группе. Поздним вечером партизаны прибыли на лошадях в деревню Холм, которая находится на пути из Клина в Зуи. В одной из хат в центре деревни кто-то играл на гармошке. Партизаны по одному проникли в хату. Несколько человек остались на улице.

В хате танцевала молодежь. Заметив вооруженных людей, появившихся на вечеринке, гармонист перестал играть. Наступила тягостная тишина: не полицейские ли? Но вот среди тишины раздался звонкий молодой голос командира группы:

— Товарищи!

Как дорого было там, в далеком немецком тылу, простое и привычное слово «товарищи». Оно являлось своеобразным паролем, по которому безошибочно можно было судить, кто перед тобой — чужой или свой. Так было и на этот раз.

Командир группы рассказал, что Красная Армия разгромила гитлеровцев под Москвой, заняла города Калинин и Сухиничи. Враг бежит на запад. Скоро советские войска будут здесь. Чтобы помочь им, на борьбу с врагом поднялись партизаны.

Объявив о восстановлении Советской власти в деревне и об отмене всех распоряжений немецкого командования и фашистских ставленников, выступающий призвал молодежь не выполнять указаний оккупантов.

— Каждый советский патриот, способный носить оружие, должен вступить в партизанский отряд, чтобы не стыдно было смотреть в глаза воинам-освободителям, когда они придут к нам!

Такие летучие митинги и собрания в те памятные дни проходили то в одной, то в другой деревне. Польза от них была огромная. В простых советских людей, оказавшихся на временно захваченной врагом территории, они вселяли уверенность в победе. А старост и полицейских заставили умерить свой пыл. Предатели очень скоро убедились, что с партизанами шутки плохи.

К Дуганову партизаны явились поздно ночью. Во время обыска у него было обнаружено более 250 обработанных кур, свыше центнера свежей рыбы, два мешка сахара, пудов двадцать соли, несколько десятков винтовок и наган.

Закончив обыск, партизаны изъяли у Дуганова оружие, награбленное продовольствие и приказали бургомистру следовать за ними. Он ползал на коленях, плакал, просил сохранить ему жизнь и обещал, что не будет больше служить врагу. Как ни странно, но ему удалось избежать расстрела. У партизана, которому мы поручили привести приговор в исполнение, дважды произошла осечка. Воспользовавшись этим, Дуганов бросился бежать. Командир группы выстрелил ему вслед из нагана, но, видимо, промахнулся. Предателю удалось скрыться. Хотя, как выяснилось позже, он был ранен.

Этот случай заставил нас всерьез заняться приведением в порядок оружия. По приказу Казубского мы вычистили и пристреляли все винтовки, пулеметы, автоматы и пистолеты. Был выделен даже специальный мастер по ремонту оружия — Сережа Кривцов.

Дуганов не только не сдержал своего слова, а, наоборот, стал еще более ярким пособником захватчиков.

УЖЕ НЕ ОТРЯД, А ПОЛК

Неделю спустя после объявления в Клину Советской власти начались первые рейды партизанского отряда. Сначала выступили в направлении деревень Высокое и Болдино. Там поблизости проходил большак Слас-Деменск — Елья — Смоленск. В деревнях, расположен-

ных по этому большаку, находились гарнизоны гитлеровцев. По большаку постоянно двигались немецкие обозы. Чтобы обеспечить бесперебойное движение, специальные команды расчищали снег, сгоняя на работу жителей окрестных деревень. Были там и люди, тесно связанные с нами. Через них мы убеждали народ не выполнять указаний оккупантов. Однако за это строго наказывали. Тогда колхозники, работающие на расчистке, попросили:

— Дайте в нашу сторону несколько пулеметных очередей, и мы разбежимся кто куда. Сами уйти не можем.

Мы так и сделали. Охрана тотчас скрылась, разбежались и местные жители. Когда на другой день их стали выгонять на работу, они заявили:

— Не пойдем. Нас обстреливают партизаны. Обеспечьте охрану, тогда — другое дело.

Путем таких «обстрелов», засад, блокады и минирования большака нам удалось зимою и весной 1942 года полностью приостановить передвижение гитлеровцев по дороге Починок — Ельня — Спас-Деменск. Это имело серьезное значение: Спас-Деменский большак был важной артерией снабжения вражеских войск на нашем участке фронта.

Партизанский отряд В. В. Казубского, по существу, находился в ближайшем тылу фашистских армий, действовавших на спас-деменском направлении — всего в каких-нибудь 30—40 километрах от линии фронта. Это усложняло борьбу с врагом, так как здесь было полно войск. В деревнях, расположенных в западной части Ельнинского и особенно в Починковском и Глинковском районах, вражеских гарнизонов было сравнительно немного.

В одну из ночей наш отряд расположился в деревне Болдино. Тогда же мы обнаружили и расстреляли бургомистра Саполнова, скрывавшегося от партизан в деревне Болоноец.

В Болдине встретились Казубский и Гусев. Секретарь подпольного райкома партии одобрил деятельность отряда. От имени совета отряда Василий Васильевич предложил Гусеву взять в свои руки командование. В то время в отряд входило уже больше ста человек. Иван Павлович поблагодарил Казубского, но предложение отклонил.

— Таких отрядов, как ваш, — сказал Гусев, — в ближайшее время, возможно, появится несколько. Райкому придется руководить ими.

И действительно, весть о наступлении Красной Армии, о поражении гитлеровцев под Москвой, о приближении линии фронта вызвала быстрый рост партизанского движения. Вскоре оно приняло такой размах, что в Ельнинском и соседних с ним районах Смоленской области превратилось, по существу, во всенародное восстание. Но об этом я расскажу дальше.

Гусев располагал сведениями, что в северной части района появился еще один партизанский отряд. Но позднее выяснилось, что это была группа парашютистов, заброшенная в тыл к немцам, чтобы провести через линию фронта попавших в окружение бойцов и командиров.

Казубский и Гусев наметили план дальнейших действий. Группу партизан нашего отряда предполагалось направить в северную часть Ельнинского района, чтобы помочь патриотам срывать мероприятия оккупантов.

Гусев совершенно правильно считал, что, поскольку один отряд уже начал открытую партизанскую борьбу, необходимо скорее поднимать всех патриотов.

Пообещав дать знать о себе в ближайшее время, Гусев направился к Дорогобужу. Перед уходом он порекомендовал при случае связаться с Уваровской подпольной группой, возглавляемой Ионей Никифоровичем Фоминым — в прошлом бригадиром колхоза, и Ефимом Ивановичем Сидоренковым (Юшкой), до войны работавшим милиционером на железной дороге. В Уваровскую группу входили также бывший директор Коноплянской неполной средней школы Владимир Иванович Четыркин и несколько командиров, попавших в окружение.

Казубский уже встречался с Четыркиным. По поручению Василия Васильевича их подпольная группа накопила значительное количество оружия, сумела сохранить на мельнице несколько сот пудов хлеба гарцевого сбора. Позднее эта группа присоединилась к нашему отряду.

Проводив Гусева, отряд Казубского отправился не в Клин, а пересек Мутищенский лес, сделав более чем 25-километровый переход, и недалеко от деревни Ста-

рые Луки, в поселке гортопа, основал свою новую базу. Этот поселок расположен на горке. С трех сторон его окружает дремучий лес, с четвертой — протекает речка Деснок. Место очень удобное для отражения врага. Напасть же он мог только со стороны Старых Лук, идя по открытой, хорошо просматриваемой низине.

После визитов партизан к старостам и бургомистрам, после разгрома складов с оружием и продовольствием в Ельне, после срыва мероприятий оккупационных властей и налета на немецкие команды, расчищавшие бошак, со дня на день можно было ждать нападения гитлеровцев. Потому-то и было решено создать партизанскую базу в поселке гортопа.

Одновременно во многих деревнях вокруг Мутищенского леса наши люди вели работу по созданию новых партизанских отрядов и групп, вовлекали в наш отряд все новых бойцов. Я уже упоминал, что в окрестностях Мутищенского леса проживали не только колхозники, но и большое число так называемых «окруженцев». Они невольно прижимались к огромному лесу, рассчитывая укрыться в чаще в случае опасности.

После уничтожения Фетцера из местных жителей и «окруженцев» образовалась значительная группа будущих партизан в деревне Болоновец. Возглавляли ее коммунисты-подпольщики Михаил Иванович Андреев и Мионов. Болоновцы целиком влились в отряд Казубского, после чего у нас стало уже семь боевых групп.

Наши силы росли не по дням, а по часам. В отряд вливались все новые и новые люди. Кого только не было среди них, с какими только судьбами не пришлось столкнуться! К нам шли командиры и солдаты, политработники и врачи, артисты и писатели, астрономы и журналисты, рабочие и инженеры. О многих из них пойдет речь впереди. И у всех была одна просьба: «Примите».

Но мы не могли принимать каждого. Прежде всего вставал вопрос об оружии. Где его взять? Да и неправильно было, если бы к нам являлись на все готовое. Пусть добывают оружие, а потом можно и поговорить. Тем, кто был на фронте, а затем попал в окружение или в плен, партизаны прямо заявляли:

— На фронте тебе давали винтовку. Где она? Добудешь себе оружие — тогда и приходи!

— Да где же я его возьму?

— Это твоя забота. Сумел бросить винтовку, сумей и найти!

Подобные беседы можно было слышать каждый день.

Некоторым желавшим вступить в отряд командир поручал захватить или уничтожить старосту или полицейского. Выполнит человек задание — зачисляются в отряд, а не выполнит — иди на все четыре стороны.

Таким путем, помимо всего прочего, мы убеждались в надежности людей, что в тех условиях было очень важно.

С местными жителями дело обстояло проще: кто-нибудь из партизан непременно знал того, кто просился в отряд.

С «окруженцами» было сложнее. Приходит человек и говорит: я — такой-то. Как проверить, свой он или чужой? Встречались среди них и трусы, и шкурники, и просто жадные людишки. Но в большинстве это были настоящие патриоты, много видевшие, много пережившие, не раз глядевшие смерти в глаза.

Лейтенант Куренной попал в окружение где-то на западной границе и за лето 1941 года вместе с товарищами добрался почти до самой линии фронта. В лесу возле деревни Щербино, Ельнинского района, неподалеку от Стрянского болота, их обнаружили гитлеровцы, приняли за разведчиков и решили расстрелять. Куренному и его другу дали по саперной лопате и заставили рыть могилу. Еле двигаясь, попукаемые двумя красномордыми охранниками, они начали ковырять сухую землю. Казалось, спасения нет. Но лейтенант не терял надежды.

— Все равно погибать, — шепнул он другу, — давай попробуем бежать.

Пока рыли могилу, договорились о плане побега: нужно выбрать момент, когда охранники зазеваются, и пустить в ход лопаты. И вот могила готова, немцы приказывают обреченным вылезти из ямы. Они нехотя вылезают, разминают уставшие от неудобного положения ноги — и вдруг Куренной со страшной силой ударяет по голове одного из охранников ребром лопаты.

Тот валится на землю. Второй гитлеровец не успел вскинуть автомат, как на его голову обрушился удар другого обреченного. Схватив автоматы, лейтенант и его товарищ скрылись в лесу. Местные жители хорошо помнили этот случай и, когда Куренной вступал в отряд, рекомендовали его как храброго человека.

Таких, как лейтенант Куренной, было много. Я глубоко убежден, что из 1000 человек, попавших в положение «окруженцев», не менее 999 пытались перейти линию фронта и соединиться с частями Красной Армии.

Некоторые «окруженцы», оказавшись в тылу врага, вступали в брак с девушками или молодыми вдовами. Нередко такие «браки» носили фиктивный характер. И вот почему. Специальное распоряжение оккупантов от 12 сентября 1941 года предписывало всем бывшим красноармейцам, попавшим в окружение, и другим лицам, ранее не проживавшим в данной местности, немедленно явиться на перерегистрацию в немецкую комендатуру. *«Кто укроет у себя красноармейца или партизана, — гласил первый параграф этого распоряжения, — или снабдит его продуктами или чем-либо ему поможет (сообщив ему, например, какие-нибудь сведения), тот карается смертной казнью через повешение. Это постановление имеет силу также и для женщин. Повешение не грозит тому, кто скорейшим образом известит о происшедшем в ближайшую германскую воинскую часть».* Было ясно, что каждый, кто пойдет на регистрацию, окажется в лагере для военнопленных.

Требовались немалая смелость и решительность, чтобы в этих условиях помогать «окруженцам». Но самоотверженные советские люди помогали и «окруженцам», и пленным, и раненым. А чтобы не угодить на виселицу за укрытие офицеров и солдат, их стали брать в «зятья».

Появление партизан и вести о наступлении наших войск всколыхнули «окруженцев». Большинство их сразу же присоединилось к партизанам. Они принесли с собой дух воинской дисциплины и военные знания, которые были так необходимы нам, гражданским людям, вступившим на путь вооруженной борьбы.

В связи с большим наплывом желающих вступить в отряд, мы очень опасались, чтобы к нам не проникла

всякая нечисть, а особенно засланные врагом шпионы. Вспоминается такой факт.

Много лет спустя после войны мне как историку, интересующемуся партизанским движением, попала в руки книжка предателя Родины некоего Д. Карова под названием «Партизанское движение в СССР в 1941 — 1945 годах», изданная в 1954 году в Мюнхене (Западная Германия). Автор этой книжонки, называющий себя «историком», забыв о неисчислимых жертвах, которые понес наш народ, чтобы спасти мир от фашистской чумы, оплевывает святое дело партизанской борьбы. Его ложь и клевета в адрес советских партизан не могут не вызвать у порядочного человека чувства омерзения и гадливости. Недобитый фашистский ублюдок утверждает, будто советских партизан «вербовали» из «отбросов общества» и некоторые партизанские отряды якобы целиком состояли из уголовников. Об одном из таких отрядов он пишет: *«В отряде существовало своеобразное правило: принимались только те, кто просидел в тюрьме не менее трех лет, а тот, кто в течение трех дней не мог чем-либо доказать свой «тюремный стаж», изгонялся».*

Я не знаю точно, из кого вербуют в Западной Германии «историков», подобных Д. Карову, но нетрудно предположить, что подбирают их (пользуясь его же терминологией) из «подонков общества». Что же касается советских партизан, то я еще раз торжественно свидетельствую, что в своем подавляющем большинстве это были честнейшие, благороднейшие люди, бескорыстно вставшие на смертный бой с врагом и не жалевшие для этой святой цели ни крови, ни жизни.

Случалось, конечно, что в наш отряд проникали и трусы, и паникеры, и шпионы. Однако сами партизаны вылавливали их и беспощадно карали.

В начале нашей боевой деятельности, когда отряд размещался в поселке гортопа и насчитывал уже до ста пятидесяти человек, был такой случай. Из Ельни до нас стали доходить слухи, что немцы готовят против партизан карательную экспедицию. И вот однажды вечером с боевого поста дезертировал партизан Федор, вступивший в отряд как «окруженец». Командиру отряда стало известно об этом часа два спустя. Дезертирство Федора нас очень встревожило. Подоб-

ного проступка прощать нельзя. Во-первых, дезертир мог оказаться агентом врага и передать ему сведения о партизанах, а во-вторых, в отряде с самого начала следовало установить железную дисциплину. Было ясно, что дезертир направится в Коробец, где он жил некоторое время до вступления в отряд. А в Коробце — немецкий гарнизон. Если Федор сумеет добраться до станции, нам его уже не захватить. Запрягли лучшую лошадь и бросились в погоню. Догнали дезертира в деревне Высокое, где он остановился на ночлег. По решению совета отряда он тут же был расстрелян.

Через несколько дней произошел еще один подобный случай — с боевого поста дезертировал партизан Рачков (однофамилец Кольки-Кума). По боевой тревоге были подняты все партизаны, находившиеся в это время на основной базе. Дезертира вскоре поймали. Его постигла та же участь.

Партизанам был объявлен приказ Казубского, в котором сообщалось о фактах дезертирства и говорилось: *«Всем, кто вольно или невольно чувствует свою слабость — трусость перед предстоящими трудностями борьбы, приказываю сдать оружие и оставить отряд. При проявлении же малейшей трусости и измены совет отряда будет принимать самые суровые меры. Надеюсь, что все партизаны отряда проявят максимум отваги и героизма в борьбе с немецкими захватчиками».*

К чести партизан следует сказать, никто из них не покинул отряд.

Понемногу мы расширяли территорию, занятую отрядом, размещая партизан в окрестных деревнях. Одна группа находилась в деревне Болоновец, другая — в Мутище. В деревне Клин создали еще одну и довольно крупную партизанскую группу из местных жителей. В нее в числе первых вошли Василий Саульченко, учитель Богданов, Лена Строк, бывший работник органов госбезопасности москвич Саша Живов, оказавшийся в окружении. Возглавил группу тоже «окруженец» кино-артист Петр Поликарпович Симухович (по кличке Петрович), добродушнейший богатырь двухметрового роста, весивший не менее ста пятидесяти килограммов. Этот силач без особого напряжения вытащил как-то противотанковую пушку, застрявшую в окопе.

Однажды мы с Казубским приехали в Клин и, устроившись в хате, служившей как бы штабом партизанской группы, мирно беседовали с Симуховичем.

Входит часовой и докладывает:

— Задержали двух неизвестных. Один называет себя старшим лейтенантом и требует, чтобы его отвели к командиру отряда.

— Ведите, — сказал Казубский.

Порог переступил невысокий человек с рыжей бородой. Волосы исклочены, небольшие, глубоко запавшие глаза жуликовато бегают по сторонам. Одет в старую офицерскую шинель, за плечами котомка. За ним вошел средних лет флегматичного вида мужчина.

Рыжебородый развязным тоном отрапортовал:

— Старший лейтенант Елифанов, а это, — он указал на слутника, — мой адъютант. Мною создан большой партизанский отряд. Прошу принять нас в полном составе.

Казубский и Петрович незаметно переглянулись и начали разыгрывать Елифанова.

— Ага, значит, в партизаны? Вот ты-то нам и нужен! — угрожающе произнес Петрович. — Мы — полицейский отряд по борьбе с партизанами. Как раз и ловим таких, как ты.

Незнакомцы растерялись. Петрович приказал увести их из хаты. Решили хорошенько прощупать обоих.

По приказу Казубского привели «адъютанта». Он что-то путает, говорит невнятно. Вводят Елифанова. В его присутствии Василий Васильевич приказывает расстрелять «адъютанта», а сам начинает допрос Елифанова. На улице раздаются выстрелы. Это предупрежденные заранее партизаны создают видимость расстрела «адъютанта». А тем временем в соседней хате Леонид Зыков допрашивает «расстрелянного». Оказалось, что никакой он не адъютант, что отряда у Елифанова нет и он вовсе не офицер. Назвался старшим лейтенантом, чтобы получить в отряде командную должность.

Зыков приходит с этими сведениями в хату, где Казубский допрашивает Елифанова, но «старший лейтенант» продолжает упорствовать. Тогда Василий Васильевич с напускной строгостью приказывает расстрелять и Елифанова.

Только на улице, увидев направленные на него дула винтовок, Епифанов признался, что все рассказанное им — ложь. Он понял, что перед ним партизаны, и умолял принять в отряд. Несмотря на некоторое недоверие, мы его приняли и направили рядовым бойцом в группу Петровича. Однако Епифанов оказался скользким человеком, и об этом я еще расскажу.

Отряд наш рос, продолжал действовать. Во все стороны направлялись группы партизан, которые срывали мероприятия оккупантов, портили связь, разрушали мосты, разгоняли полицейских, вступали в стычки с гитлеровцами. В конце января в Починковский и Глинковский районы были направлены две партизанские группы — одна во главе с лейтенантом-артиллеристом Ильей Кошаковым, другую повел Пальчиков. Перед ними стояла задача напасть на деревни Марьино и Балутино, разгромить там небольшие гарнизоны, уничтожить склады, сжечь винокуренный завод, вывести из строя скотобойню. Захваченное продовольствие и имущество надо было раздать населению окрестных деревень и частично захватить с собою.

За день до их ухода мы направили в северную часть Ельнинского района одиннадцать партизан под командованием Кольки-Кума. Цель вылазки — сорвать проводимые оккупантами заготовки продовольствия, фуража и теплой одежды, уничтожать мелкие группы врага, захватить старосту деревни Жабье Жигалова и доставить его в поселок гортопа. Уходящим на выполнение задания передали лучшее вооружение, боеприпасы, помогли потеплее одеться.

Спустя несколько дней, под вечер, дозорные доложили, что со стороны Старых Лук движется отряд вооруженных людей, очевидно немцы или полиция.

Все партизаны, находившиеся на основной базе, немедленно заняли оборону. Руководить боем Батя поручил Зыкову. Мы залегли в снегу за штабелями дров, за вывороченными пнями, за деревьями. Зыков распорядился не стрелять без его команды. Партизаны замерли, держа на мушке приближающихся людей. Тупыми рылами смотрели в их сторону два пулемета «максим». Но тревога оказалась напрасной: это был отряд Кошакова. И сейчас становится страшно при мысли, что могло произойти, если бы у кого-нибудь не

выдержали нервы... В то время у нас не было биноклей, и о сигналах мы не условились. На будущее договорились, что каждый отряд, приближаясь к лагерю, будет подавать установленный сигнал.

Кошаков со своим отрядом не отважился напасть на немецкий гарнизон в Марьине: чересчур неравными были силы. Но на обратном пути партизаны разгромили отряд полицейских и два волостных управления. В одной из волостей Починковского района захватили много продовольствия, отобранного у населения фашистами. Партизаны роздали его местным жителям и кое-что захватили с собою. Раздобыли они на складах и теплую одежду, которая пришлась как нельзя кстати. Отобрали у полицейских и старост несколько лошадей с упряжью. А кроме того, по пути к ним присоединились около двадцати человек с оружием, решивших стать партизанами.

С отрядом Ильи Кошакова пришла к нам женщина лет тридцати, назвавшаяся Евгенией Князевой. Она рассказала, что направляется через линию фронта. Мы дали ей поручение: связаться с одним из штабов и рассказать о нашем отряде. Нас тяготило отсутствие связи с действующими частями Красной Армии. Из-за этого мы не могли передавать войскам фронта полезные разведывательные данные, не могли координировать свои действия с фронтовыми подразделениями.

Предпринимали мы и другие попытки связаться с Большой землей. Разыскиали в Новоспасском Иосифа Бурдина, который осенью 1941 года был оставлен в тылу майором Крижановским вместе с радией и радистом для выполнения специального задания. Оказалось, что радист так и не смог связаться с Большой землей, питанье для радиации кончилось, он ее где-то запрятал, а сам ушел через линию фронта. А как нам нужна была радиация!

Князевой удалось перейти линию фронта. Она выполнила наше поручение. Однако в тот момент фронтовые части не смогли или не сочли нужным устанавливать с нами связь.

Долгое время нам ничего не было известно с судьбе группы Кольки-Кума (Николая Рачкова). Дела у него, оказывается, шли отлично. С помощью местных патриотов из деревни Жабье партизаны Рачкова сорвали ок-

купантам заготовки продовольствия и фуража в северной части Ельнинского района, расстреляли полицейского в деревне Жабье и лишь по чистой случайности упустили заклятого врага, старосту этой деревни Жигалова: он успел убежать в Ельню под крылышко своих хозяев.

Николай со своим отрядом расположился в деревне Жабье. Ему сообщили, что со стороны Ельни движется карательный отряд численностью до сорока человек. Партизаны немедленно ушли в соседнюю деревню Савостьяново. Там уже сложился небольшой партизанский отряд под командованием Володи Буташева. Было решено устроить засаду и общими силами разгромить карателей. С Николаем Рачковым неотлучно находились Евтих Паничев и Николай Руденко, не сумевший в начале января уйти с нами в Мутницкие леса.

Прибыв в Жабье, каратели расстреляли на краю деревни первых попавшихся им на глаза мужчин «окруженцев» и с видом победителей двинулись с обозом в Савостьяново. Партизаны, замаскировавшись в сараях и гумнах, проявили большую выдержку: они открыли огонь, когда каратели были уже в самой деревне. Боем руководил Володя Буташев. В результате весь карательный отряд был уничтожен. Удалось ускакать одному офицеру, но и его вскоре настигли и уничтожили партизаны.

Партизаны захватили богатые трофеи. Попала в их руки и офицерская сумка. Среди бумаг в ней оказался приказ немецкого командования. Рачков вместе с подпольщицей Юлей Семочкиной и учительницей немецкого языка из соседнего села перевели его. Мы узнали, что немецкое командование снарядило несколько карательных отрядов для борьбы с партизанами. Каратели предполагали двигаться в район деревни Мархоткино, чтобы уничтожить партизан. С одним из таких отрядов и было покончено возле деревни Савостьяново.

Теперь, когда стали известны пути движения других карательных отрядов, Рачков решил мобилизовать на борьбу с ними все патриотические группы в северной части района. Тем более что и обстановка складывалась благоприятно. По поручению Гусева местные коммунисты и «окруженцы» начали создавать в тех местах

партизанские отряды и выступать из открытую борьбу с врагом. В конце января партизаны объединенными силами разбили в районе Мархоткина три карательных отряда.

Судьба столкнула отряд Николая Рачкова с только что созданным партизанским отрядом, во главе которого стоял бывший военнопленный лейтенант Аркадий Меркулов. Он предложил Рачкову объединиться, что и было сделано. Вскоре объединились и другие отряды, появившиеся в этом районе, в результате возникло крупное партизанское соединение, которое вначале носило название «Ф. Д.», по имени Феликса Дзержинского (так именовал себя до объединения отряд Аркадия Меркулова). После этого соединение стало называться партизанским полком имени 24-й годовщины РККА. Начальником штаба отряда «Ф. Д.», а затем начальником штаба партизанского полка стал Николай Рачков. Остальные партизаны, входившие в группу Н. Рачкова, также были назначены на ответственные посты: Абаев стал начальником политотдела, Е. Паничев — политруком роты, Н. Руденко — командиром первой роты.

Партизаны из отряда Казубского сначала обижались на своего славного друга Николая Рачкова: он сам не вернулся назад, и не вернулось то оружие, которое мы ему дали. Но потом обида прошла, верх взяло сознание того, что это необходимо для общего дела. Наши партизаны даже гордились, что в создании полка имени 24-й годовщины есть и их небольшая заслуга*. В конце 1942 года в своем отчете Западному штабу партизанского движения командир первого батальона полка имени 24-й годовщины РККА А. М. Литвиненко сообщал, что в числе одиннадцати человек, сыгравших главную роль в организации этой партизанской части, следует назвать таких, как лейтенант Николай Рачков, лейтенант Николай Руденко и младший политрук Евтих Паничев. Там же комиссаром батальона был Григорий Верман.

* В литературе встречается неточная версия, будто партизанский полк имени 24-й годовщины РККА создан партизанами нашего отряда. См. мемуары генерал-полковника П. А. Белова «За нами Москва». Воениздат, 1963 г., стр. 264. (Прим. авт.)

...Отряд Казубского продолжал жить напряженной боевой жизнью. Ежедневно во все стороны отправлялись небольшие группы партизан на выполнение боевых заданий. То там, то здесь возникали все новые и новые партизанские отряды и группы. Толчком для начала их боевой деятельности служило обычно появление партизан Казубского и их решительная борьба против оккупантов.

Неоценимую роль в развертывании партизанского движения в тот период сыграла политическая работа партии среди населения, проживавшего на временно оккупированной территории, а также газеты и листовки, засылаемые в тыл врага.

Первый секретарь Смоленского обкома партии, впоследствии начальник Западного штаба партизанского движения Дмитрий Михайлович Попов писал в своей докладной на имя начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко: *«Жизнь показала, какую огромную организующую силу имеет агитационная литература, в частности листовки, попадающие к населению оккупированных областей. С этой стороны большой интерес представляет история возникновения в Ельнинском районе партизанского отряда им. С. Лазо. Оказавшись в тылу фашистов, советские люди в первое время проявили некоторую растерянность. В это время самолеты сбросили листовки, призывающие организовать партизанские отряды. Народ собрался, обсудил листовки и решил создать партизанский отряд. Отряд был создан».*

В деревне Ново-Андреевское небольшой отряд создали бывший председатель сельпо коммунист Сергей Пуляков и его друг Черепанов. Сергей действовал по указанию Казубского, который еще во время первого рейда в деревню Болдино поручил ему заняться организацией отряда. К Пулякову вскоре присоединились пятнадцать парашютистов-десантников, случайно заброшенных в этот район. Они должны были приземлиться между Дорогобужем и Вязьмой, но по ошибке оказались за полтора-два километра от намеченного пункта. Особенно ценным было для нас то, что все десантники имели автоматы. Несколько позднее отряд Пулякова вместе с парашютистами-десантниками вошел в отряд Петровича.

Партизанские группы нашего отряда постепенно превращались в крупные подразделения. Не прошло и месяца с того дня, как мы ввосьмером пришли в Клин, а в отряде Казубского уже насчитывалось около семисот хорошо вооруженных бойцов. Если бы к тому же у нас было достаточно оружия и мы принимали каждого желающего, за тот же срок отряд вырос бы по меньшей мере до десяти тысяч.

Такое бурное развитие партизанского движения в Советском Союзе в годы войны враги мира и антикоммунисты объясняют далеко не теми причинами, которые существовали на самом деле. Некоторые из них даже утверждают, что население оккупированной территории не поддерживало партизан, не хотело вступать в отряды и в общем хорошо относилось к оккупантам. Главную же причину, которая вызвала партизанское движение, они видят в жестокости и зверствах фашистов.

Тот же Д. Каров пишет: *«Можно смело сказать, что именно... карательные акции немцев... способствовали развитию партизанского движения значительно больше, чем советская пропаганда, чем сталинский приказ или вся организационная работа советских подпольных групп, оставленных со специальной целью мобилизовать народ на партизанскую войну».*

Такие высказывания смело можно было бы назвать глупостью, если бы они не были преднамеренной ложью, целью которой — показать партизанскую борьбу в превратном свете. Население оккупированных районов создавало партизанские отряды по собственной инициативе или охотно вступало в них, если они уже существовали. Причем, организаторами отрядов были главным образом не какие-то пришлые или специально посланные люди, а местные жители. Если бы, например, во главе нашего отряда стоял не местный житель, не авторитетный учитель-коммунист, а малоизвестный или совсем незнакомый человек, то люди к нему относились бы настороженно, долго присматривались и, очевидно, отряд рос бы значительно медленнее.

Главной причиной быстрого роста партизанских отрядов была горячая любовь советских людей к своей Родине, их ненависть к захватчикам и к фашизму как таковому, сильно развитое чувство советского патрио-

тизма. Наши люди отлично знали, «куда идти, в каком сражаться стане». И их не так-то легко было сбить с толку.

Что же касается злодеяний оккупантов, то это страшное явление было распространено очень широко — такова уж гнусная сущность фашизма. Но даже если бы и не было злодеяний, все равно, партизанское движение возникло бы обязательно, и не в меньших масштабах. Советский народ никогда не смирился бы с тем, что на его земле хозяйничают чужеземцы.

Любовь к Родине, ненависть к захватчикам приводили в ряды партизан даже сугубо мирных людей, никогда не державших в руках оружия: женщин, стариков, детей, инвалидов.

Не был военным человеком и Василий Васильевич Казубский, в прошлом учитель ботаники. Не лежала у него душа к войне. В перерыве между боями он с нежной любовью рассматривал какую-нибудь травинку, мечтая втайне о том времени, когда снова сможет вернуться к своему любимому делу. 14 июля 1942 года, когда его наградили орденом Ленина и присвоили воинское звание майора, наш командир записал в своем дневнике, что он не военный и тем более не «полководец» и что все его помыслы связаны с родной школой. Но он упорно постигал военное искусство, поскольку его вынудили к этому обстоятельства, стал блестящим командиром и с честью выполнил свой воинский долг перед Родиной.

Следует, однако, признать, что зверства немецких фашистов действительно были одной из причин усиления партизанского движения. *«Но все же насилия и жестокости, — как правильно указывал во время войны Михаил Иванович Калинин, — чинимые немецкими оккупантами над мирным населением, являются лишь дополнительным фактором в развитии партизанской борьбы. Основные источники, столь обильно питающие партизанское движение, лежат значительно глубже, они находятся в недрах самого народа».*

Совершенно очевидно, что народ поднялся на борьбу против врага не из одного только желания отомстить фашистам за их зверства. Побуждаемый патристическими чувствами, он шел на смертный бой за свободу и независимость своей Родины.

...В феврале 1942 года наш отряд был преобразован в полк. Произошло это зимним морозным вечером в одной из хат поселка гортопа при тусклом свете копилки, изготовленной из сплюсненной гильзы артиллерийского снаряда. Пока собирался совет отряда, командиры вполголоса переговаривались между собою. Каждый партизан в такой беседе был «стратегом» и развивал свои планы разгрома врага. Какой-нибудь дед, заросший до самых глаз могучей бородой, водил корявым пальцем по ученической карте, с трудом прочитывал надписи и все же намечал пути охвата вражеских группировок и сроки решительного наступления нашей армии. Разгорались бурные дискуссии, будто от нашего решения зависела судьба войны. С особой страстностью велись споры, когда до нас долетали с фронта звуки артиллерийской канонады.

Но вот наши спорщики затихли. Кто-то задушевно затянул песню. В ней и грусть, и русское раздолье, и призыв к борьбе. К запевале присоединяются другие, поют так, что любо-дорого послушать. Вообще, в отряде пели много и хорошо. Песня заменяла и радио, и музыку, и кино, и все другие развлечения. Песня как бы сплачивала партизан, мы становились ближе и роднее друг другу.

Поющим обычно аккомпанировал Виктор Ящемский. Иногда брал баян и Василий Васильевич. Из-под его пальцев лилась приятная мелодия старинного вальса...

Все в сборе. Наряду с другими делами сегодня на совете отряда обсуждается вопрос о преобразовании отряда в полк. Члены совета единодушно высказались за необходимость создания партизанского полка, разбитого на подразделения по типу регулярных пехотных полков Красной Армии.

Командиром полка единогласно избран Василий Васильевич Казубский. Комиссаром, по его предложению, избрали меня, начальником штаба — Леонида Лукича Зыкова. Это были последние выборы командного состава полка. Тогда же единодушно договорились впредь подобных выборов не проводить, а все назначения и передвижения в полку оформлять приказом командования.

Полк разделили на батальоны и роты. Командиром первого батальона назначили старшего лейтенанта Во-

лодю Медведченкова, бывшего ученика Казубского, комиссаром — местного коммуниста, капитана Красной Армии Михаила Кругликова, начальником штаба — «окруженца», командира Красной Армии Владимирова.

Командиром второго батальона стал старший сержант Виктор Дервинский, которому вскоре кто-то дал кличку Веселый Нищий (он постоянно клаячил в штабе полка то патроны, то пулеметы). Третий батальон возглавил Петр Поликарпович Симухович. В общем, во главе батальонов стояли боевые люди, пользовавшиеся доверием и уважением партизан. Им дали право самостоятельно принимать решения о боях и вылазках местного значения и обеспечивать партизан продовольствием, оружием, боеприпасами, одеждой. Добыть все это можно было главным образом в боях.

При штабе полка организовали штабную роту. В ее задачу входили охрана штаба, организация телефонной связи с батальонами и другими подразделениями, а главное — она являлась резервом для нанесения наиболее дерзких ударов по врагу. Возглавил штабную роту Василий Петрович Ключев, тридцатилетний капитан Красной Армии, один из самых бесстрашных и умелых командиров нашего полка.

Накануне войны Ключев окончил бронетанковое училище. Часть, в которой он служил, сражалась летом 1941 года под Ельней, а затем участвовала в тяжелых изнурительных боях под Вязьмой. Там же она попала в окружение. Капитан Ключев оказался в плену, и его вместе с другими военнопленными погнали на запад. По пути он бежал, но линию фронта перейти не сумел, добрался до деревни Уварово, Ельнинского района, и начал сколачивать партизанский отряд.

Местное население хорошо знало портного капитана Ваську. Попав на оккупированную территорию, Василий Петрович действительно некоторое время портняжил, чтобы заработать на хлеб (еще в детстве отец обучил его этому ремеслу). Но мысли его были заняты одним — как нанести урон врагу. В подпольную партизанскую группу, созданную Ключевым, входило двенадцать таких же, как и он, боевых товарищей. Ключев установил связь с местными патриотами из Уваровско-Забеженской группы, в том числе с Владимиром Ивановичем Четыркиным.

Незадолго до организации партизанского полка — 8 февраля 1942 года — Василий Васильевич Казубский и я выехали в деревню Новое Мутище, где располагались партизаны из группы Володи Медведченкова. Вскоре туда прибыл Ключев и стал просить, чтобы его с группой приняли в отряд. Пока Казубский вел переговоры с Ключевым, партизаны сробшили, что гитлеровцы из деревни Угрица, в которой размещались тылы 52-й немецкой пехотной дивизии, приехали вместе с комендантом в деревню Никольское и пошли по хатам мародерствовать. Василий Петрович загорелся желанием перебить мародеров, а коменданта притащить живьем. Казубский не возражал.

Вооруженные автоматами и пулеметами, Ключев и его товарищи на двух лошадях, запряженных в сани, галопом влетели в деревню. Местные жители указали им, в какой хате находится комендант. Василий Петрович и партизан Володя бросились туда. За столом сидели комендант Угрицы, еще два немца, переводчик и продавший им душу староста. Теплая компания бесечно распивала самогонку. Направив на них автомат, Ключев громко крикнул: «Хенде хох!» Кто-то из врагов схватился за оружие. Застрочили автоматы подпольщиков. Все собутельники были перебиты, а комендант тяжело ранен. Как только Ключев и его группа вернулись в Новое Мутище, мы тут же решили принять их в отряд.

Сведения, полученные от плененного коменданта, были вскоре использованы партизанами во время разгрома гарнизона в Угрице. Последний насчитывал более 200 солдат и офицеров. Деревня была укреплена дзотами, имелась телефонная связь с другими гарнизонами, размещенными на большаке Починок — Ельня — Спас-Деменск.

Операцию проводил третий батальон полка. В ней участвовало до 250 партизан, на вооружении которых кроме винтовок и автоматов было два станковых и девять ручных пулеметов, один батальонный и два ротных миномета.

Партизаны хорошо понимали, что нелегко сладить с гарнизоном, засевшим в укреплениях, и решили пойти на хитрость, выманить фашистов из укреплений. С этой целью одна группа наступающих отвлекла внимание

противника, вызвала огонь на себя и стала отходить. Основная часть гарнизона бросилась преследовать «отступающих». Тем временем главные силы партизан ворвались в деревню и выбили фашистов. Отступление оккупантов было паническим. Они бросили значительную часть оружия и все военное имущество. Партизаны убили 30 гитлеровцев, одного офицера и пятерых солдат взяли в плен, захватили 32 винтовки, два пулемета, автомат, 120 лошадей с амуницией, много штабных документов, полевую почту, крупную сумму немецких марок и даже полный котелок гитлеровских орденов Железный крест. На двадцати подводах мы вывезли крупу, сахар, сливочное масло, сигареты, табак, обувь. Потери партизан составили 6 человек, 11 человек было ранено. В этом бою участвовал и В. П. Ключев.

Будучи командиром штабной роты, Василий Петрович не только успешно справлялся с порученным делом, но и подготовил много прекрасных бойцов, которые впоследствии возглавляли партизанские подразделения, а Володя Присовский вскоре даже заменил своего учителя на посту командира штабной роты.

На совете отряда в памятный день 12 февраля 1941 года встал вопрос о том, как назвать партизанский полк. По предложению комиссара единогласно решили присвоить полку имя прославленного героя гражданской войны Сергея Лазо. Зная судьбу этого замечательного человека, партизаны полка с гордостью называли себя лазовцами и стремились быть достойными этого славного имени.

ГРОЗНАЯ СИЛА

Партизанский полк имени Сергея Лазо превратился в грозную силу. День ото дня расширялся район его действий. Занимая все новые и новые населенные пункты, партизаны обычно укрепляли их, и враг многие месяцы не мог сунуть туда носа. К середине февраля все села и деревни вокруг Мутищенского и Леоновского лесов были отбиты у оккупантов народными мстителями. Там работали сельские Советы, восстанавливались колхозы. Передвижение между населенными пунктами, занятыми партизанами, стало безопасным. Соз-

давался партизанский край. Отсюда совершались дерзкие налеты в Починковский, Глинковский, Стодолищенский, Спас-Деменский и даже Рославльский районы. Наши разведчики и диверсионные группы побывали в Ельне, Починке, Глинке. Это позволило иметь хорошую информацию о сосредоточении сил гитлеровцев, о их намерениях. Удалось, хотя и с трудом, установить связь с людьми, работавшими в комендатуре и в управлении городского головы в Ельне.

У военного коменданта Ельни переводчиком стал военнопленный. Он был связан с подпольщиками и нашими людьми, служившими в органах управления оккупационных властей, и всячески помогал нам. Иногда он вел себя попросту дерзко. Однажды, еще до организации нашего отряда, в районе деревень Уварово — Угрица неожиданно появился ельнинский комендант в сопровождении свиты. С ними был и переводчик. Собрали жителей. Комендант потребовал, чтобы они немедленно сообщили обо всех незнакомых людях и помогали вылавливать их. Среди крестьян находились В. И. Четыркин и В. П. Ключев. Комендант закончил свою речь и посмотрел на переводчика. Тот начал переводить, да так, что все диву дались. В его «переводе» получалось, что если в хату зайдет бывший военнопленный или «окруженец», то житель обязан его напоить, накормить, помочь переодеться и не задерживать больше двух дней. Переводчик знал, что комендант и его спутники не понимают по-русски, и воспользовался этим.

Помимо рейдов, совершаемых за многие километры от основной базы полка, лазовцы активно действовали и в своем районе. Вражеским войскам и обозам было небезопасно передвигаться по большаку Смоленск — Спас-Деменск. То в одном, то в другом месте вспыхивали короткие, но ожесточенные схватки. Партизаны, как правило, нападали неожиданно, чаще всего из засад, и не имели потерь.

Как-то Василий Ключев, Володя Присовский и еще пять партизан отправились в деревню Замошье и устроили засаду на большаке. Вскоре показалась подвода с гитлеровцами. Ребята подпустили их на пятнадцать — двадцать метров и ударили из автоматов. Четыре фашиста были убиты наповал. Партизаны захватили ло-

шадь, винтовки, автоматы, пистолет и сумку с документами. И все это произошло среди бела дня, рядом с деревней Каменец, где располагался вражеский гарнизон в несколько сот человек.

Такие небольшие, но постоянные удары по захватчикам дезорганизовывали тыл вражеских войск, нарушали связь, регулярное снабжение и вынуждали немецкое командование постоянно держать на охране большака, населенных пунктов, обозов, складов значительное количество солдат.

Одновременно с боевыми операциями мы развернули большую политическую работу среди населения. Это позволило сорвать всю фашистскую кампанию по заготовке продовольствия и сбору теплых вещей.

Огромнейшее значение для подъема боевого духа партизан и населения оккупированных районов имела своевременная информация об успехах советских войск на фронте, а также о боевой деятельности партизан. Мы ежедневно принимали сводки Совинформбюро, размножали и рассылали в батальоны. Там их в свою очередь переписывали в нескольких экземплярах и отправляли в более мелкие подразделения, откуда эти драгоценные листочки доходили уже до жителей. Один-два раза в неделю, а иногда и чаще, делались обзоры боевых действий полка. В них рассказывалось и о зверствах оккупантов, и о наиболее значительных эпизодах нашей борьбы, и о тех, кто особо отличился при выполнении заданий.

К пропагандистской деятельности мы широко привлекали наиболее подготовленных людей — политработников, специалистов военного дела. Они разрабатывали тезисы выступлений для комиссаров батальонов. Только в течение февраля и марта 1942 года были подготовлены и разосланы тезисы к таким темам: «Фашизм — злейший враг советского народа», «Союз демократических держав победит», «Зверства немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории» (материал был составлен на основе местных фактов), «История партизанской борьбы в России», «Как бороться с танками», «Учись минировать».

К тому времени полностью обосновался в нашем полку секретарь райкома партии И. П. Гусев, без устали занимавшийся налаживанием партийной работы и нор-

мальной жизни в селах и деревнях, занятых партизанами. По его инициативе было подготовлено обращение Ельнинского райкома партии и райкома комсомола к населению. В обращении говорилось о зверствах фашистов на территории Ельнинского и соседних с ним районов, об обстановке на фронте, об успехах Красной Армии и партизан, разоблачалась изменническая роль старост и полицейских. Обращение призывало жителей создавать партизанские отряды и боевые группы самозащиты, вооружаться, не давать оккупантам ни одного килограмма продуктов и фуража, не выполнять распоряжений немецкого командования, портить мосты и дороги, уничтожать захватчиков, их обозы и транспорт. Переписанное от руки в сотнях экземпляров, обращение было распространено по району.

Появление в полку И. П. Гусева пришлось как нельзя кстати. Хотя меня и избрали комиссаром, но, по совести говоря, я хорошо не знал, чем заниматься. Ясно было одно: надо поднять боевой дух партизан, вдохновить их на борьбу. Но как это сделать, я представлял смутно. На первых порах не придумал ничего лучшего, как при всяком удобном случае участвовать вместе с партизанами в самых отчаянных схватках, чтобы личным примером воодушевлять своих товарищей. Постоянное внимание Гусева к политической работе дало хороший результат: я стал понимать, чем заниматься мне, как комиссару. Позднее, когда в отряд из штаба Западного фронта прибыл опытный политработник Александр Иванович Разговоров, дело пошло лучше.

Вскоре после того как появилось обращение райкома партии и райкома комсомола, командование партизанского полка издало довольно своеобразный приказ, адресованный жителям района. В первой части этого документа сообщалось об успешном продвижении частей Красной Армии, об освобождении ряда крупных городов, о зверствах, чинимых захватчиками на оккупированной территории, и о том, что близится час расплаты с фашистами за все их зверства. Далее в приказе говорилось: «...Продуктов и кормов немцам не давать, на работу не ходить, а старост и полицейских, пытающихся выполнять немецкие приказы, уничтожать беспощадно». Но особенно любопытен последний параграф: «Настоящий приказ должен быть зачитан всему

населению. Персональную ответственность за выполнение данного приказа возлагаю на старост деревень. Староста, не выполнивший настоящего приказа... будет уничтожен немедленно».

Появился такой приказ не случайно. Оккупационные власти время от времени давали задания волостным управам, начальникам районов и сельхозкомендатур собирать по разверстке с каждого крестьянского двора большое количество хлеба, мяса, молока, яиц, а также сена и соломы. Старостам деревень предлагалось даже собирать с каждого двора по пяти килограммов сушеной земляники, черники, малины. А немецкая комендатура Стодолищенского района в июле 1942 года приказала старшине Ново-Руднянской волости поставить для фашистской армии тонну свежей рыбы или раков. Мы, конечно, не могли мириться с этим, хотя за невыполнение приказов фашистских ставленников людям грозили арест и даже смертная казнь.

Однажды мы послали на лошади молодого партизана Шуру Радькова в полк имени 24-й годовщины РККА, чтобы выяснить судьбу Кольки-Кума и его группы и попутно разведать обстановку в Ельне. Побывав в полку и навестив мою жену, которая передала нужные нам сведения, Шура вместе с пожилой партизанкой Полиной Ивановной беспрепятственно проехал Ельню и направился по Смоленскому большаку в сторону расположения наших отрядов. Недалеко от Ельни им повстречался обоз. Шура окликнул возчиков:

— Откуда едете, дяденьки?!

— Из Малышевского сельсовета, из Павлова.

— А куда?

— Да в Ельню, сено по заготовкам везем, староста приказал.

Шура не выдержал.

— И не стыдно вам! — срывающимся голосом крикнул он. — Немцам сено и овес везете, помогаете им бороться с Красной Армией. Своих убивать помогаете!

У павловцев и без того на душе было тяжело: кому хочется свое добро отдавать? А тут еще этот мальчишка со своими укорами.

— Ах ты, шенок! — крикнул рыжебородый возчик. — Да мы тебя так отдуем кнутами, что белого света не взвидишь. Да еще и в комендатуру сдадим!

Однако до кнутов дело не дошло: Шуру выручил резвый конь. Отъехав, мальчишка крикнул вслед возчикам:

— Погодите, контры, мы скоро к вам приедем! Передайте старосте, что если хотя бы одну соломинку пошлет немцам, то будет повешен на первой же осине!

Через несколько дней группа партизан, которую Василий Васильевич поручил возглавить мне, направилась в западную часть Ельнинского района. Шура Радьков увязался с нами. В Павлове «знакомые» Шуры крайне удивились, увидев среди партизан того самого парнишку, который обругал их под Ельней. Однако старосту вешать не пришлось: предупрежденный крестьянами, он перестал поставлять оккупантам продовольствие и фураж. Да и вообще впоследствии мы уже почти не прибегали к крайним мерам: старосты послушно выполняли указания партизан, видя, что сила на их стороне.

Тогда же наша группа захватила на мельнице в деревне Вербилово солидное количество хлеба и передала его семьям учителей и служащих, кормильцы которых находились в Красной Армии.

Побывали мы и в других деревнях. В одной из них захватили тайного немецкого агента Муравского, который летом прошлого года во время боев под Ельней выдал гитлеровцам двух советских фронтовых разведчиков. Разведотдел 24-й армии еще тогда поручил нам поймать предателя, но он ухитрился скрыться. Понимая, что все кончено, Муравский выдал нам своего друга, тоже предателя Гайченка. Мы сполна рассчитались с этим ублюдком...

Ясная морозная ночь. Сказочно красив лес, покрытый инеем. Впереди деревня Шербино. Остановились, прислушались — кругом тишина. На фоне неба темным силуэтом выделяется старинная церковь. Хотя и поздно, но в некоторых домах слабо светятся окна.

— А где же наши ребята-разведчики? — спрашивает ездовой, мой ординарец Костя Яшкин.

— Да где-нибудь здесь, — отвечаю ему. — Случись опасность — они бы подали сигнал.

В крайней хате за поворотом горит свет. Оставив лошадей, мы подошли и тихо постучали. Дверь легко отворилась. В хате полным-полно ребятишек. Они вни-

мательно слушают учительницу Августу Ниловну Савченкову и учителя Александра Ивановича Богдановича, которые по очереди рассказывают о родной стране, о великих русских людях, о щедрости и красоте нашей природы. Заметили нас не сразу. Учителя сказали, что пришли партизаны, и нас окружили восторженные детишки. По моей просьбе они охотно побежали на поиски наших разведчиков.

— Александр Иванович, как же случилось, что вы оказались здесь? — спросил я у Богдановича. — Вы ведь гнали колхозный скот в советский тыл. Помните, летом мы встречались у Старых Лук и толковали, как в будущем развернется война?

— Помню конечно. А вышло так. Андрей Шугаев подлецом оказался — он у нас за старшего был — и повернул стадо назад, к немцам. Попытался я один до советского тыла добраться, да ничего не вышло: фашисты обогнали. Теперь вот живу в родной деревне. Пока не трогают.

— А это что же у вас? Школа — не школа?

— Да не знаю, как и назвать. Немецкие власти хотели восстановить школы и наладить занятия. Но программы-то будут фашистские. Мы посоветовались с верными людьми и решили лучше на виселицу, а в такие школы работать не пойдем. Одни сослались на плохое здоровье, другие — на то, что нет помещений, третьи — на отсутствие учебников и на метели. Одним словом, вышло что-то вроде саботажа. А ребятшек жалко: время идет, пере забудут многое...

— Ну и что же? — нетерпеливо перебил я.

— Мы и предложили родителям, чтобы присылали своих ребят к нам на занятия, — ответила Августа Ниловна. — Вот и получилась подпольная школа.

— Но это же опасно.

— Волков бояться — в лес не ходить, — снова вступил в разговор Александр Иванович. — Пока все идет благополучно.

Прибежали ребятки и, радостные, возбужденные, сообщили:

— Нашли партизан. У них пулемет!

Мы распрощались с Савченковой и Богдановичем и, сопровождаемые шустрými пареньками, пошли к своим друзьям. Разведчики уже выставили на окраине

деревни охрану и договорились с хозяевами домов о нашей ночевке.

Когда все дела с размещением людей были кончены, я спросил у одного паренька:

— Мне сказали, что в вашей деревне живет учитель Игнат Федорович Гузов. Правда это?

— Да. Пойдемте, покажу.

С Игнатом Гузовым я до войны работал в Ельнинском районном отделе народного образования. Мне очень хотелось встретиться с ним.

Захожу в хату. Темно.

— Здравствуйте! — говорю.

В ответ с печи раздается недовольный, неприветливый голос:

— Здравствуйте.

— Игнат Федорович, слезай. Что ты на печь, как старик, забрался?

Игнат слез с печи, зажег коптилку и лишь тогда узнал меня.

— Андрей Федорович, дорогой, какими судьбами? — заволновался Гузов. — Как хорошо, что ты тут. Выручай, брат: видно, твои ребята меня сейчас расстреливать будут.

— Как расстреливать?! Что ты чепуху мелешь!

Оказывается, к нему заходили два партизана. Гузов встретил их неприветливо, решил, что перед ним полицейские. Партизаны ему говорят:

— Если не возражаете, мы разместим у вас на ночь пятерых человек. Их надо накормить и уложить спать.

— Пошли вы к черту, — буркнул недовольный Игнат. — Чем я их кормить буду, где спать положу? Я учитель, сейчас безработный, сам у невестки живу. В доме нет ничего, кроме болтушки из муки...

Партизаны с удивлением вытаращили на него глаза. Что за тип? Густая борода, длинные волосы. Ни дать ни взять поп, да и только.

Слово за слово — заспорили, поругались. Партизаны, привыкшие к тому, что население всюду приветливо встречает нас, были ошарашены таким приемом. Один из них пообещал, что, как только справится с делами, сейчас же явится сюда и расстреляет проклятую контру.

Относительно расстрела партизан, конечно, преуве-

лично: такое решение мог принять только совет полка, и в исключительных случаях — командир отряда. Выслушав Гузова, я сказал, что мне надо отлучиться на минутку.

— Только обязательно приходи, — взмолился Игнат Федорович.

Мне не пришлось допытываться, кто оскорбил больного учителя. В одной из хат Николай Шелепков под общий хохот рассказывал, как он до смерти напугал «попа». Дослушав историю до конца, я твердо сказал:

— А сейчас, Шелепков, ты пойдешь к этому человеку и извинишься! Понял?! И чтобы такое было в последний раз. Ты что, разбойник?

Николай обиделся. Он слыл дисциплинированным, храбрым партизаном, начал воевать с нами в числе первой восьмерки, и вдруг комиссар при всех так его срамит.

— Не буду я извиняться перед всякой контрой...

— Нет, извинишься. А когда вернемся на базу, сядешь на пять суток под арест в баню. Ясно? Пошли!

Шелепков неохотно встал, взял винтовку и, сгорбившись, направился к двери. За нами увязались другие партизаны посмотреть, что из этого получится. Всю дорогу до хаты Гузова Николай убеждал меня, что зря я его обидел из-за какой-то «недобитой контры». Но я твердо стоял на своем, и Шелепкову пришлось извиниться. Узнав, что партизану придется еще пять суток просидеть под арестом, Гузов стал уговаривать меня не делать этого. Он так расстроился, что даже слезы появились на глазах. Партизаны вскоре разошлись, а мы с Костей Яшкиным остались ночевать у Гузова. Коротко рассказав о себе, Игнат попросил:

— Андрей Федорович, забирай меня с собою в партизаны. Не могу я тут жить. Правда, я инвалид, но дело и мне найдется. Буду хотя бы за лошадьми ухаживать.

Еще во время учебы в институте Игнат Гузов перенес тяжелую болезнь, и ему удалили часть горла. Я понимал, что боец из него получится неважный, но пришлось выполнить просьбу. Когда мы вернулись на базу полка, Гузова, взявшего себе партизанскую кличку Ермолай, назначили политруком штабной роты. Позднее он выпускал литературно-политический журнал полка «За Родину». Имея незаурядные литературные способ-

ности, Ермолай хорошо справлялся с порученным делом. Партизаны очень любили свой журнал.

Только мы улеглись спать, кто-то громко постучал. Костя сейчас же оказался у двери с автоматом, взвел и я курок маузера: всякое может случиться. Костя открыл дверь. В хату вошел незнакомый молодой человек. Одним духом, без всяких предисловий он выпалил:

— Меня знают. Я был в Екимовичском районе. Продается гармонь от Гусева.

— Какая гармонь? При чем тут Гусев?

Незнакомец назвал себя Степаном Лахматовым, упомянул имя Григория Косенкова, работавшего до войны милиционером, имя хорошо знакомого мне Василия Федоровича Туманова, но толком ничего объяснить не смог.

— Приходите завтра утром вместе с Косенковым и Тумановым, тогда и разберемся, а сейчас иди спать и нам не мешай, — сказал я Лахматову.

Утром выяснилось, что здесь побывал Гусев и поручил Степану Лахматову, Григорию Косенкову и Васе Туманову готовиться к партизанской борьбе. На случай, если Степан пошлет кого-нибудь к Гусеву в Екимовичский район, Иван Павлович установил пароль: «У вас продается гармонь?» Выяснив, в чем дело, мы все от души хохотали. А Лахматова впоследствии частенько поддразнивали: «Степан, продается гармонь?»

— Почему ж вы не выполняете поручение Гусева? Почему не начали вооруженную борьбу с фашистами? — спросил я Косенкова и Лахматова.

— Разве уже пора? Мы ждем приказа.

— Да какой вам еще приказ нужен! Кругом полыхает партизанская борьба. Мы заняли десятки деревень, а вы ждете. Что же, по одному будем выступать? Тогда оккупанты нас, как кур, переловят.

Степан и Григорий оживились, пообещали уже к вечеру поднять надежных людей. Вскоре в Щербино прибыл небольшой отряд во главе с Иваном Ефимовичем Майоровым и Григорием Ивановичем Ратниковым, который присоединился к отряду Косенкова и Лахматова. Так в нашем полку возник еще один батальон. Вступил в него и Александр Иванович Богданович. Некоторое время он даже был начальником штаба батальона.

Возвращаясь из Щербины, мы заехали в деревню Березовку, где находилась группа партизан человек из де-

сяти во главе с «окруженцем» батальонным комиссаром Черкасовым. Во время чистки оружия здесь произошел несчастный случай — выстрелом из пистолета был ранен в плечо Черкасов. Мы навестили его. Батальонного комиссара заботил один вопрос: когда их примут к себе лазовцы.

В деревне Новоспасское действовал партизанский отряд под командованием Иосифа Бурдина. Он также несколько раз присылал к нам своих представителей, просящих ускорить прием новоспассовцев в состав полка.

Из отрядов Черкасова и Бурдина мы сформировали еще один батальон. Командиром назначили Черкасова, комиссаром — Леонида Ткачева, начальником штаба — Орлова. Подразделения батальона действовали не только в западной и южной части Ельнинского района, но и контролировали большое количество деревень Починковского и Стодольненского районов.

Вскоре загремели бои в районе деревень Быки, Берники и Балутутино, иначе говоря: на всем протяжении от «Варшавки» до большака Смоленск — Спас-Деменск.

ФАШИСТЫ ЛЮТУЮТ

Партизаны-разведчики, в особенности Виктор Ящемский, налаживали все более тесную связь с нашими людьми в немецкой комендатуре Ельни, с работниками ельнинской полиции и других оккупационных учреждений. Однажды Виктор Ящемский проник в Ельню со стороны кирпичного завода. Вел он себя непозволительно дерзко: как ни в чем не бывало, разгуливал по городу, встречался с нужными людьми.

Перед самым уходом Виктору удалось узнать: в ближайшие дни гестапо схватит семьи многих партизан, в том числе семью Казубского и мою. Нужно было срочно принимать меры. Нашу тревогу усилил еще и случай, происшедший с Сережей Кривцовым.

Узнав, что его семье угрожает расправой полицейский Елисеев, по прозвищу Пылик, Кривцов попросил разрешения съездить в деревню Саушкино, чтобы забрать отца, мать и сестер. Казубский разрешил. Тем более что в том краю надо было провести разведку. С Сережей направили Сашу Франтика и Гошку из

штабной роты. Неразлучные друзья побывали в Саушкино, виделись с матерью Кривцова, но не сумели ее увезти: дома не оказалось одного из членов семьи. Пообещав приехать через два дня, ребята двинулись в обратный путь.

У деревни, контролируемой партизанами, Сереже и его спутникам повстречалась подвода, шедшая со стороны партизанского края. Зная, что впереди свои, друзья свернули в сторону, уступая дорогу, и даже не взяли в руки оружие. Неожиданно на встречных санях вскочил на ноги человек (это был Пылик) и дал автоматную очередь. Сергей был убит наповал. Франтик тяжело ранен. Гошка и раненый Франтик выскочили из саней, залегли за ними и начали отстреливаться.

Лошадь была убита. Гошка еле добрался до штаба полка: он нес на себе Франтика, получившего восемь пулевых ранений. Труп Сережи остался на месте схватки. В тот же день его подобрала и доставила в штаб полка специально посланная группа партизан.

Смерть Сережи потрясла всех нас. Позже мы теряли сотни людей — своих боевых товарищей. Гибель каждого оплакивали, что называется, горючими слезами. Но гибель Сергея Кривцова врезалась в память неизгладимо.

Похоронили его в поселке гортопа. На траурный митинг собрались все находившиеся на базе партизаны. Мы поклялись отомстить и решили в ближайшие дни уничтожить не менее пятидесяти гитлеровцев.

Партизаны сдержали клятву, данную на могиле боевого друга. За смерть Сережи нам дорого заплатили фашистские захватчики. Но они продолжали лютовать: через несколько дней после гибели Сережи Кривцова повесили всю его семью.

Вскоре у деревни Займище было совершено покушение на командира полка Василия Васильевича Казубского, возвращавшегося вместе с ординарцем на нашу базу. Медленно трусила рысцей лошадь. Василий Васильевич, закутавшись в огромный тулуп, сидел на заднем сиденье возка. Сани поравнялись с небольшим лесочком. Оттуда, из засады, ударил пулемет. Ординарец был убит наповал. Василий Васильевич хлестнул коня, а сам схватил автомат и начал отстреливаться. Бандиты прижались к земле, огонь стал менее прицель-

ным. К счастью, дорога круто сворачивала влево, и командир полка скрылся за лесом.

Тогда же, в феврале 1942 года, еще одна трагедия произошла в Ельне.

Мы со дня на день ждали находившихся в подполье Луку Меркурьевича Капитанова и группу ельнинских и шараповских товарищей. Однако они задержались, добывая ценные сведения для партизан. Капитанов сообщил, что в ближайшие дни готовится расправа над семьями партизан, живущими в деревнях, занятых фашистами и их ставленниками. К тому времени он уже предупредил об опасности и мою жену.

Трагедия разыгралась ранним морозным утром. Семья Капитановых уже проснулась. Жена Луки Меркурьевича Анастасия Федоровна ушла по каким-то делам к соседям. Четверо детей (старшему Жене было 10 лет) находились в доме, а младшая девочка Аля гуляла по улице. Вдруг она вбежала в дом и крикнула:

— Папа, немцы идут!

Лука Меркурьевич бросился в спальню (очевидно, там прятал оружие и какие-то документы). Потом спокойно вышел навстречу гитлеровцам. Один из фашистов подошел к Луке Меркурьевичу:

— Ты, Капитанов? Пашпорт!

Со словами: «Я тебе сейчас покажу «пашпорт»!» — Лука Меркурьевич выхватил наган и выстрелил в офицера в упор. Дети бросились к двери. Капитанов выстрелил во второго фашиста, кинувшегося на него с автоматом. К сожалению, Меркурьевич на этот раз не попал. Может, отказал наган, а скорее всего, как рассказал мне его старший сын, Лука боялся попасть в кого-нибудь из детей.

Вскоре в дом вернулась Анастасия Федоровна. На полу навзничь лежали Лука Меркурьевич и гитлеровский офицер. Оба были мертвы.

Забрав документы и маленький сундучок с вещами, Анастасия Федоровна вместе с детьми бросилась к своему деду, жившему по соседству.

Через несколько часов нагрянули каратели. Они арестовали Анастасию Федоровну, ее сестру Нюру, родственницу Капитановых Татьяну Николаеву. В тот же день всех их повесили в разных частях города. На груди у Капитановой была прикреплена табличка: «Казнена

за убийство немецкого офицера и за связь с партизанами».

Детей Капитанова приютил прадед. С великим трудом пережили они лихолетье. В 1943 году после освобождения Ельнинского района от немецко-фашистских захватчиков заботу о сиротах отважного подпольщика взяло на себя государство. Их вырастили, дали образование, специальность, проводили в большую жизнь.

Весть о гибели нашего любимого Луки Меркурьевича Капитанова — бесстрашного конспиратора и мудрого человека — явилась для нас тяжелым ударом. Жизнь его была короткой, но яркой и содержательной. А память о тех, кто погиб во славу Отчизны, никогда не померкнет в сердцах людей...

Совершив кровавое злодеяние в Ельне, фашисты не остановились. Страх перед партизанами толкнул их на новое преступление. На этот раз они послали в наш полк предателей, которым поручили уничтожить командира, комиссара, начальника штаба, а также секретаря райкома партии Гусева. С помощью наших разведчиков и своих людей в комендатуре мы узнали имена наемных убийц и обезвредили их, а на будущее выделили всем старшим командирам адъютантов, которые должны были заботиться об их безопасности.

Террором против семей партизан фашисты хотели запугать патриотов. Мы приняли соответствующие меры. Партизан Михаил Георгиевич Палшков или, как его все звали, Мишка-Сибиряк, сумел из-под носа у немцев увести в расположение партизанского полка семью Казубского.

Однажды в поселок гортопа прибежал на лыжах комсомолец из деревни Шарапово. По поручению верных людей он сообщил о карательной операции, готовящейся против жителей. Рядом, в деревне Иванево, жила и моя мать с тремя малолетними детьми. Ее было приказано захватить и повесить.

Я немедленно направился к Василию Васильевичу:

— Батя, ты знаешь, что немцы готовят карательную экспедицию в Шарапово?

— Знаю, комиссар. Я уже направил человека предупредить шараповских подпольщиков, чтобы сегодня же ночью перебирались к нам. Теперь думаю послать туда

отряд, чтобы вывели в занятые нами деревни и подпольщиков, и твою семью.

— Спасибо. Только знаешь, Васильевич, может, лучше не посылать отряд. Кругом рыщут немцы. Отряд не иголка. Разреши, я сам съезжу. Дорогу знаю — прекрасно, людей в тех краях — тоже.

— Ты в своем уме, комиссар? Да пара паршивых полицейских запросто разделается с тобой... Бери роту партизан — тогда поезжай.

— Да зачем рота? Только демаскировать себя будем, где-нибудь ввяжемся в бой, а в это время в Шаранове перебьют всех наших подпольщиков. Им наша помощь не нужна. Важно предупредить их об опасности, а как лучше выбраться, они придумают сами. Что же касается моей матери и братьев, то их спасение — это мое личное дело. Мы не можем рисковать ради этого жизнью партизан.

— Эх ты, а еще комиссар. «Личное дело»! Да мы за любого советского человека готовы вступить в бой, если ему грозит опасность. Не разрешу ехать одному, хоть лопни.

Поспорили еще. Доводы Василия Васильевича убедили меня. Сошлись на том, что я возьму с собою человек пятнадцать добровольцев из штабной роты.

Глубокой ночью наш небольшой, отлично вооруженный отряд, прихватив с собой лыжи, понесся на лошадях в сторону Шаранова.

Несколько деревень по пути — наши. Но вот и Передельники — последняя партизанская деревня. Передовые посты сообщили данные разведки. Вчера немцы были только в Шаранове и Ельне, в окрестных деревнях вроде не появлялись. Однако мы решили уточнить эти сообщения и сами послали разведку. Все оказалось благополучно.

Вот и Иванево. Ночь. Деревня спит. На дорогах мы поставили дозоры с пулеметами. Я постучал в дом, где жила моя мать. Робкий голос из-за двери:

— Кто там?

— Это я, мама.

— Боже мой, Ондруша!

Суэта, мама никак не справится с задвижкой. Наконец дверь открылась. Увидев нас, мама отпрянула: рядом со мной — добрый десяток вооруженных людей, тут

же сани, лошади. Как мог, я успокоил мать и пригласил своих товарищей в хату.

Печать озабоченности и тревоги лежала на лицах матери и ее сестры. Мы объяснили, что заберем их с собою. Мать явно боялась ехать, только старшие братишки — Лешка и Шура — встретили мое предложение с восторгом: наконец-то они попадут в таинственный партизанский отряд!

— Оружие забирать? — деловито спросил Лешка.

— Конечно. Все, что есть, тащи сюда.

Через несколько минут в хате появились винтовки, миномет, два ящика патронов. Мать и тетка пришли в ужас.

— Так я ж все это не в доме, а в окопе прятал, — смущенно оправдывался братишка.

Пока семья собиралась, мы послали за председателем сельсовета коммунистом Александром Григорьевичем Куртенковым. Он вскоре приехал из так называемого поселка «Коммуна».

— Шура, ты знаешь, что завтра всех коммунистов, комсомольцев и патриотов арестуют немцы? — спросил я.

— Знаю, — ответил Куртенков. — Нам сообщил об этом Капитанов. Завтра уходим.

— Завтра будет поздно. Нужно уходить сейчас же.

— Не успеем.

— Нужно успеть. Собирай людей, мы подождем.

— Да не беспокойтесь вы, все будет в порядке. Мы готовы. Утром уйдем. Скажите только, куда являться. Предупредите, чтобы нас не задержали партизаны.

— За это можешь быть спокоен.

— Вы сами уезжайте скорее, пока темно. А мы-то выберемся!

Мы уехали, а Куртенков отправился собирать людей в дорогу. С виду все было спокойно и довольно мирно. Однако это было затишье перед грозой.

Рано утром в Шараново и Иванево ворвались гитлеровские танки. Деревни окружили отряды карателей. А подпольщики еще оставались на местах. Те, кто находился в Иваневе, схватили оружие и бросились в старые, оставшиеся со времен летних боев, окопы. Командование над небольшой группой смельчаков взял на себя бригадир колхоза Петр Мартыненко. Патриоты отби-

вались отчаянно, но силы были неравны, ряды героев стали редеть. Погиб комсомолец Ваня Горемыкин, затем — Миша Куликовский. Упал на землю, сраженный вражеской пулей, комсомолец Морозов. Оставшиеся храбрецы попытались вырваться из окружения и бросились через реку в сторону темневшего недалеко лесочка. Но лишь немногим удалось добраться до нашего отряда. Во время отхода погиб и Петр Мартыненко.

В тот же день фашисты захватили многих шараровских активистов, в том числе председателя сельсовета Александра Григорьевича Куртенкова, секретаря партийной организации Дольникова, старых коммунаров Максима Парфенова, Бориса Ключникова.

О шараровской трагедии мы узнали лишь через сутки, когда к нам добрались уцелевшие патриоты.

О НАС ЗНАЕТ МОСКВА

На Смоленщине ширилось партизанское движение. Это вдохновляло и радовало нас. Уже существовали и действовали крупные партизанские отряды под Дорогобужем и в Глинке, громили врага отряды «Дедушки», «Ураган» и «Жабо», полк имени 24-й годовщины РККА и многие другие. Партизаны освободили город Дорогобуж, районный центр и железнодорожную станцию Глинка. Вокруг Дорогобужа сложился партизанский край, созданию и длительному существованию которого очень помогли прорвавшиеся в тыл врага 30 января 1942 года войска конного корпуса под командованием генерала Белова. В Знаменском районе во второй половине февраля высадились части 4-го воздушнодесантного корпуса. Силища была огромная.

К сожалению, о действиях других партизанских отрядов и советских войск под Дорогобужем мы знали тогда очень немного. Радиосвязи между партизанскими отрядами не существовало, а связаться лично было невозможно: наш полк оказался отрезанным от Дорогобужского партизанского края мощными гарнизонами врага. Преодолеть большак Смоленск — Спас-Деменск порой было так же трудно, как перейти линию фронта. До второй половины апреля не имел точных сведений о нашем полку и штаб Белова, о чем последний 6 и 19 апреля

сообщал в своей радиограмме командующему Западным фронтом Г. К. Жукову. Несмотря на все усилия, нам пока не удавалось установить контакт и с командованием советских войск, находившихся на ближнем участке фронта. А связь была очень нужна. Ведь полк имени Лазо действовал всего в каких-нибудь 50 километрах от фронта. Вокруг стояли гитлеровские части, и мы многое знали о противнике.

Тогда не только мы, но и другие партизанские отряды не имели связи с Большой землей. Наладилась она лишь в конце 1942 года.

И вот в ту ночь, когда мы увозили мою мать от расправы, в деревне Филатка партизанам сообщили, что недавно здесь появилась группа советских парашютистов-десантников, которая обосновалась в Леоновском лесу. С парашютистами поддерживал постоянную связь житель Филатки, высадившийся вместе с ними. Он помог им освоиться с обстановкой, так как знал и местность, и людей.

Разыскать разведчика-земляка не представляло труда, но добиться, чтобы он устроил встречу с десантниками удалось не сразу.

— Не знаю ничего. Никуда не поведу! — упирался он.

Нам показалось странным такое упорство. Уж не враг ли забросил сюда своих агентов?

После долгих препирательств разведчик все же согласился организовать встречу с парашютистами, но только не в Филатке. Выбор пал на деревню Страина. Мы отправились прямо туда, а разведчик с моей запиской — в лес. На всякий случай пригрозили, что члены его семьи будут у нас заложниками.

Приехав в Страину, мы, как всегда, выставили на дорогах посты, а сами расположились в хате, куда сейчас же набилось полно народу. Колхозники жаловались на повадившихся к ним фашистских мародеров.

— Со стороны Леонова скажут немцы, — сообщил примчавшийся с окраины деревни партизан.

— Много?

— Двое!

— Отправляйтесь назад, подпустите поближе и командуйте: «Хенде хох!» Сдадутся — приведите сюда, окажут сопротивление — уничтожьте. Быстро!

С дозорным увязалось еще несколько человек. Вскоре

на окраине захлопали частые выстрелы. Мы на санях помчались к месту стычки. Перед нами предстала такая картина. Немецкие солдаты удалялись в сторону Леонова. Двое партизан перевязывали раны. Остальные безуспешно посылали вдогонку фашистам пулю за пулей.

Я вскинул автомат и дал короткую очередь. Пули зарылись в снег позади всадников. Пулемета под рукой не было. Выхватив из рук партизана карабин, я вновь приложился и выстрелил. И опять промах: карабин не пристрелян. А гитлеровцы уходят. Нужно догнать!

Вскочил в сани. Быстроногий конь понесся как ветер. За мною на двух санях мчались остальные партизаны. Мародеры погнали в разные стороны. Я дал очередь из автомата по фашисту, который пытался удрать через снежную целину, и попал.

Второй гитлеровец остановился и стал хладнокровно целиться. Я метнулся с саней в сугроб, но мародер успел-таки подстрелить меня в правую лопатку. Раненый, я сгоряча выпустил очередь и свалил лошадь под немцем. Партизаны догнали беглеца.

Дороговато обошлась нам эта история: трое были ранены. И все из-за того, что партизан, находившийся в дозоре, начал стрелять, когда мародеры были еще метров за двести от деревни. Помимо всего прочего, я, вернувшись на базу отряда, получил нагоняй от Казубского.

Пока мы ловили мародеров, в Стране появился старший группы парашютистов, опытный радист и разведчик Павел Спиридонович Черенков, которому партизаны тут же приклеили кличку Кренкель.

Из беседы с Кренкелем мы узнали, что парашютисты высадились с самолетов километрах в двадцати от деревни Филатка. В наши края пришли всего недели две назад. Но и за это время входившие в состав группы разведчицы — радистки Полина Козина и Аня Семенова уже сумели побывать в Ельне и ее окрестностях и передать командованию фронта ценные сведения.

К моему письму с предложением явиться в деревню Страна Черенков отнесся недоверчиво. Боясь поставить всю группу под удар, он предупредил Козину и Семенову, чтобы взрывали рацию и уходили, если он не вернется через два часа.

Встретившись с нами и увидев захваченного фашиста, Черенков поверил, что перед ним действительно совет-

ские партизаны. Но в штаб полка ехать не хотел, ссылаясь на то, что у него свое задание и присоединиться к партизанам он не имеет права. Наконец мы его уговорили. Однако даже после беседы с Казубским и Зыковым упрямый Кренкель никак не соглашался связать нас с Большой землей. И все же парашютисты сообщили кому следует о нашем существовании. Группе разведчиков с рацией разрешили остаться в партизанском полку, где они и пробыли до конца, сослужив нам великую службу.

В неопиcуемый восторг привело нас наличие непосредственной связи со штабом Западного фронта. Мы немедленно сообщили командованию фронта о месте расположения полка, его численности и боевых действиях, передали свежие разведданные, которых у нас к тому времени накопилось немало. Мы знали нумерацию вражеских частей, находящихся в районе деятельности полка, расположение гитлеровских штабов и аэродромов, лагерей военнопленных и многое другое. Услышав, что нам нужны лыжи, маскировочные халаты и, если можно, табачок, штаб фронта радировал: *«Посылаем все, что вы просили. К вам направляются наши представители»*. И передал условные сигналы для встречи самолетов.

В ночь на 23 февраля 1942 года около деревни Старые Луки специально выделенные люди зажгли первые сигнальные костры. Вскоре появились самолеты. Сделав круг над кострами, они начали выбрасывать грузы. Поблизости высадились группа офицеров с парашютами. Мы их быстро разыскали. Когда собрались все вместе, старший из них — капитан Осташев — спросил:

— А где же четвертый?

Оказывается, с ними был еще один человек — радист Присуха. Его отнесло немного в сторону, и он, опасаясь попасть в руки к врагам, притаился в небольшом лесочке. Радист отозвался только на голос Осташева.

И вот первые посланцы Большой земли все в сборе. Усадив их в возки, мы вихрем доставили дорогих гостей в штаб полка. Там нас уже ждали.

В штабной избе при свете керосиновой лампы мы наконец рассмотрели своих гостей. Старший — Михаил Михайлович Осташев, невысокого роста, средних лет мужчина, с живыми умными глазами, имел звание капитана.

По характеру, как мы после убедились, это был прирожденный партизан: веселый, общительный, добрый, неунывающий даже в самую трудную минуту, хладнокровный и храбрый в бою. В свое время Осташев уже побывал у партизан под Сухиничами и прилет к нам рассматривал как обычное дело.

Старший лейтенант Яков Алексеевич Семкин отличался сдержанностью, молчаливостью. О таких людях говорят: себе на уме. Хорошо зная военное дело, Яков Семкин оказал нам впоследствии неоценимую помощь. Третьим в группе Осташева был лейтенант Соколов — разбитной парень, всегда готовый выполнить любое задание. И наконец, радист Присуха — скромный труженик войны.

Пока мы рассматривали вновь прибывших, наши штабные повара приготовили ужин. Такую радость надо было достойно отметить, тем более что прилет товарищей из Москвы совпал с праздником 24-й годовщины РККА.

В немецком тылу, в заснеженных деревнях, прижавшихся к Мутищенскому лесу, мы, отрезанные от всего мира, получили зимой 1942 года подарки Родины, приняли ее посланцев. Истосковавшиеся по табаку партизаны всласть покурили. Медикименты, лыжи и маскировочные халаты были бережно и надежно спрятаны.

Во время ужина Михаила Осташева и его спутников буквально засыпали вопросами о линии фронта, о потерях немцев под Москвой, о ценах на хлеб, о втором фронте, о том, какие спектакли идут в театрах Москвы, и есть ли вообще теперь театры. Михаил Михайлович оказался мастером вести беседу. И не мудрено: он по профессии политработник. Ни одного вопроса не оставил он без ответа. На одни отвечал обстоятельно, на другие — кратко, а на третьи — с юмором, пересыпая ответы шутками-прибаутками и любимыми словечками, вроде «забодай тебя комар».

Шум, хохот, душевная беседа продолжались до утра. Московские газеты, привезенные Осташевым и его товарищами, были зачитаны до дыр.

Для меня праздник 24-й годовщины РККА и торжество в связи с прилетом гостей с Большой земли дополнялись еще и большой личной радостью. В тот день в

штаб полка приехала моя жена вместе с сыном Славочкой. За несколько дней до этого я вывез ее из Жабья в расположение полка имени Лазо.

С большим вниманием выслушали Михаил Осташев и его товарищи наши рассказы о боевой жизни. А случай, недавно происшедший в Уварове, просто потряс их. Да и не мудрено. Мы тоже не могли спокойно вспомнить об этом.

Накануне того злосчастного дня, увозя Наташу и Славочку в район, занятый нашим полком, я пересекал большак возле Уварова. По большаку то и дело проносились немецкие машины. Я ненадолго завернул в деревню Чатовую к старосте Ковалеву. Узнав о моем маршруте, Ковалев, не раздумывая, послал в засаду к большаку двух своих сыновей-подростков, чтобы прикрыли «в случае чего» наш переезд через большак. Тепло вспоминаю я и сегодня семью патриота Ковалева...

В тот раз я благополучно проскочил в Уварово, где постоянно находилось наше отделение. Там все было вроде спокойно. А утром случилось вот что. На рассвете фашисты неожиданно окружили деревню танками. Небольшой партизанский гарнизон отбивался до последнего. Погиб командир партизанской группы, затем — несколько партизан. В живых остались только два храбреца. Один из них был ранен. Второй — партизан Батура — перевязал раны товарищу и продолжал косить из пулеметаседавших гитлеровцев. На выручку пришли партизаны из соседних деревень. Они ударили по врагам с тыла. Однако танки помешали им прорваться в Уварово. А тем временем Батура, перебегая с места на место, вновь и вновь бил по врагу из пулемета. Но гитлеровские танки все же ворвались в деревню и накрыли пулеметчиков артиллерийским снарядом. В живых остался только раненый Батура, который успел отползти в воронку от снаряда и тут же потерял сознание. Придя в себя, партизан услышал рядом немецкую речь и притворился мертвым. Он чувствовал, как его раздели, как сняли сапоги. То ли палачи заметили в теле Батуры какие-то признаки жизни, то ли просто решили поглумиться над трупом, только кто-то из них дважды выстрелил в партизана из парабеллума. Батура вновь впал в беспамятство.

Через несколько часов фашисты оставили Уварово.

Батура пришел в себя и, полураздетый, израненный, пополз по снегу в сторону деревни, занятой партизанами. Наши люди нашли его, полуокоченевшего, на дороге. На спасение храброго воина были мобилизованы все врачи полка. И свершилось чудо: он выжил. Да не только выжил, а месяца через два вновь вернулся в строй.

На другой день оккупанты снова заняли Уварово, но решительным наступлением партизаны сумели выбить их. Не помогли врагу и танки. Наши подтянули противотанковые орудия и подбили два бронированных чудовища. Батальон Володи Медведченкова прочно закрепился в Уварове — этом важном для нас населенном пункте вблизи большака и по соседству с крупными гарнизонами врага в деревнях Каменец и Угрица...

Близилось утро. Надо было ложиться спать: завтра снова бой. А расходиться так не хотелось.

Михаилу Осташеву и его друзьям не было покоя от нас и в последующие дни. Их приглашали во все батальоны, во все роты на беседы с партизанами. «Бедняги» даже охрипли. Осташев шутил:

— Батя, направь меня скорее в бой. Твои партизаны, забодая их комар, совсем замучили. Воевать на передовой в сто раз легче.

Осташев не просто проводил беседы, делал доклады. Опытным глазом политработника он видел многое — и хорошее, и плохое. Он не только поделился своими наблюдениями, но и по-дружески подсказал, как улучшить боевую и политическую работу. Трезвые, деловые советы Осташева оченьгодились нам.

Вникнув в жизнь и быт партизан, Осташев доложил штабу Западного фронта об итогах боевой деятельности полка имени Сергея Лазо. В штабе были даже удивлены тому, какой размах в нашем районе приняла партизанская война. Там одобрили действия партизан и поставили задачу расширить район, занятый полком, освободить и удерживать новые населенные пункты, громить гарнизоны врага. Командование требовало укреплять занятые села и деревни и не отдавать их врагу.

На основе докладов Осташева Западный фронт все чаще стало освещать наши боевые дела Совинформбюро. Позже я узнал из архивных документов, что, используя информацию Осташева, член Военного совета Западного фронта Хохлов докладывал о нашей деятельности Вер-

ховному Главнокомандующему РККА. Первую информацию о небольшой стычке партизан нашего полка с гитлеровцами мы прочитали в газете, которую доставили самолетом вскоре после прибытия Осташева.

«Партизанский отряд имени Лазо, — сообщалось в ней, — действующий в Смоленской области, ворвался в одно село, где 11 немецких квартирьеров готовили помещение для немецкой части. Партизаны перебили немецких квартирьеров и устроили засаду около села. Вскоре показались две грузовые автомашины с немецкой пехотой. Огнем из автоматов и гранатами бойцы взорвали машины и уничтожили 44 гитлеровца».

Лазовцы, конечно, знали об этой стычке, хотя она и не была каким-то выдающимся событием. Но то, что о ней сообщило Совинформбюро, то, что об этом бое напечатано во всех газетах, явилось высочайшей наградой для партизан. Эту газету прочитал у нас каждый. И дело тут вовсе не в честолюбии, не в желании прославиться. Радость партизан объяснялась другим: о нас знает Родина. Мы делаем полезное и важное дело, если это нашли нужным отметить в сводке Совинформбюро.

Имея рацию, командование полка получило возможность регулярно информировать штаб фронта о противнике и о боевой деятельности партизан, а также координировать свои действия с действиями советских войск на фронте. Отныне основные задачи ставил перед нами штаб фронта. Это еще больше воодушевляло нас.

ВОЮЮТ НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНИЕМ

В феврале в районе действия полка сложилась благоприятная обстановка для нанесения серьезных ударов по врагу. Теперь, как никогда, мы почувствовали свою силу, хорошо вооружились и начали по-настоящему схватываться с врагом.

Территория, занятая партизанами полка имени Лазо, продолжала расширяться. Мы отбивали у врага все новые села и деревни и пока ни разу не сдавали их. В конце месяца в деревне Старые Луки мы разыскали бывшего второго секретаря Починковского райкома партии

С. Н. Бабарина. Договорились вместе направиться в Починковский район, чтобы создать там партизанский отряд, а заодно совершить рейд по фашистским тылам.

Поехали небольшой группой. В нее вошли в основном комсомольцы — Вадим Дрейке, Шура Радьков, Леша Юденков, бывший акробат цирка Алексей и еще около десяти партизан. Отправился с нами и Бабарин.

Резвые лошади вихрем пронесли нас по деревням, занятым партизанами, и через часа два мы уже были в Шербине, в батальоне Майорова. Вокруг расположения батальона, как волки, рыскали фашистские каратели, но близок локоть, да не укусишь. Открыто нападать на батальон Майорова они не решались. Ночевали мы в штабе батальона. Там далеко за полночь ворожил над какими-то бумагами и картами наш старый знакомый Александр Иванович Богданович, начальник штаба.

Комиссар батальона Григорий Иванович Ратников рассказал мне, что Богданович, как пришел к ним с двустолкой за плечами, так и не расстаётся с ней.

— Как же так? — удивленно спросил я.

— А вот так. Мы уже предлагали и винтовку, и автомат, а он ни в какую: ружье, да и только. Винтовку, говорит, мне таскать тяжело, а автомат не для меня — стар я уже, не приноворюсь. Зато из ружья жаканом никогда не промажу...

Заготовил он себе сотни две ружейных патронов с пулями и один раз демонстрировал нам свое искусство. И верно: за сто метров навскидку с первого выстрела попал в телеграфный столб...

Наутро, хорошо отдохнув, мы двинулись в Починковский район.

По пути разгромили две волостные управы, захватили документы, роздали населению большое количество продовольствия, собранного ставленниками оккупантов.

В деревне Еленев Холм организовали из местных жителей партизанский отряд, получивший впоследствии название «За Родину». Командиром назначили «окруженца» Н. С. Дупанова, комиссаром стал С. Н. Бабарин. Отряд «За Родину» действовал самостоятельно и не входил в состав полка имени Сергея Лазо. Вскоре к отряду Дупанова присоединилась группа подпольщиков, создан-

ная уроженцем Починковского района Иваном Тимофеевичем Хотулевым*. В армии он был капитаном, попал в окружение. В группу входили Павел Шевченко, Федор Пялов, Николай Макаров и другие. Перед отрядом «За Родину» была поставлена задача расширять район деятельности, постараться поднять партизанское движение во всем Починковском районе.

Пожелав успехов вновь созданному партизанскому отряду, наша небольшая группа двинулась на рассвете дальше. Проехали Деркню, Коневичи. Здесь нам рассказали, что в деревне Кононове на сегодня назначено совещание старост и полицейских всей волости, на котором должно присутствовать более двадцати человек. Проводить его будет бургомистр, приехало какое-то важное начальство из Починка. Колхозники охарактеризовали бургомистра как отъявленного негодяя. Посоветовавшись, мы решили действовать.

Нас было всего семь, остальные уехали по заданию в соседние деревни. Силы неравны. Однако на нашей стороне внезапность — верный помощник в рискованных операциях.

В Кононове нам удалось узнать точный план дома, в котором проводилось совещание. Дом имел одну дверь и четыре окна, выходившие на две стороны. Председательский стол стоял напротив двери, а участники совещания сидели спиной к ней. Это было выгодно нам: когда мы появимся, нас увидит вначале только председательствующий.

Тут же разработали план. Двое партизан остаются с лошадьми. Если вылазка окажется неудачной, они прикроют наш отход. Мы с Вадимом заходим в хату и командуем: «Руки вверх!» Тем временем Шура Радьков, Леша Юденков и Алексей-Акробат выбивают окна и всовывают в них стволы винтовок и пулемета. Если нам окажут сопротивление, я бросаю противотанковую гранату, и мы с Вадимом выскакиваем из хаты. После взрыва ребята открывают огонь из всех видов оружия.

Все мои спутники, а большинству из них было 14—15 лет, сразу посерьезнели, собрались, подтянулись.

Волостное управление. Кругом много лошадей. На

* И. Т. Хотулев стал впоследствии начальником штаба партизанского полка имени Сергея Лазо. (Прим. авт.)

улице — ни души. Мы тихонько подъехали, соскочили с саней и каждый кинулся занимать заранее намеченное место.

На груди у меня автомат, в левой руке — маузер со взведенным курком, в правой — противотанковая граната. У Вадима гранаты заткнуты за пояс, а в руках — немецкий автомат на боевом взводе. Тихо зашли в сени. Постояли, прислушались. Из-за двери доносился визгливый, но уверенный голос:

— Победоносная германская армия... коммунисты предали Россию... бороться против партизан!

Я кивнул Вадиму:

— Пошли!

Открываем настежь дверь. Все присутствующие, кроме бургомистра, сидят к нам спиной. Увидев нас, бургомистр осекся на полуслове.

— Именем Советской власти вы арестованы! Встать! Руки вверх! Если кто двинется с места, взорву всех к чертовой матери! — рявкнул я.

В то же мгновение в окна вылетели стекла, и в хату грозно заглянули стволы винтовок и пулемета. Вадим, стоя рядом со мной, поводит из стороны в сторону автоматом.

— К оружию не прикасаться! — продолжаю командовать я. — Всем отойти вправо и стать к стене лицом! Не шевелиться, сволочи!

Винтовки и автоматы фашистских прислужников стояли в углу возле большой русской печи, но к ним никто даже не потянулся.

Убедившись, что старосты и полицейские не думают оказывать сопротивление, Шура и Леша покинули свой пост у окон, притащили длинную веревку, которой обычно увязывают сею, и мы стали по одному выводить во двор старост и полицейских. Ребята обыскивали их, вязали им руки назад и укладывали на сани. Кое у кого из них мы обнаружили за поясами и в карманах пистолеты и наганы. Прихватив с собой документы волостной управы и лучших лошадей, мы распределили наш живой груз по саням. На последних санях установили пулемет и рысью покатили.

В деревне Деркна собрали общее собрание. Это был суд народа над изменниками. Приговор выносили местные жители. Документов для обвинения хватало. В на-

ших руках были ведомости о поставках и списки выданных предателями патриотов. Да что ведомости и списки! Рядом были люди, которых мучили и грабили предатели. Суд был справедливым и беспощадным. Бургомистра и еще четырех человек постановили расстрелять. Приговор тут же привели в исполнение. Старост и полицейских распустили по домам с условием, что они прекратят работать на врага. А нескольких человек, о которых хорошо отзывались местные жители, мы даже взяли с собою в партизанский отряд.

Среди полицейских, о которых особенно плохо отзывались крестьяне, оказался и мой «знакомый» — тот самый, что отобрал у Ивана Павловича Гусева одеяло и солому, когда мы шли из-под Вязьмы в колонне военнопленных. Я узнал его, но не подал виду. Пусть судит народ. И от народного гнева предатель не ушел. Пуля оборвала гнусную жизнь подлнца. Среди казненных был и какой-то начальник из Починка, прибывший выколачивать продовольствие для фашистской армии.

На базу полка наша небольшая группа вернулась с богатыми трофеями. Мы привезли много отличного оружия, пригнали более десятка лошадей. Кроме того, доставили в полк пополнение, а главное, создали в Починковском районе партизанский отряд.

Вскоре штаб полка перебазировался в деревню Болоноец, которая стала нашей партизанской столицей, нашим надежным гнездом в лесу.

Штаб у нас был небольшой, но работоспособный. В то время он состоял лишь из командира, комиссара, начальника штаба и его помощника, обязанности которого исполнял учитель Владимир Иванович Четыркин. Переводчиком был Лазарь Израилевич Ротенштраух, бывший студент Львовского университета, прибывший в наш полк в самом начале его деятельности вместе с группой Ильи Кошакова. В штаб входил также начпрод Харлампович. Ну и, естественно, был еще писарь.

Наше внимание по-прежнему привлекал Спас-Деметский большак.

Мы наносили удары по врагу преимущественно в районе деревень Уварово и Угрицы. А по соседству у немцев был еще один опорный пункт — деревня Пирятино. Разведка сообщила, что фашисты там закрепились основательно, построили дзоты, доты, блиндажи, ходы сообще-

ния. В конце февраля решили атаковать гарнизон в Пирятине, овладеть деревней и парализовать движение по большаку.

Глубокой ночью отряд партизан подкрался к окраине села и внезапно напал на врага. С ходу захватив передние позиции, наши овладели окопами. Но гитлеровцы открыли шквальный огонь. Атака захлебывалась.

И тут произошло неожиданное. Командир отряда и мой братишка Леша проникли стороной на окраину деревни. Об этом мало кто знал. И вдруг оттуда раздался звонкий Лешкин голос:

— Ребята, здесь мало фашистов, они уходят. Командир уже в деревне. Скорей сюда!

Это подбодрило наступающих. Они дружно бросились вперед, вышибли оккупантов и овладели этим важным для нас пунктом.

Как мне впоследствии рассказывал командир отряда, Леша из своего карабина убил солдата, бывшего из автомата во фланг наступающим партизанам. Забыв об осторожности, паренек бросился к убитому, чтобы завладеть автоматом, о котором давно мечтал. Он так увлекся, что не заметил офицера, бежавшего наперерез. Гитлеровец ранил Лешу в плечо. И все же, преодолевая боль, тот нашел в себе силы, чтобы очередью из трофейного автомата свалить фашистского офицера.

На следующий день я навесил Лешу в партизанском госпитале в Мутище и, скорее как комиссар полка, а не как брат, поблагодарил его за храбрость и наградил наганом. Восторгу не было конца, он даже забыл про боль. Выздоровев, Леша посерьезнел и продолжал воевать вместе со взрослыми.

После каждой удачной вылазки у партизан крепла уверенность в своих силах. Они убеждались, что немецко-фашистских захватчиков можно успешно бить даже тогда, когда они имеют хорошо укрепленные позиции. Это и вдохновило нас на проведение блестящей Балутинской операции.

Большое село Балутино стоит на Смоленском большаке, у развилки дорог, ведущих в Ельню, Починок, Смоленск и Глинку. От Ельни до Балутина всего 25 километров. Вокруг села поля да болота, поросшие кустарником.

Немецкий гарнизон в Балутине насчитывал около

трехсот человек. Здесь же размещалась часть строительного батальона, солдаты которого палками выгоняли крестьян на расчистку дорог и ремонт мостов. От деревень, занятых партизанами, Балутино находилось километрах в пятнадцати. Чувствуя свою силу, гитлеровцы вели себя в Балутине довольно беспечно. Они не допускали даже мысли, что партизаны посмеют напасть.

Этим-то мы и воспользовались. В течение нескольких дней за деревней велось тщательное наблюдение. Небольшой отряд под командованием И. Ткаченко, находившийся в деревне Сивцево, непрерывно вел разведку. В этом деле партизанам во многом помогла проживавшая в деревне Новосельцы, вблизи Балутина, учительница Зинаида Васильевна Кочанова. Нам даже удалось заслать туда под видом местных жителей своих разведчиков, среди которых был пионер Саша Корначев, носивший партизанскую кличку Филя. Наконец, штаб полка получил все необходимые данные.

Посоветовавшись, Казубский принял решение поручить разгром балутинского гарнизона пятому батальону под командованием Майорова. Пригласив комбата в штаб, Василий Васильевич сказал:

— Думаем, Иван Ефимович, поручить вам одно дело, да не знаю, справится ли твой батальон.

— А какое дело? — нетерпеливо спросил Майоров.

— Пора нам посчитаться с фашистами в Балутине. Как смотришь? Батальон ваш, правда, молодой, слабо обстрелянный, но ведь когда-то надо начинать.

Майоров подумал минутку, потерев лоб ладонью, и твердо ответил:

— Думаю, нам по плечу эта задача.

— Ну, раз так, то и сговорились. Сделаете большое дело, а для батальона это будет боевое крещение, так сказать, проверка. Обдумайте там у себя в штабе план нападения и согласуйте с нами. Подготовку нужно держать в строгой тайне. Понятно?

— Понятно, Батя, все сделаем...

Во время этого разговора я невольно наблюдал за Майоровым. До войны это был сугубо мирный человек, а сейчас его единственной мечтой стало громить ненавистного врага. И Майорову это удавалось. Обладая большой физической силой, выносливостью, умом и храбростью, он действовал отважно и беспощадно, за что

и получил кличку Беспощадный. Против клички Иван Ефимович ничего не имел: старался, чтобы его имя знало поменьше врагов, ведь в одной из деревень, занятых оккупантами, жила его семья.

Командование батальона провело дополнительную разведку и разработало план операции. Штаб полка утвердил его. Согласно плану Майоров должен взять с собой 180 наиболее надежных и храбрых партизан и, разделив их на две группы, в ночь на 5 марта напасть на Балутино с двух сторон одновременно. При этом одна группа незаметно проникает в деревню, поджигает несколько домов с гитлеровцами и старается наделать побольше шума, чтобы создать у врага панику. Тем временем вторая группа во главе с Майоровым ударяет в лоб и расстреливает выскакивающих из домов фашистов. На всякий случай невдалеке от Балутина Майоров оставляет в резерве до сотни человек, готовых в любую минуту прийти на помощь. Операция намечалась на глубокую ночь.

План Майорова не отличался особой оригинальностью, но выполнен он был блестяще, хотя батальону и пришлось столкнуться с неожиданностью. Накануне нападения, чтобы не привлекать внимания балутинского гарнизона, Майоров принял ошибочное решение: снял посты наблюдения за деревней. А вечером туда прибыла на ночевку немецкая часть, насчитывавшая более пяти-сот человек, в том числе и специальный карательный отряд, возглавляемый офицером-эсэсовцем.

В полночь, ничего не подозревая, Майоров повел своих боевых друзей в наступление. Мы, в свою очередь, чтобы отвлечь внимание гитлеровцев от Балутина, атаковали в другой части района деревню Порубань.

Часть отряда Майорова незаметно, без единого выстрела, проникла в деревню, бесшумно уничтожила из засады под мостом вражеский патруль, окружила дома, в которых размещалось наибольшее число гитлеровцев, подожгла их и начала забрасывать гранатами. Майоров с другой частью отряда подкрался к Балутину со стороны Ельни, бесшумно снял часового, оглушив его ударом автомата по голове, и ворвался в деревню. Закипел бой. Сначала партизаны попросту расстреливали выбегавших из домов голусонных оккупантов. Некоторые из них забились в хаты и отстреливались, но долгое время сопро-

тивление было неорганизованным, и именно поэтому враг понес большие потери. Только убитыми балутинский гарнизон потерял около трехсот человек. Да еще в плен партизаны взяли 86 солдат и офицеров. В результате лихого партизанского налета в Балутине появилось целое кладбище, на котором ровными рядами выстроились березовые кресты с надетыми на них касками.

В смысле эффективности Балутинская операция была, так сказать, чисто партизанской и наиболее удачной. В дальнейшем мы были фашистов значительно сильнее, но и сами несли немалые потери. Тут же дело обошлось почти без потерь с нашей стороны.

Это, конечно, не означает, что партизанам легко далась победа. Если о Балутинской операции рассказать подробно, то получится целая книга. В бою отличились очень многие, в том числе сам Майоров, лихие партизаны Иван Ткаченко и Сергей Голиков. Даже четырнадцатилетний подросток Коля Глебов, ворвавшись вместе со взрослыми в один из домов, проявил незаурядное мужество. Захватив пленного, мальчик один задержался в доме. Он услышал, как под полом что-то подозрительно зашуршало. Ясно, там фашисты. Коля приказал сдаться. В ответ из-под пола раздались выстрелы. Юный партизан дал очередь из автомата, после чего гитлеровцы на четвереньках стали выбираться наверх. Коля Глебов всех их взял в плен.

Бой в Балутине продолжался около четырех часов. Наступало утро, и партизаны покинули деревню, так как немцы могли с минуты на минуту подбросить подкрепление. Партизанам не с руки было вести дневной бой с регулярной войсковой частью, хотя они и были здорово вооружены. Достаточно сказать, что отряд, наступавший на Балутино, имел 34 пулемета и шесть минометов.

Батальон Майорова захватил огромные трофеи: оружие, боеприпасы, громадное количество обмундирования. У них даже не хватало подвод, чтобы все вывезти. В новое немецкое обмундирование была одета, примерно, половина личного состава полка.

Комбат и его боевые друзья так увлеклись обмундированием, что даже забыли про сбор вражеского оружия. Дня через два, подводя итоги операции, Казубский спросил у Майорова:

— Иван Ефимович, почему же вы не все оружие собрали на поле боя?

— А на кой черт оно мне. Оружия в батальоне хватает, а одежды нет. Ребята ходят как оборванцы. Надо было их приодеть, вот мы и воспользовались случаем. Я даже жалую, что большую часть обмундирования пришлось сжечь.

Действительно, многое пришлось сжечь: враг вскоре собрался с силами, получил подкрепление. Из леса, со стороны Починка, гитлеровцы начали бить по Балутину. Над селом стал кружить вражеский самолет-разведчик. Но партизаны уже благополучно прибыли на свою базу.

Почти одновременно с операцией в Балутине добровольцы из первого батальона и штабной роты совершили налет на деревню Порубань. Группу из тридцати человек возглавил Михаил Палшков. Сообразительный и бесстрашный Мишка-Сибиряк уже не раз отличался в бою, совершал дерзкие налеты на врага, и слава о нем гремела во всех наших подразделениях. Это он вывез из-под носа у оккупантов семью Казубского. Это он однажды, доставляя в один из батальонов по поручению командования рацию, вынужден был с пятью смельчаками прорываться через три деревни, занятые врагом. Несясь на лошадях вскачь, партизаны на ходу стреляли из пулемета и наделали много шума. Нападение было дерзким. Немцы растерялись, решив, что на них напало крупное подразделение.

Перед атакой Порубани Палшков провел тщательную разведку, но ему не удалось полностью установить численность противника. Да и не это для него было главное. Ему важно было знать, в каких домах размещены фашисты, где у них укрепления. А это Палшков знал. Гитлеровцев же в Порубани оказалось много — несколько сот.

Напали внезапно, пользуясь ночной темнотой. Двенадцать партизан Михаил послал в обход деревни, чтобы устроить засаду на дороге и перехватить фашистов, когда те станут отступать. Сам же с остальными партизанами атаковал прямо в лоб.

Среди солдат и офицеров гарнизона началась паника. Выбитые из деревни враги попали под ливень огня партизанской засады. Пытаясь спастись, они повернули

обратно и опять оказались под прицелом пулеметов и автоматов. Однако военное счастье изменчиво. В результате потерь партизаны ослабили огонь. Оккупанты воспользовались этим. Сместили, видно, что смельчаков не так уж много, и яростно бросились на них.

Создалось критическое положение, фашисты стали выбивать партизан из занятых ими домов. На помощь Михаилу и его группе примчались товарищи из засады. Но обстановка продолжала оставаться тяжелой. К тому же начало светать. Надо было покидать деревню. Захватив убитых и раненых, партизаны стали отходить в сторону расположения основных сил полка. Кто-то должен был прикрыть их отход: иначе могли погибнуть все. Бесстрашный командир взял это на себя.

Прильнув к пулемету, он открыл огонь по врагам. Разрывная пуля пробила Палшкову руку. Несмотря на рану, он вместе с помощником продолжал вести огонь. Партизаны благополучно отошли.

Выяснив обстановку, комбат-1 Володя Медведченков бросил на помощь Палшкову большой отряд. Он провалился к Михаилу, но было уже поздно.

За гибель нашего дорогого Мишки-Сибиряка фашисты расплатились жизнью шестидесяти солдат и офицеров.

Над ельнинской землей, где покоится прах отважного партизана Михаила Георгиевича Палшкова, светит сегодня то же солнце, что и над Владивостоком, где он когда-то учился в школе морского ученичества, а затем плавал радиооператором на «Амуре» и «Туркмения». Помнят ли его здесь? Помнят ли еще в воинской части города Проскурова скромного парня Михаила Палшкова, служившего там до войны? Мне неизвестно это. Но я твердо знаю, что народ никогда не забудет славных комсомольцев тридцатых годов, грудью заслонивших Родину в минуту смертельной опасности. Знаю, что их имена бессмертны в сердцах людей...

Одновременное нападение партизан на два крупных гарнизона не на шутку встревожило оккупантов. Они поняли, что имеют дело с серьезной силой, и создали вокруг нашего партизанского края многочисленные укрепления, разместили в деревнях крупные гарнизоны, сформировали несколько специальных карательных отрядов. Особенно стали активизироваться фашисты в районе шоссе Москва — Варшава. В том краю частично на тер-

ритории Ельнинского и большей частью на территории Екимовичского и Стодолищенского районов мы создали еще один, шестой по счету батальон. Его командиром был назначен Николай Грачев, политрук, уроженец Екимовичского района. Штаб батальона разместился в деревне Старые Соловьи. Батальон Грачева прикрывал партизанский край, созданный полком Лазо, со стороны «Варшавки».

Во время формирования батальона разведка сообщала, что в районе Никольских хуторов появилась большая группа немцев, очевидно карательный отряд, которая размещается в бывшем имении помещика Шупинского. Командир второго батальона Петр Симухович решил напасть на карателей и разгромить их. В районе хуторов находилось в общей сложности более трехсот гитлеровских солдат и офицеров. Выяснив это, Симухович послал специального нарочного в штаб полка просить подкрепление. Казубский выделил семьдесят бойцов из штабной роты. Возглавил их начальник штаба полка Леонид Зыков.

Тем временем Симуховичу сообщали, что на одном из хуторов каратели согнали в сарай мирных жителей и им грозит смерть. Комбат не стал ожидать подкрепления и напал на захватчиков среди бела дня, что в нашей практике было большой редкостью. Хорошо продумав план нападения, Симухович сумел огнем из пулеметов, а затем решительной атакой выбить карателей. Перед отступлением фашисты заперли сарай и амбары, где находились почти все жители хуторов, и подожгли их. Но партизаны успели спасти обреченных. Сколько слов благодарности слышали они в тот день! Все, кто способен был носить оружие, умоляли принять их в отряд, и многие, конечно, были приняты. Остальные крестьяне покинули хутора и перебрались в села, занятые партизанами.

Ознакомившись с результатами боев в Угрице, Пирятине, Балутине, Порубани и на Никольских хуторах, а также изучив захваченные документы немецких штабов, капитан Михаил Остафьев высоко оценил эти операции и сообщил о них в штаб фронта. Через несколько дней пришла радиограмма командующего фронтом: «Казубскому, Юденкову, Зыкову. Благодарю за выполнение

боевых заданий. Прошу передать мою благодарность всему личному составу полка».

Во всех батальонах немедленно состоялись собрания и митинги. В селах и деревнях тоже узнали эту радостную новость. Особенно же сильное впечатление произвело на местных жителей известие о спасении партизанами обреченных на смерть земляков. По нашему совету и с нашей помощью в каждой крупной деревне были созданы группы самообороны. Они имели неплохое вооружение и встречали огнем винтовок и пулеметов немецких солдат и полицейских, мародерничавших по деревням.

Бойцы группы самообороны жили по своим домам, но по первому сигналу являлись с оружием в установленном месте. В составе полка мы их не числили, хотя по существу это были партизаны. Они не только участвовали в небольших боях, но при необходимости помогали и нашему полку.

Воодушевленные боевыми успехами, лазовцы стали требовать на собраниях и митингах: «Даешь Ельню!»

Командование полка давно вынашивало мысль об освобождении родного города. Теперь желание взять Ельню проявилось с новой силой. Вдохновляли нас и боевые успехи ближайших соседей. Дорогобужские партизаны и конники генерала П. А. Белова не только заняли Дорогобуж, но уже несколько месяцев удерживали его. Так же успешно действовали и глинковские партизаны, надолго захватившие у немцев железнодорожную станцию и районный центр Глинка.

Мы стали готовиться к штурму Ельни.

ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ ЗАНИМАЮТ ГОРОДА

Мы понимали, взять Ельню будет не так просто: она являлась опорным пунктом противника на важном пути из Смоленска к линии фронта. Ее обороняли части 221-й охранной дивизии гитлеровцев. Поэтому с одной стороны, мы тщательно разрабатывали план нападения на город, а с другой — старались укрепить полк.

Вскоре все бойцы приняли партизанскую присягу. Принимали ее таким же порядком, как в армии. В день

принятия присяги во всех подразделениях полка состоялись митинги.

Как ни странно, мы ни разу не видели свой полк в полном составе. Во-первых, подразделения были разбросаны на многие десятки километров, а весь полк занимал территорию, на которой насчитывалось более 250 населенных пунктов. Примерно такую же по площади территорию мы контролировали своими силами и силами групп самообороны. Общая протяженность передовых партизанских постов (внешняя линия обороны партизанского края) равнялась примерно 150 километрам. Во-вторых, снимать с постов и позиций все подразделения было опасно: враг мог напасть в любое время. Так что даже для принятия присяги мы не могли собрать подразделения в одном месте и одновременно.

Но можно представить, какую внушительную и живописную картину увидели бы мы, построив весь полк. Ведь это четыре с половиной тысячи человек, вооруженных самым различным образом, одетых кто во что горазд — в шубы, шинели, ватники. Встречались партизаны в опорках, прикрепленных веревками или телефонным проводом, и «счастливики», щеголявшие в немецких полковничьих мундирах или шинелях.

Лазовцы не носили красных ленточек на шапках, как это было принято во многих других отрядах. Впервые я увидел такие ленточки на головных уборах не в тылу врага, а в Москве на улице Горького в конце 1942 года.

Готовясь к нападению на Ельню, мы четко организовали телефонную связь с подразделениями. Для этого использовали телефонные линии, оставшиеся от довоенного времени, и провели много дополнительных полевых телефонных линий. В результате все подразделения были связаны со штабом полка.

Всерьез занялись и налаживанием артиллерии. В полку было до шестидесяти различных артиллерийских орудий и крупнокалиберных минометов (полковых и батальонных). Правда, пушки, как правило, не имели прицелов, но партизаны уже приладились стрелять и без них, хотя, конечно, недостаточно точно. Илья Петрович Кошаков, хорошо знакомый с артиллерийским делом офицер, был назначен заместителем командира полка по артиллерии.

Читателю может показаться странным, но наш полк располагал девятью танками, в том числе такой отличной машиной, как Т-34. Все эти танки партизаны обнаружили зимой в болотах, вытащили, отремонтировали, и таким образом в наших руках оказалась довольно внушительная сила. У командира полка появился даже заместитель по бронетанковым силам — капитан Василий Петрович Ключев, в прошлом танкист.

С Большой земли нам подбросили бензин, аккумуляторы. Снарядов и патронов для танковых пушек и пулеметов было вполне достаточно. Отремонтированные и опробованные танки мы незаметно перегнали ночью в укромные места и замаскировали там на всякий случай. Все, что было связано с танками, делалось в большой тайне. Действовали по пословице: «Чего не надо знать врагу, не рассказывай и другу».

В дополнение к двум госпиталям, функционировавшим в Клину и Мутище, организовали еще три — в Старых Луках, Князевке, Заболотье.

Незадолго до Ельнинской операции в наш полк прибыл с Большой земли батальонный комиссар Александр Иванович Разговоров, направленный политическим управлением Западного фронта. Александр Иванович сыграл в жизни партизанского полка имени Сергея Лазо гораздо большую роль, чем та, которая предназначалась ему при отправлении в наш партизанский край. Высокого роста, красивый, стройный, с выющейся шевелюрой, принципиальный и умный человек, он помог командованию полка по-новому взглянуть на целый ряд вещей, которые прошли бы незамеченными, если бы не острый глаз этого опытного и грамотного политического руководителя.

Например, как-то незаметно из-под контроля командования полка и райисполкома (в первое время его возглавлял Иван Павлович Гусев) стало выпадать самое-новое. До войны, как я уже говорил, колхозники в нашем районе жили хорошо. Богатый урожай 1941 года, хотя и с горем пополам, но был убран. При этом рожь из-за октябрьского наступления гитлеровцев на Москву почти целиком осела на месте. Одним словом, хлеба имелось довольно много. Но требовалось его еще больше: ведь на территории Ельнинского района, в котором произошло фактически всенародное восстание против

оккупантов, действовало почти десять тысяч партизан. Такую армию надо было прокормить.

Оккупанты же требовали, чтобы в *«интересах всего немецкого народа обязательно работали бы бывшие колхозные предприятия (общий двор). Нельзя допускать перерыва их деятельности, как коллективных хозяйств, с тем, чтобы при любых обстоятельствах гарантировать сбор урожая».*

Другими словами, фашистские захватчики были заинтересованы в сохранении организованной формы хозяйства, но, разумеется, не в интересах населения. Так им было удобнее грабить народ.

Оставшиеся на оккупированной территории коммунисты сделали все, чтобы не допустить коллективной уборки хлеба. Его распределили еще из корню, каждый убирал свою «нивку» и, обмоловив, надежно прятал зерно. Эта мера и помощь партизан в срыве немецких заготовок принесли хороший результат: оккупантам зерно не досталось. Зато для партизан колхозники открыли свои тайники, и первое время мы не ощущали серьезных затруднений с хлебом. В дальнейшем, по мере установления более тесных контактов с местными жителями, они все чаще стали угощать партизан самогонкой, а некоторые из тех, что пооборотистей, стали даже менять самогонку на различные трофейные вещи.

Все это произошло как-то постепенно, исподволь. Сначала мы не придавали особого значения тому, что партизан иногда выпьет чарку. Затем стали поступать все более тревожные сигналы. Были даже случаи, когда на этой почве гибли люди.

Вот пример. На посту стоит часовой. Он слышит: кто-то идет. Следует окрик:

— Стой! Кто идет?

В ответ раздается:

— Рус, хенде хох!

Часовой, не задумываясь, посылает автоматную очередь и — все кончено. Боевая тревога, партизаны готовы к бою. Однако никаких немцев нет. При проверке оказалось, что один из наших бойцов, возвращаясь под хмельком из «гостеприимного» дома, решил поугостить часового. «Шутка» окончилась трагически: из-за собственной разболтанности погиб хороший человек.

С подобными явлениями надо было немедленно по-

кончить, они таили в себе страшную опасность для всего полка. Во-первых, это могло привести к разложению дисциплины, а во-вторых, из-за самогонварения мы могли вскоре остаться без хлеба. И так с марта 1942 года партизаны стали получать всего по 200—250 граммов хлеба в день. Вволю ели хлеб только раненые.

Наметившуюся опасность своевременно обнаружил батальонный комиссар Разговоров. Райисполком тут же принял постановление, категорически запрещающее самогонварение. К гражданам, нарушавшим постановление, применялась такая мера, как конфискация имущества, и в особенности хлеба.

В начале апреля по полку был издан приказ, в котором говорилось:

«В целях борьбы с самогонварением приказываю:

*1. Категорически запретить самогонварение и упо-
требление самогона...*

2. Партизаны, нарушившие настоящий приказ, подвергаются немедленному аресту и наказанию вплоть до расстрела.

3. Возложить персональную ответственность за проведение в жизнь приказа на комбатов и комиссаров батальонов».

Отрадно отметить, что партизаны правильно реагировали на приказ. За все время существования отряда было всего два-три случая, когда приказ по полку и постановление райисполкома оказались нарушенными. Но к крайним мерам наказания прибегать не пришлось. Провинившиеся лишь несколько суток просидели на гауптвахте в бане.

Однажды, уже после появления приказа, я вернулся из дальней поездки по батальонам. Ни Казубского, ни Зыкова в штабе не оказалось. Они тоже были где-то в подразделениях. Зашел в штаб, стал раздеваться в прихожей. Слышу, во второй половине избы кто-то распевает: «Бывали дни веселые, гулял я молодец...» Я спросил у дежурного, кого угораздило вспоминать веселые денечки.

— Харлампович загулял!

— Как так?

— Да выпил где-то, вот и распевает. Он уже и плакать пробовал. Заливался, старый, горючими слезами, что его не понимают.

С грозным видом я зашел в избу. Неугомонный штабной труженик Владимир Иванович Четыркин лукаво улыбался, ожидая, что будет. А сильно захмелевший Харлампович сидел за столом и в песне жаловался: «Теперь моя хорошая забыла про меня».

— Товарищ Самсонов, в чем дело?! Что это за концерт в штабе полка?!

— А, комиссар, привет тебе от старого партизана. Ты, комиссар, молодец — это я точно говорю, — заплетаясь языком плел Харлампович. — Я тоже таким молодым был. Буйная ты головушка, комиссар.

— Ты никак пьян, Харлампович?! — прервал я излишняя Самсонова.

— Да что там! Чарочку выпил, и только... По-твоему, значит, пьян? Нет, Харлампович пьяным не бывает.

И дальше все в том же духе. Меня взорвало:

— Как это — чарочку? Приказ знаешь? Какой же пример подгнешь другим? Выходит, остальным выпивать нельзя, а Харламповичу можно? Сейчас же пойдешь под арест.

Харлампович пришел в негодование:

— Меня, старого коммуниста, в баню? Да я в партии состоял и Советскую власть устанавливал, когда тебя и на свете не было! Да за что же в баню?! Где Батя? Позорить меня перед партизанами?! Не выйдет, комиссар!

— Знаю, Харлампович, ты действительно старый коммунист и хороший партизан. Но в баню тебя все же посажу. Тем более что тебя знает весь полк, тобой гордятся. А Батя тут ни при чем. Приказ он тоже подписывал и нарушать его не позволит.

Я вызвал караул, Харламповича увели.

Ночью приехал Казубский. Ему уже кто-то сказал, что комиссар посадил под арест Харламповича. Как и все мы, Василий Васильевич любил и уважал этого справедливого и очень хорошего партизана.

Впервые видел я Казубского в таком гнеше. Тогда же в первый и последний раз мы с ним немного повздорили. Он наставлял, чтобы я немедленно выпустил Харламповича.

— Если сейчас же не освободишь, то освобожу я сам, — резко сказал Василий Васильевич.

Я ответил, что освобождать арестованного сегодня не буду и, думаю, что Казубский этого тоже не сделает. Не

станет же командир полка подрывать авторитет своего комиссара, а главное, авторитет собственного приказа. Сговорились на том, что я сам завтра выпущу на волю Самсонова. Так и сделали. Харлампович на меня долго дулся, потом прошло. Батя в душе, конечно, считал, что я прав, но уж больно жалко было ему Харламповича. Этот случай показал партизанам, что пощады не будет никому, и сослужил нам хорошую службу.

Встречались у партизан и другие слабости. Бывало, что отдельные бойцы и даже командиры значительно преувеличивали свои успехи, число жертв противника. С помощью Разговорова и Осташева мы обнаружили такого рода приписки. Произошел крупный разговор. Виновных строго наказали.

Впредь мы не верили на слово, а требовали неопровержимых доказательств. И разведданные составлялись с исключительной добросовестностью.

Твердая линия на укрепление дисциплины в полку, которую с особой настойчивостью мы начали проводить по совету Разговорова, оказалась единственно правильной накануне такого события, как нападение на Ельню. И командование и рядовые партизаны видели в Разговорове политического наставника и военного советчика. Имея особые полномочия, он подчинил себе группу, прибывшую с капитаном Осташевым, и держал непосредственную связь с командованием фронта через рацию Присухи.

Накануне штурма Разговоров в телеграмме в штаб фронта высказал соображение, что для оживления боевой деятельности полка имени Сергея Лазо было бы целесообразным отдать ему приказ на занятие Ельни. Командование поддержало это. Чтобы обеспечить полный успех предстоящей операции, командование фронта по рекомендации Разговорова одновременно приказало партизанскому полку имени 24-й годовщины РККА и полку народных мстителей Глинковского района* (одним батальоном) оказать нам поддержку.

Согласовав с Разговоровым, штаб полка имени Лазо издал приказ, в котором определялись задачи не только наших батальонов, но и соседних полков во время атаки

* В Глинковском районе действовало партизанское соединение «Дедушка». (Прим. авт.)

на Ельню. Но это были самостоятельные партизанские части, формально наш приказ не имел для них силы закона, а связаться с ними и разработать совместный план мы не могли. Учитывая это, Разговоров откомандировал в полк имени 24-й годовщины РККА капитана Осташева, который и должен был выполнить эту миссию, а также координировать действия партизанских отрядов.

С полком имени 24-й годовщины РККА, с партизанскими частями, входившими в соединение «Дедушка», а также с группой войск генерала Белова и 4-м воздушно-механическим корпусом генерала Казанкина у нас не было не только телефонной связи, но и связи по радию. Нас разделяли железная дорога Смоленск — Минчуринск и шоссе Спас-Деменск — Ельня, контролируемые немцами.

Еще 1 марта главнокомандующий Западным фронтом прислал генералу П. А. Белову распоряжение о том, что ему подчиняются все партизанские отряды, действующие в районе его группы. Мы не знали об этом распоряжении. Однако перспектива действовать в тылу врага совместно с регулярными частями Красной Армии, подчиняться командованию группы войск генерала Белова была для нас весьма заманчивой. Фактически же из-за отсутствия регулярной связи с Беловым мы продолжали действовать самостоятельно и все необходимые указания получали еще долгое время непосредственно из штаба Западного фронта.

По настоящему же не были подчинены Белову и партизанские отряды, с которыми он имел локтевую связь. Например, 9 марта генерал Баранов из группы войск генерала Белова радиовал в Западный фронт: *«Партизанский полк Гнездилова (полк имени 24-й годовщины РККА. — А. Ю.) с 26 февраля стоит на месте.*

Мои приказы не выполняет, мотивируя, что задачу имеет от Западного фронта. Прошу Ваших указаний в отношении партизанского полка Гнездилова. Баранов».

Поддерживать контакт между двумя полками через связных было очень трудно. Тем не менее, поскольку основная тяжесть боев ложилась на плечи лазовцев, мы были особенно заинтересованы в хорошей связи и послали к соседям своих людей.

Приближалась дата штурма Ельни — ночь на 23 марта 1942 года.

Накануне решительного боя наш полк заметно подтянулся. Он как бы приготовился к прыжку.

19 марта появился приказ, в соответствии с которым все батальоны, атакующие Ельню, должны сосредоточиться на исходных позициях вечером 22 марта. Была достигнута договоренность и с полком имени 24-й годовщины РККА. Поданный с их стороны в 20 часов 30 минут сигнал — две красные и одна зеленая ракеты — будет означать, что они тоже заняли исходные рубежи и готовы к атаке. После этого должен последовать приказ Казубского об общем наступлении на Ельню.

Полку имени 24-й годовщины РККА в составе двух батальонов (примерно тысяча человек) по плану предстояло наступать со стороны Вяземского большака, захватить северную часть города и продвигаться в центр.

На батальон Глиньковского полка (250 человек), сосредоточенный в деревне Чайцове, возлагалась задача атаковать гитлеровцев вдоль железной дороги и захватить часть города в районе кирпичного завода.

Из нашего полка в штурме города должны были участвовать 2, 4 и 5-й батальоны (более двух тысяч человек). 1-му и 2-му поручалось перекрыть дороги к Ельне со стороны Смоленска, Спас-Деменска и Починка, чтобы оккупанты не смогли подбросить подкрепление осажденному гарнизону, 4-му — атаковать Ельню с юга, занять больницу, льнозавод, Городок (высокая земляная насыпь на берегу Десны) и не допускать подкреплений врага с юга.

5-й батальон, наступая по большаку Смоленск — Ельня, обязан был занять железнодорожную станцию, здания бывшей МТС и военкомата и продолжать бой до соединения с партизанами Глиньковского полка и полка имени 24-й годовщины РККА. Кроме того, батальон выделял одну роту численностью в сто человек, чтобы перерезать Смоленский большак в районе деревни Петрово и не допустить врага в Ельню со стороны города Починка.

Остальные батальоны находились в резерве. Им было приказано беспокоить фашистов на Спас-Деменском большаке и на «Варшавке», не пропуская их к основной базе полка.

К этому времени партизаны были уже грозной силой в Смоленской области. За несколько дней до наступления на Ельню это вынужден был признать даже началь-

ник 2-го боевого участка гитлеровцев, штаб которого располагался в деревне Стайки между нашим полком и полком имени 24-й годовщины РККА. В своем приказе от 17 марта он написал: *«Тактика борьбы партизан очень устойчива. Любой способ этому ужасному врагу выгоден. До начала марта 1942 года этот противник действовал только налетами на мелкие группы, взрывами мостов, минированием дорог и т. д. С начала марта 1942 года он перешел на активные наступления, причем он располагает упорным боевым оружием... Внезапный налет — это сильное оружие».*

Только продавшиеся оккупантам холуи из смоленской грязной газетки «Новый путь» всячески стремились приуменьшить силу партизан. Символично, что в день, когда мы начали штурмовать Ельню, эта газетенка писала в передовой статье: *«Партизаны», на которых столько надежд возлагал Сталин, — это жалкий сброд, опасный только для мирного населения дальних деревушек. И если регулярные большевистские полчища оказались против германской армии бессильны, то даже смешно думать, что ей страшны какие-то кучки бандитов. Они, конечно, быстро и беспощадно будут уничтожены германскими отрядами...»*

А что получилось из этого злобного «пророчества», показала сама жизнь.

Наступил вечер 22 марта. Командный пункт полка расположился неподалеку от Ельни, в деревне Средний Починок. Туда тянулись все нити управления боем. Приближалась решительная минута. Мы нетерпеливо поглядывали то на часы, то в сторону Ельни. Минута в минуту нам просигналил полк имени 24-й годовщины РККА: *«Готов к атаке!»*

Вскоре с нашего командного пункта взвились две ракеты — сигнал начала атаки. Батальоны ринулись в бой. По городу ударила партизанская артиллерия. Полночную тишину разорвали залпы пушек, треск пулеметов, хлопки винтовочных выстрелов. Штурм Ельни начался.

В бою за город партизаны проявили чудеса героизма, большое упорство. Однако связь между полками атакующих оказалась плохой. Если решение следовало принимать в несколько минут, то фактически на это уходило значительное количество времени. А главное — не получилось одновременного удара. К началу штурма полк

имени 24-й годовщины РККА, по свидетельству его командования, находился далеко от Ельни и в бой вступил прямо с марша только на рассвете. Так и осталось неизвестным, кто подал сигнал о его готовности к атаке, отрицательно повлиявший на ход штурма.

Глинковский батальон в ту же ночь выполнил свою задачу — занял кирпичный завод. Но, не видя рядом с собой партизан полка имени 24-й годовщины РККА, глинковцы после первого же сильного обстрела из минометов отошли на исходные позиции.

4-й батальон полка имени Сергея Лазо занял часть города, где находились больница и льнозавод, и высоту на окраине, именуемую с древних времен Городком, но дальше продвигаться не стал, опасаясь перебить бойцов полка имени 24-й годовщины РККА. На занятых позициях батальон продержался целые сутки.

2-й батальон выбил противника из деревни Данино. Заняв ее, он оттеснил фашистов на северо-восточную окраину деревни Рябинки, перерезал большак между Самодуровом и Ельней. К вечеру со стороны Спас-Деменска появились гитлеровцы с тремя танками и двумя бронемашинами. Сняв выставленный 2-м батальоном заслон, они прорвались в Ельню.

5-й батальон свою задачу тоже выполнил — занял железнодорожную станцию, территорию МТС, здание бывшего военкомата и прилегающие улицы вплоть до городского сада и райисполкома. Но прорвавшиеся в город танки и броневики противника заставили партизан покинуть захваченные в центре города позиции.

Бой за Ельню с подразделениями 221-й охранной дивизии врага продолжался с переменным успехом в течение трех суток. Из-за плохого взаимодействия в партизанских порядках в бою было немало путаницы. Случалось даже, что один полк наступал в то время, как другой отходил.

Позднее в своей докладной в штаб Западного фронта комиссар партизанского полка имени 24-й годовщины РККА Амиров писал о боях за Ельню следующее: *«В бездорожье, в буран первое наше подразделение под огнем бомбардировочной авиации немцев прибыло на исходные позиции в 8—10 часов утра 23 марта 1942 года. Полк Лазо с 24 часов 00 мин. 22 марта уже вел бой,*

ворвавшись в город (захватили больницу, вокзал и другие рубежи)...»

Оценивая действия своего полка и его роль в Ельнинской операции, Амиров писал: «Операция показала неподготовленность полка к боевым действиям в полном своем составе. Командиры батальонов не умели точно и своевременно установить связь с соседями и обеспечить взаимодействие подразделений. Не было единого руководства всеми силами, брошенными на штурм города».

К полудню 23 марта лазовцы, продолжая вести бой, еще ничего не знали о планах полка имени 24-й годовщины РККА. Решили послать кого-нибудь для переговоров с его командованием и для установления связи. Заодно надо было прихватить у них некоторое количество патронов. Поехать вызвался я.

Кружным путем поздно вечером мы с Виктором Яшемским добрались до командного пункта соседей и договорились о плане дальнейших действий. Ракетами я просигналил Казубскому, чтобы лазовцы выступили еще раз на штурм города, так как соседний полк пошел в атаку.

Не дожидаясь исхода атаки, мы тем же путем, загнав двух лошадей и проскакав за сутки километров 75, вернулись в свой штаб, который за время нашего отсутствия перебазировался в деревню Селиба, в двух километрах от Ельни. Мы привезли несколько ящиков патронов. Несколько вozов патронов были доставлены из батальонов. И партизаны воодушевились.

Казубский и Зыков побывали в районе льнозавода и больницы. Налет на город был столь неожиданным, что на территории больницы нам удалось захватить два танка и несколько автомашин. Они стояли там как заслон от партизан. Фашисты выскакивали в одном белье и бросались к танкам, но партизаны, пробравшиеся через Десну со стороны льнозавода и через кладбище, перебили танкистов и, повернув орудия танков на город, начали обстреливать его. К тому времени, когда на территорию больницы прибыли Казубский и Зыков, бой в этом районе уже затих. Партизаны захватили огромное количество медикаментов, продовольствия, белья, одежды. Трофеи грузили на подводы и отправляли на основную базу.

Казубский прошел по больничным палатам, осмотрел

территорию и направился к водонапорной башне. Оттуда ударила автоматная очередь. Командир полка и его спутники спрятались в укрытие и начали отстреливаться от вражеской «кукушки».

Лихой партизан-танкист обратился к Казубскому:

— Батя, разреши, я этого сукиного сына двумя выстрелами из ихнего же танка срежу.

— Нет, попробуем взять живьем.

Зыков громко крикнул по-немецки:

— Слезай, фрид, а то сейчас из пушки ударим!

В ответ ни звука. Тогда вызвались добровольцы. Один хорошо укрылся и стал обстреливать башню с противоположной стороны, второй полез тихонько по лестнице. Чем ближе подбирался партизан, тем сильнее становился наш огонь по башне. Наконец партизан-разведчик (это был Сергей Голиков) у цели. Прыжок — и его автомат уперся в грудь фашисту.

Гитлеровца притащили в одну из комнат больницы. Допрос вел наш отличный переводчик Лазарь Ротенштраух, или, как его звали партизаны, Левка. В допросе принимал участие и начальник штаба полка Леонид Лукич Зыков, сносно разговаривавший по-немецки и по-французски. Кое-что понимали и мы с Василием Васильевичем.

На вопрос, почему он не сдался, видя, что сопротивление бесполезно, пленный ответил:

— Никто из ельнинского гарнизона вам и не сдастся!

— Почему?

— Есть приказ оборонять Ельню до последнего солдата. Кроме того, гарнизон не сможет отступить, если бы и захотел. Мы знаем, что все дороги перерезаны. Начнешь отходить, попадешь на ваши засады. Надежнее отбиваться. Может, подоспеет помощь...

— Откуда ты знаешь все это? — спросил Зыков.

— Это знают все солдаты в Ельне — так нам говорили офицеры. И еще мы точно знаем: нельзя попадаться партизанам, все равно расстреляют.

— Вдолбили в твою башку чепуху, а ты, как попугай, повторяешь. Зачем нам расстреливать тех, кто сдается в плен? Наши враги не немцы вообще, а фашисты.

Потолковав с пленным, Зыков и Левка вывели немало интересных и нужных сведений. Показания дру-

гих гитлеровцев (партизаны притаились в штаб десятка полтора пленных) помогли представить довольно полную картину того, что происходило в Ельне: осажденные фашистские войска уже выдохлись. Это подтверждал и радиоперехват, присланный начальником штаба Западного фронта Соколовским: немцы в Ельне в панике, у них много раненых, на исходе боеприпасы. Штаб фронта требовал усилить нажим на врага.

Утром 25 марта Ельня в основном была занята партизанами. Остатки врагов укрылись в центре, в подвалах двух каменных домов. Выбить их оттуда не представляло большого труда. Мы ожидали вечера, чтобы покончить с остатками гарнизона. Партизаны целый день подвергались непрерывной бомбежке, а транспортные самолеты сбрасывали в это время в осажденную Ельню оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие. Разгадав сигналы, которые фашисты подавали ракетами своим самолетам, мы тоже начали сигналить. Часть медикаментов и боеприпасов попала в наши руки.

Ночью мы с Иваном Павловичем Гусевым отправились из Селибы в Ельню. Приблизились к железнодорожному переезду у здания МТС. Впереди начали взлетать в ночное небо ракеты. Сопровождавшие нас трое партизан решили захватить ракетчика. И привели... начальника штаба одного из батальонов Петра Тарасенкова.

— Зачем пускаешь ракеты?! Своих ведь сбиваешь с толку!

— Может, немцы еще нам груз с самолетов сбросят. У меня уже патронов нет... — невозмутимо ответил он.

Пришлось обругать Тарасенкова и отправить в батальон. Сами мы пошли в здание МТС. Партизаны разожгли в подвале костер и грелись у огня. Позы у всех были такие беспечные, что мы с Гусевым решили их припугнуть и чуть не поплатились за это жизнью. Недолго думая, я возьми да и крикни: «Хенде хох!» Несколько человек, схватив автоматы, моментально направили их на нас. Тут было уже не до шуток.

— Вы что, с ума сошли, черти? Это я.

Ребята узнали меня по голосу, и все обошлось. А могла эта глупая шутка оказаться последней. Я мысленно разносил себя на все корки. Только что ругал Тарасенкова, а сам выкинул номер еще глупее. Выясни-

лось, что ребята, разместившиеся в подвале, находились в резерве и ждали приказа о выступлении. Настроение у всех было бодрое, но подсумки пусты, осталось по десять — пятнадцать патронов на бойца. Побывали мы в других подразделениях — всюду та же картина.

В это время нам сообщили, что из центра города на Пролетарскую улицу у городского сада выскочила немецкая танкетка. Группа партизан тут же выкатила на открытую позицию противотанковое орудие без прицела и сделала несколько выстрелов. Танкетка застыла на месте. Иван Павлович обнял и расцеловал наводчика.

— Ну и молодчина же ты! Прямо не знаю, чем тебя наградить. Обязательно попрошу командира, чтобы отметил.

— Спасибо. Да ведь тут ничего такого нет: мы уже привыкли стрелять из пушки навскидку. И отмечать меня не надо. Вот если бы вы табачку на пару папиросок... Эх и покурить бы всласть!

Табачок у Ивана Павловича нашелся...

Глубокой ночью в деревне Селиба состоялось заседание совета полка. Мы с Гусевым доложили о своих наблюдениях в Ельне. Сообщения из батальонов были одно тревожнее другого: все требовали патронов.

Стало известно, что на большаке у деревень Петрово и Рябинки наши заслоны из последних сил отбиваются от спешивших из Починка и Спас-Деменска подкреплений врага. Следует отметить, что наибольшие потери фашисты понесли не в самой Ельне, хотя и там их было перебито немало, а именно у деревень Петрово и Рябинки, где хорошо укрывшиеся партизаны косили их пулеметным и автоматным огнем, громили артиллерией из засад.

Иван Ткаченко, командовавший ротой у деревни Петрово, сумел сдержать наступление фашистов, отбил несколько атак и не пропустил врага в город. Этот бесстрашный украинец из Полтавы, человек исключительного обаяния, своим личным примером показывал чудеса смелости и стойкости. А, как известно, у отважного командира не бывает трусливых солдат.

Сложнее была ситуация в районе деревни Рябинки. Здесь немцам с помощью танков удалось прорваться в Ельню. Партизаны дрались отчаянно. Из противотанковой пушки они подбили два танка (всего их было

семь), уничтожили немало фашистов. Особенно отличился комбат Петр Поликарпович Симухович. Обладая богатырской силой, он один вытаскивал противотанковую пушку, если она застревала в канаве или в снегу. В бою Симухович был ранен. Рана оказалась не тяжелой, но отважный комбат вскоре умер: не выдержало сердце.

27 марта мы похоронили своего дорогого друга в Старом Мутище. И сейчас любовно убранная детьми могила у Мутищенской школы напоминает живущим о том, что здесь поконится прах бесстрашного партизана, русского богатыря Петра Поликарповича Симуховича.

Узнав, что в Ельню прорвалось подкрепление противника, а также оценив общую обстановку, мы приняли решение сжечь склады с продовольствием, горючим и другим воинским имуществом, заминировать улицы и здания и оставить город.

Можно было бы бросить в бой наши танки, но мы не хотели рисковать. Да если бы при помощи танков мы и заняли город, то удержать его все равно не смогли бы: не было боеприпасов.

На рассвете партизаны организованно покинули город. Их никто не преследовал. В Ельне горели склады, взрывались на партизанских фугасах железнодорожные стрелки, взлетали на воздух мосты.

Узнав, что наши благополучно ушли из Ельни, Казубский послал нарочного к Ивану Ткаченко с распоряжением оставить Смоленский большак и немедленно отойти в деревню Щербино. Нарочный прискакал к Ткаченко, когда его рота была уже полуокружена в районе деревни Озеренск (он выдвинулся туда, чтобы встретить немцев, наступавших со стороны Починка). Роте грозил разгром, и Ткаченко, получив распоряжение Казубского, приказал партизанам сняться, а сам вместе с адъютантом Сашей (Филей), тринадцатилетним пареньком из деревни Щербино, удачно прикрыл отход партизан, стреляя из 45-миллиметровой пушки.

Бой за Ельню был жестоким. Партизаны уничтожили не менее 1300 солдат и офицеров, четыре танка, много автомашин, складов, разрушили связь, вывели из строя ряд объектов на железнодорожной станции. Однако и нам этот бой обошелся очень дорого. Только убитыми полк потерял 170 человек. Более 400 бойцов было ранено. Все госпитали оказались забитыми до отказа. Хоро-

шо еще, что в Ельне мы захватили огромное количество медикаментов и что с нами ушли из города несколько врачей и медсестер, среди которых были опытные хирурги, и в том числе известный врач Владимир Семенович Спиранский, награжденный впоследствии в нашем полку медалью «За боевые заслуги». Весь персонал ельнинского госпиталя с восторгом встретил партизан. Только с одним врачом — хирургом Флоренским случился конфуз. Он вместе с немцами попытался убежать в центр города. Беглецов настигли партизаны, Флоренский заявил, что не понял происходящего. Мы поверили. Действительно, в бою, глубокой ночью всякое может быть. Однако мы напрасно оказались слишком доверчивыми...

Гитлеровское командование вынуждено было высоко оценить операцию партизан в районе Ельни. Эти бои показали, что партизаны могут не только сражаться из засад, нападать на небольшие подразделения, но и вести серьезные наступательные действия. В связи с этим командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал пехоты фон Шенкендорф в совершенно секретном запросе в штаб группы о выделении дополнительных сил для организации активной борьбы с партизанами писал 16 апреля 1942 года:

«...Рост партизанского движения во всем тыловом районе принимает настолько угрожающие масштабы, что я со всей серьезностью должен обратить внимание на эту опасность. Необходимы безотлагательные действия крупными силами, чтобы своевременно ликвидировать эту опасность...»

Если в конце прошлого и в начале этого года партизаны в результате проводившихся против них активных карательных действий выступали только небольшими группами, захватывали продовольствие и при удобном случае совершали нападение на отдельные не охраняемые войсками населенные пункты или на небольшие команды солдат, то теперь они действуют крупными, обученными в военном отношении частями. Они имеют в большом количестве тяжелое пехотное оружие, частично также артиллерию и другое вооружение и, как показали крупные нападения на Ельню и Брынь (17 километров северо-восточнее Ельни) с предварительной трех-

часовой артподготовкой из 10 орудий, способны вести наступательные действия.

Установлено, что во всех партизанских районах имеется военное руководство, что в партизанских отрядах проводится военное обучение и они имеют организацию по типу войсковых частей...

Военное руководство партизан регулярно производит набор в отряды в деревнях и осуществляет планомерное обучение. Поэтому партизаны, даже одетые в штатское платье, в полной мере обладают боеспособностью регулярных частей, как это можно было установить при ведении боевых действий 221-й дивизией против партизан в районе Ельни.

Разведка партизан поставлена отлично.

Как видно из этого документа, гитлеровский генерал дал высокую и в основном верную оценку партизан и их действий. Но кое в чем необходимо поправить фон Шенкендорфа. Прежде всего он исказил правду, сделав намек, будто партизаны проводили мобилизацию в деревнях. Я уже говорил, что партизанские отряды формировались исключительно на добровольных началах, но это, конечно, не исключало большой политической работы среди населения.

Не прав генерал и в другом. Еще до боев за Ельню и Брынь партизаны не ограничивались мелкими стычками с противником. Чтобы подтвердить это, достаточно напомнить взятие города Дорогобужа, бои в Балутине, Порубани, на хуторах Никольских и многие другие операции.

И как ни высока оценка, данная боям за Ельню со стороны гитлеровского командования, мы все же и тогда и теперь понимали и понимаем, что согласованного удара по городу организовать не удалось. Основная тяжесть боев легла на полк имени Сергея Лазо. Наши соседи выступали неактивно и разновременно.

Все недоразумения во взаимодействии партизанских отрядов, которые должны были наступать на Ельню, можно было бы легко устранить, если бы руководство операцией взяло на себя командование из группы войск генерала Белова. Но этого не произошло. Белов даже не знал ни самого замысла, ни того, как предполагалось развертывание событий. 26 марта он радировал в штаб Западного фронта: *«Прошу разъяснить, почему «Дедуш-*

ке» даются задачи не через меня, так как он подчинен Главкомом мне. Весь ли отряд должен действовать на Ельню или частью сил».

А ведь задолго до начала операции было известно, что из отряда «Дедушка» в ней примет участие только один батальон Глинковского полка.

Если бы Белов был хорошо информирован и получил задачу организовать бой за Ельню, то партизаны не только взяли бы город (это они сделали), но и удержали его длительное время.

Впоследствии, как это будет показано, мы успешно координировали свои действия с действиями регулярных частей Красной Армии, находившихся в тылу врага. Особенно ярко это проявилось во время прикрытия полком Лазо группы войск генерала Белова, выходивших на Большую землю.

Дальнейшие бои с еще большей наглядностью показали, что партизаны Ельнинского района действительно «обладают боеспособностью регулярных частей» и могут вести «наступательные действия», несмотря на то, что в боях за Ельню полк понес большие потери и остался почти без боеприпасов.

ТРУДНАЯ ВЕСНА

Покинув Ельню, партизаны отошли на прежние рубежи, укрепились, начали залечивать раны, восполнять потери. Перед полком встало несколько очень важных задач, которые необходимо было немедленно решить. Прежде всего надо было обеспечить излечение всех раненых.

В полку имелось около пятнадцати врачей, много медицинских сестер и достаточное количество медикаментов, захваченных в Ельне. Медицинский персонал работал день и ночь. Но очень трудно было с тяжелоранеными. Отправить их на Большую землю мы не могли: весна вступала в свои права, дороги развезло, поля, где можно было посадить самолеты, превратились в сплошное месиво. Пришлось все организовывать на месте.

Не знаю, написал ли кто из бывших партизанских врачей о хирургии в тех условиях. Но думаю, что такие книги представили бы огромный интерес и для специали-

стов, и для широкого круга читателей. Врачи проявляли чудеса изобретательности, принимали столь смелые решения, что повергали в изумление даже коллег.

Однажды я присутствовал при сложной операции. Операционной служила обыкновенная крестьянская изба, тщательно вымытая и выскобленная. Стены и потолок в ней были затянуты парашютным шелком, освещалась она керосиновыми лампами, а иногда электричеством (ток подавался от мотора разбитой автомашины). В этих условиях ампутировали руки, ноги, делали операции на черепе. Специальной статистики мы не вели, но смертных исходов в результате операций почти не наблюдалось.

Как известно, лечат людей не только лекарствами и операциями. Не менее необходимы больным внимательный уход, хорошие условия. И партизаны делали все, чтобы раненые ни в чем не нуждались. Как ни трудны были условия в тылу врага, но мы находили возможность хорошо кормить раненых, давать им вдоволь хлеба, молока, мяса, масла. Сахара, белого хлеба, сухарей, табака не было совсем, но без этого обходились. Партизаны не задумываясь нападали на гарнизоны или обозы врага, только бы добыть для раненых продуктов, медикаментов, белья.

Кроме раненых, у нас в полку почти не было больных. Даже случаи инфекционных заболеваний представляли редкость. А такие тяжелые болезни, как рак, туберкулез, язва желудка, вообще не встречались. Не знаю, чем объяснить, но было это именно так. Взять, к примеру, Ивана Павловича Гусева. До войны он тяжело страдал от язвы желудка. А вот в немецком тылу ни разу не обратился в госпиталь. Я бы даже сказал, он отличался завидным здоровьем.

Наличие большого числа раненых не только снизило боеспособность полка и потребовало известных усилий для их излечения, но и в значительной степени определило дальнейшую тактику лазовцев.

До сих пор среди партизан и партизанских «теоретиков» можно слышать споры о том, какая тактика пригоднее для партизанской борьбы, какой отряд воевал лучше, какой хуже. Подобные споры кажутся мне беспредметными, а выводы и оценки в большинстве своем — субъективными (каждый считает свой отряд лучшим, а

свою тактику наиболее оправданной). Все были отрядами — плохие и хорошие, сильные и слабые. Действовали они в различных условиях, и разной была у них тактика. Но в каждом отряде были страстные патриоты, каждому отряду приходилось вести беспощадную борьбу с врагом, изыскивать наиболее эффективные средства его уничтожения.

И все же следует сказать, что наиболее приемлемой и результативной была рейдовая тактика, обеспечивавшая маневренность и внезапность нападения на врага. Лазовцы с момента создания отряда использовали эту тактику, хотя и в несравненно меньших масштабах, чем, скажем, смоленский партизанский полк «13» под командованием Сергея Гришина. Использовали, не задумываясь над тем, что это и есть тактика. Мы просто считали, что на одном месте сидеть не годится: немцы проведут о нас, окружают превосходящими силами, разобьют. Отсюда такие перемещения (о них говорилось выше), как Клин — Болдино — поселок гортопа — Болонь. Кроме того, отряд совершил рейды на Марьино, Щербино, Жабье, Коневичи, Еленев Холм, в Починковский, Глинковский, Стодолищенский районы, а позднее — в район Ершичей, Рослава и в другие места.

Но после боев за Ельню мы вынуждены были на некоторое время забыть о рейдах в составе всего полка: раненых ведь не бросишь. Да и командование фронта требовало от нашего и соседних полков всеми силами удерживать границы партизанских краев.

В апреле 1942 года по приказу штаба Западного фронта и генерала Белова была создана 2-я партизанская дивизия, командиром которой стал полковник Москалик, а комиссаром — полковой комиссар Янузакон. В эту дивизию вошел и полк имени Сергея Лазо. Штаб дивизии находился на территории, занятой партизанами полка имени 24-й годовщины РККА. Позднее мы сумели наладить со штабом дивизии более или менее сносную связь с помощью радиоприемника, а также путем посылки нарочных. Командование дивизии тоже требовало от нас любыми средствами удерживать занимаемые позиции. В своем письме от 13 мая полковник Москалик писал:

«В целях расширения района действий полка имени С. Лазо необходимо развернуть полк... и преобразовать в дивизию.»

Необходимо удерживать занимаемый район и принять все меры для расширения района действий...

Еще раз напоминаю о необходимости держать занимаемый район».

Между тем враг делал попытки взять реванш за Ельню. 2 апреля до пятисот фашистских солдат и офицеров предприняли наступление на деревню Щиплево. Их поддерживали артиллерия и три танка. Но партизаны отбили атаки, уничтожив значительное количество вражеских солдат и офицеров. Фашистам не удалось отеснить нас ни на шаг. Щиплево осталось за нами.

Мы и сами не сидели сложа руки: всякий раз, как только представлялась возможность, нападали на врага и рвали коммуникации 4-й немецкой армии. 17 апреля Белов приказал нашему полку овладеть деревнями Уварово, Пяратино, Устиново и перерезать большак Спас-Деменск — Ельня. Приказ был выполнен.

29 апреля лазовцы захватили деревни Харино, Новотишево, Нивки, Озеренск и перерезали большак Ельня — Починок. Мелкие стычки происходили даже во время весенней распутицы, хотя большинство партизан не имело кожаной обуви.

Наши действия в то время сдерживало почти полное отсутствие боеприпасов, особенно винтовочных и автоматных патронов. Надо было принимать меры. На помощь Большой земли мы не рассчитывали: там и без нас хватало забот. И вообще мы обращались за помощью лишь в исключительных случаях. За время существования полк получил из советского тыла около ста тысяч патронов. А только в период Ельнинской операции мы израсходовали около миллиона патронов.

Выход был один: искать боеприпасы на месте. Их немало осталось на полях сражений после прошлогодних летних боев. Много уже было собрано раньше, а что осталось, надежно укрыла снегами матушка-зима. Наступала весна, и она торопила нас. Необходимо было как можно скорее собрать патроны, снаряды, мины, пока все это не пришло в негодность под влиянием воды и тепла.

Командир полка приказал всем партизанским батальонам, ротам, взводам, отдельным отрядам, председателям сельсоветов провести разъяснительную работу среди населения, чтобы привлечь как можно больше

людей к сбору боеприпасов. Для наиболее отличившихся устанавливались премии: местному населению — скот, партизанам — оружие, обувь и новое обмундирование.

Наш призыв дал хорошие результаты. Особенно много боеприпасов собрали женщины и школьники. Осенью во время пастьбы скота, заготовки дров они не раз наткнулись на боеприпасы и оружие, поэтому хорошо знали, где их искать. В кратчайший срок было собрано несколько миллионов патронов. Население одного только Малышевского сельсовета собрало в лесах и сдало 3-му батальону четыреста ящиков винтовочных патронов и несколько десятков винтовок. Оружие и боеприпасы собирали жители не только партизанских сел и деревень, но и тех населенных пунктов, которые находились под контролем оккупантов. Доставкой оружия и боеприпасов партизанам нередко занимались старосты деревень. Они всегда могли оправдаться, попавшись на глаза немцам, что везут свой груз на склад в Ельню. Партизану же в такой ситуации грозила неминуемая смерть.

Очень помог нам в сборе боеприпасов одиннадцатилетний Володя Волков. Перед войной он учился в третьем классе в Рославле. В первые дни войны потерял мать: она погибла во время налета вражеской авиации. И Володя ушел к бабушке в деревню Буда. Семидесятипятилетняя старушка и ее внук подобрали на поле боя советского летчика, а позднее — танкиста и выходили их. Летчик ушел через линию фронта, а танкиста Володя привел в наш отряд.

Этот белокурый паренек с непослушным вихром волос еще осенью нашел в лесу целый склад патронов. Вспомнив о находке, мальчик рассказал о ней партизанам. Ему, как взрослому, была объявлена благодарность, и мальчишка этим очень гордился. Наш портной сшил Володе гимнастерку, брюки и шинель по росту. Летом 1942 года мы на самолете отправили его в Москву. В октябре 1942 года в журнале «Дружные ребята» писатель Б. Шатилов опубликовал о нем рассказ.

Собранные боеприпасы привели в порядок и распределили по батальонам. Кое-что спрятали в надежных местах как полковой резерв, поручив его хранение добросовестному Харламповичу.

Для изготовления фугасов, минирования дорог и

варыва мостов требовалось много взрывчатки, а достать ее было нелегко. Старший лейтенант Семкин вызвался обучить нескольких партизан разминированию и таким образом обеспечить полк взрывчаткой. По берегам Десны было много минных полей. Их создавали в ходе летних боев 1941 года и наши части и немцы. Но снимали не все мины подряд, часть оставляли, чтобы в какой-то степени обезопасить полк в случае массированного наступления танков. Впоследствии оставленные и вновь созданные минные поля нам оченьгодились и позволили на несколько дней задержать крупные силы врага, наступавшего при поддержке танков.

Однажды во время разминирования немецкого минного поля произошел удивительный и малообъяснимый случай. Неразлучный друг Семкина четырнадцатилетний Леша извлекал очередную мину. В отличие от остальных круглых металлических коробок с толстыми стенками, эта имела вид деревянного ящика. Кроме того, она оказалась не только нажимного, но и натяжного действия. В общем, Леше поналась мина с «секретом». Не подозревая об этом, мальчишка подковылок ее и стал вытаскивать из земли. И тут произошло неожиданное: деревянный ящик разлетелся на части в руках у Лешки. Во все стороны посыпались куски взрывчатки: взорвался капсюль. Но почему не слетонирировал тол, никто объяснить не мог, даже наш саперный бог — инженер Иван Степанович Андрианов. Предполагали, что иашка, в которой помещался взрыватель, была не толовой. А может, это был сюрприз немецких рабочих, оказывавших любими способами сопротивление гитлеровскому режиму? Или к этому делу приложили руку немецкие саперы? Судить не берусь. Но факт остается фактом: тол не слетонирировал.

Легко представить состояние наших саперов, которые находились возле кучи тола. Сработай мина — все они взлетели бы на воздух. Семкин стал белый как полотно. Только Лешка, так и не осознавший по-настоящему всей опасности происшедшего, с упоением рассказывал всем и каждому, как у него в руках «взорвалась» противотанковая мина.

С горем пополам мы обеспечили себя боеприпасами и взрывчаткой. И сразу же встала другая, не менее сложная, задача: немедленно достать кожаную обувь.

Пришла весна, а люди, по существу, оказались разутыми (имели только валенки). Могли возникнуть простудные заболевания.

Командование полка, местные власти и в особенности Иван Павлович Гусев и его помощник, временный заместитель председателя райисполкома И. И. Шаранов, приняли срочные меры, в частности взяли на учет всю трофейную кожаную обувь. Но самое большое количество обуви поступило от местного населения. Сбор одежды и обуви проходил под лозунгом: «Каждый крестьянский двор должен одеть и обуть одного партизана». Делалось все на сугубо добровольных началах. И все равно люди порой готовы были отдать последнее, хотя у многих буквально ничего не было: кто пережил пожар, кого ограбили оккупанты.

Трудностей было много. И все же с апреля по сентябрь 1942 года население Ельнинского района собрало и передало партизанам более 6 тысяч пар обуви, 3400 пар верхнего платья и 7300 пар нижнего белья, 1360 комплектов различной одежды. Некоторую часть обуви и одежды партизаны обменивали на скот и сукно, захваченные у немцев. Значительным источником пополнения наших фондов обмундирования были трофеи, отбитые у оккупантов и их ставленников.

Так же разрешался вопрос и с продовольствием. Обычно нам удавалось захватывать его у противника. Но порой, когда со снабжением возникали трудности, мы обращались к населению, и оно охотно шло нам навстречу. Всем колхозникам, которые передали в распоряжение партизан свой скот, мы выдавали официальную справку, заверенную печатью полка. Это было своего рода обязательство вернуть полученное. Тогда нам казалось, что мы выдали не столь уж много таких гарантийных расписок. Истинная картина выяснилась лишь после освобождения района, когда председателю райисполкома Андрею Семеновичу Анискову было предъявлено около 900 таких гарантийных расписок. Руководителям района пришлось приложить немало усилий, чтобы рассчитаться со всеми, у кого партизаны одолжили на время скот.

Но в тылу врага случалось и так, что не жители помогали партизанам, а мы им. Однажды, например, стало известно: фашисты гонят по Смоленскому боль-

шаку огромное стадо скота, отобранного у населения. Стадо сопровождает небольшая охрана. Отряд партизан под руководством Сережи Голикова устроил на большаке засаду, перебил охрану и захватил около шестисот коров. Стадо сейчас же перегнали в глубь партизанского края.

Однако такого большого количества скота нам сразу не требовалось. Поэтому часть его наши «снабженцы» обменяли у населения на хлеб и обувь, а часть — передали крестьянам на хранение. Когда позднее мы вынуждены были уйти в леса, нам возвращали скот по первому сигналу.

За зиму у нас скопилось большое количество шкур, которые без пользы лежали в сараях и амбарах. Поэтому весной мы срочно организовали два примитивных кожевенных завода, где выделяли кожу для сапог. Это тоже помогло нам переобуться из валенок в сапоги и ботинки.

Пока полк решал эти важные для жизни вопросы, весна окончательно вступила в свои права: зазеленели леса, подсохла земля, стали проезжими дороги. Возросла опасность общего наступления оккупантов на партизан.

Нам было ясно: противник не допустит, чтобы рядом с линией фронта простирались такие большие партизанские края, как Дорогобужский и Ельнинский. О перемещении в другой район пока не могло быть и речи. Нас прочно держали на месте два фактора: огромное количество раненых и категорическое требование командования 2-й партизанской дивизии любой ценой отстоять занимаемый район. И мы упорно готовились к боям.

Зимой и весной враг из-за снегов и бездорожья почти не использовал против партизан танки и бронемашин. Почти не применялась против нас и авиация. С наступлением весны дело коренным образом изменилось. Участились налеты вражеской авиации. Почти каждый день в воздухе висела «рама». Фашистские штурмовики чуть ли не непрерывно налетали на занятые партизанами села. Особенно частым нападениям подвергались наша партизанская столица Болоновце, Мутнице, Клины, Старые Луки.

В мае налеты участились. Редко выпадал день, ко-

гда авиация противника не бомбила партизанские батальоны. Но, честное слово, лавовцы были даже довольны таким «вниманием» оккупантов. Мы считали, что, отвлекая на себя авиацию противника, существенно помогаем фронту.

В общем, настроение было бодрое. Однажды, после очередного налета вражеской авиации на деревню Болоновце, вражеский самолет на бреющем поливал из пулеметов беззащитные дома местных жителей. Партизаны по собственной инициативе начали обстреливать самолет из всех видов оружия. Самолету вреда не причинили, но и у нас потерь не было. Ранена была только лохматая дворняжка. Какой-то шутинок, кажется Костя Яшкин, поймал ее, перевязал, а затем украсил ее грудь добрым десятком немецких сердец. Собачонка бегала по деревне всем на потеху. А Костя балагурил:

— Награждена как пострадавшая, вместо мази летчика, который расстрелял все патроны, а попал только в собачку...

Где-то в Екимовичском районе партизаны обнаружили крупнокалиберное зенитное орудие без прицела, притащили его на тракторе в лес, что около Болоновца, подвезли туда снарядов и приготовились встретить непрошеного гостя. Нашлись у нас и зенитчики. И вот, как всегда, спозаранку, появился фашистский самолет. Шел очень низко. И вдруг около него один за другим стали рваться зенитные снаряды. Немецкий летчик измыл в поднебесье. С тех пор ни один самолет не появлялся над Болоновцом на бреющем полете.

В другой раз партизаны из батальона Николая Грачева сбили из пулеметов и винтовок немецкий штурмовик. Это тоже послужило хорошим уроком врагу.

Однако обстановка все накалялась. Вокруг нас образовалось плотное кольцо вражеских гарнизонов. Противник все чаще нападал на полк, и притом солидными силами. 20 апреля П. А. Белов сообщал Г. К. Жукову, что в районе Ельни сосредоточено до полка вражеской пехоты, 500 кавалеристов с танками и артиллерией. В районе Балгутино также находилось до полка пехотинцев гитлеровцев. Начиная с апреля народные мстители почти ежедневно вели бои с фашистами. Некоторые наши внутренние дороги стали опасными для про-

езда днем. К этому времени мы восстановили несколько автомашин, и в том числе «эмку», у которой вместо металлического капота была натянута плащ-палатка. Когда «эмка» двигалась, концы плащ-палатки трепетали по ветру, как крылья сказочной птицы. И если только она или какая-либо другая машина появлялась на пути из Мутища в Зуи или Клин, то немедленно начинался артиллерийский и минометный огонь. Гитлеровцы не только хорошо пристрелялись к дороге, но имели наблюдательный пункт на колокольне где-то в ближайшей деревне.

Однако наш шофер Закир был виртуозом своего дела. Он то стремительно бросал машину вперед и несся на бешеной скорости, то неожиданно останавливался. В результате немцам ни разу не удалось подстрелить нас даже днем. Но ездить днем по опасным дорогам мы все же запрещали, чтобы не рисковать без нужды человеческими жизнями.

Наш полк продолжал наносить удары по врагу. 29 апреля Совинформбюро сообщило: *«Партизанский отряд «Лазо» атаковал и разгромил колонну немецкой пехоты, двигавшуюся по большаку между двумя населенными пунктами Смоленской области. Немцы потеряли убитыми свыше 170 солдат и офицеров. Партизаны захватили 4 станковых и 3 ручных пулемета».*

Через четыре-пять дней в газетах появилось новое сообщение Совинформбюро:

«Партизанский отряд «Лазо», действующий в одном из районов Смоленской области, за последние три недели боев нанес серьезный урон немецко-фашистским оккупантам. Партизаны совершили несколько налетов на подразделения немецких войск и истребили свыше 600 гитлеровцев, 89 немецких солдат взяты в плен. Отважные советские патриоты уничтожили 15 автомашин с пехотой и военными грузами, взорвали 2 моста, вещевой склад и склад с боеприпасами. Разгромив охрану немецкого обоза, партизаны захватили 60 подвод, грузенных пулеметами, винтовками, пистолетами и патронами, и 300 комплектов обмундирования».

За скупыми словами сводок Совинформбюро скрывались ожесточенные бои, жертвы, героизм партизан. В прошлое ушла былая робость перед врагом, жизнь настойчиво разбивала миф о его непобедимости. Пар-

тизаны чувствовали себя настоящими хозяевами в тылу оккупантов и держали их в постоянном страхе. Враги узнали, что партизаны могут не только хорошо обороняться, но и неожиданно, смело нападать.

Однако не обошлось и без осложнений. Наличие у противника танков, авиации, артиллерии, его непрерывные удары по партизанскому краю, угроза решительного наступления крупных сил гитлеровцев — все это создавало у некоторых партизан гнетущее чувство неуверенности. Пришлось провести серьезную разъяснительную работу, подготовить и разослать в подразделения специальную инструкцию о том, как бороться с танками и привести в боевую готовность собственные танки. Все это дало положительные результаты. Партизаны били фашистов, наступавших при поддержке танков и авиации, так же успешно, как раньше.

Однако в семье не без урода. Нашлись и у нас слабовольные, трусливые люди, а трусость — родная сестра предательства. Особую тревогу и возмущение вызвал у нас случай дезертирства командира взвода Елифанова, по кличке Борода. О приеме его в отряд я рассказывал выше. Елифанов понимал, что предстоит тяжелые бои, и дрожал за свою шкуру. Как-то майским вечером он вместе со взводом покинул занимаемые позиции. Чтобы партизаны не уличили его, предатель сказал бойцам:

— Бати поручил нам незаметно уйти в Брянские леса, провести разведку и выяснить возможность перебазирования в те края всего полка, если немцы предпримут массированный удар. После разведки вернемся назад. Только уйти надо незаметно, чтобы не вызывать паники у остальных партизан. Таков приказ командира полка.

Партизаны поверили Бороде.

Об исчезновении целого взвода мы узнали несколько часов спустя, на рассвете. Срочно приняли меры, чтобы разыскать беглецов.

Во все концы поскакали разведчики, связные, все подразделения были извещены о случившемся по телефону. Мы опасались, что Елифанов попадет в руки врага и раскроет наши тайны.

Очень сильно взволновал этот случай Казубского. Он ни на минуту не отходил от телефона. Однако ве-

сти поступали неутешительные: Борода как сквозь землю провалился.

Если партизаны плохо знали Бороду, своевременно не раскусили его подлую душонку, то он хорошо знал партизан и отлично понимал, что они все вокруг перероят, чтобы найти дезертира. Понимая, что за одну ночь далеко не уйдешь и даже не выберешься из района, занятого полком, предатель решил углубиться в дремучий Нарышкинский лес и там переждать несколько дней. Борода полагал, что партизаны, которых он обманым путем увлек за собой, будут слепо повиноваться ему. Вот тут-то и получилась осечка.

По указанию командира взвод миновал несколько сел, занятых не только своими, но и немцами, и нигде не вступил в бой с врагом, хотя для этого были подходящие случаи. Партизаны насторожились. Главное же, что вызвало у них подозрение в предательстве Бороды, было то, что они так и не вели разведки, а попросту притаились в дремучем лесу, как какая-нибудь банда «зеленых». (В наших местах зимой и весной встречались такие банды, но мы быстро выловили их.)

Почувствовав, что они ничем не отличаются от банды «зеленых», бойцы дезертировавшего взвода решили потребовать от Бороды разъяснений. Они договорились между собой, если опасения подтвердятся, арестовать Бороду и доставить в штаб полка. Они знали, что человек он отчаянный и пойманный с поличным пойдет на все, чтобы спастись. Посоветовавшись, решили взять его утром.

Как только взошло солнце, предатель, ничего не подозревая, в одной нижней рубашке побежал умыться к веселому лесному ручейку. Маузер был при нем. Не успел Елифанов наклониться к воде, сзади раздался окрик:

— Борода, руки вверх, не шевелись! Буду стрелять!

Дезертир понял, что его песенка спета и решил защищаться до конца. Бросившись в сторону, он на ходу выхватил маузер и в упор выстрелил в окликнувшего его партизана, но поторопился и промахнулся. Второго выстрела предатель сделать не успел: его прошла короткая автоматная очередь.

Не теряя времени, бойцы, прихватив труп своего бывшего командира, двинулись в ближайшее располо-

жение партизан. Там их задержали до выяснения обстоятельств. Командир батальона Н. И. Грачев никогда не видел Бороду. Нам немедленно донесли по телефону о случившемся. Мы с Казубским помчались в батальон. В убитом сразу признали Елифанова. Многие партизаны его взвода нам тоже были знакомы. Они просили, чтобы их публично судили партизанским судом. Суд оправдал их. Позднее в боях с фашистами эти партизаны полностью искупили свою невольную вину.

ПОРУБАТЬ И ШЕВЕЛЕВО

Конец апреля и весь май прошли в боях. В журнале боевых действий полка ежедневно появлялись записи о небольших стычках и о довольно крупных ударах по врагу. Особенно жестокие схватки с гитлеровцами разгорелись накануне 1 Мая. Во всех подразделениях прошли торжественные собрания и предпраздничные митинги, народ горел желанием по-партизански встретить Первомай. Командование полка приняло решение занять деревню Порубань, где стоял фашистский гарнизон численностью в двести человек, а также перерезать дорогу из Спас-Деменска на Ельню и Смоленск. Атаковать Порубань поручили батальону старшего лейтенанта Володи Медведченкова (комиссар Михаил Кругликов, начальник штаба Ростислав Владимиров). Перед тем партизаны выбили немцев из деревни Пиратино, уничтожив при этом 53 фашистов и захватив богатые трофеи. Почти в то же время батальон Грачева разгромил крупный отряд полицейских в деревне Ковали, Рославльского района. Удары по врагу наносились со всех сторон и почти одновременно. Ему приходилось дробить свои силы.

Перед атакой комбат сказал Казубскому:

— Я, Батя, несколько раз пытался взять Порубань. Если не возьму и сегодня, то не вернусь...

Батальон Медведченкова одержал блестящую победу. От имени бойцов Володя подарил своему бывшему школьному учителю Казубскому серого в яблоках рысака, а мне — чудесного гнедого жеребца. На конях были новенькие английские седла. Моего гнедого партизаны окрестили Немцем. Впоследствии он сослужил нам большую службу.

В Порубани удалось захватить много документов. Левка Ротенштраух немедленно их перевел. Оказывается, гитлеровцы прилагали судорожные усилия, чтобы выяснить нашу численность, вооружение, места дислоцирования и характер укреплений. Нам стало также известно, что в полк направлены агенты врага. Но это неприятное открытие не явилось для нас большой новостью. На сей счет у нас уже были и собственная информация, и предупреждение командующего Западным фронтом Г. К. Жукова. Не раз получали мы и другие тревожные сигналы, указывавшие на то, что оккупанты готовятся к серьезным боям. Познакомились мы и с любознательной инструкцией, составленной военным комендантом Порубани и предназначенной для солдат, ведущих борьбу против партизан. Эта инструкция требовала:

«а) Производить счет стреляных гильз, оставленных на поле боя, и по ним судить, из какого вида оружия партизаны вели огонь.

б) Подсчитывать упаковку индивидуальных перевязочных пакетов, и по этому судить о количестве раненых партизан.

в) Следить за лаем собак, это даст знать, в каком направлении отходят партизаны.

г) Не пользоваться оружием, захваченным на поле боя, без тщательной проверки в мастерской, так как оно может быть заминировано».

Да, враг серьезно готовился к схватке, и вскоре мы убедились в этом. Пытаясь разведать нас боем, оккупанты при поддержке артиллерии и танков предприняли 1 мая наступление на деревни Лосиное и Сухой Починок. Вновь пришлось отбиваться батальону Володи Медведченкова. Партизаны выстояли, враг с потерями отступил.

В ответ мы немедленно напали на гитлеровцев во многих местах. 2 мая партизаны устроили засаду не вдалеке от Балтутина, в деревне Берники и уничтожили восемь фашистских солдат. В Глинковском районе взорвали мост на большаке. В тот же день батальон Николай Грачева устроил засаду на Варшавском шоссе. Здесь удалось подорвать три автомашины и уничтожить более ста фашистских солдат и офицеров. Партизаны потерь не имели. В этих вылазках приняли

участие представитель штаба Западного фронта батальонный комиссар А. И. Разговоров и начальник штаба полка И. Т. Хотулев.

Чувствуя, что назревают грозные события, мы, в свою очередь, усилили разведку.

Все труднее стало пробираться в Ельню. 14 мая 1942 года комендант полевой комендатуры города издал приказ, в котором, между прочим, указывалось:

«Для охраны города и целей, имеющих военное значение, приказывается следующее:

Запретные часы для гражданского населения устанавливаются от 20(8) час. вечера до 5 час. утра. В эти часы население должно быть в своих жилых помещениях... Лица, не выполняющие вышеизложенного, будут расстреляны.

Затемнение с теперешнего времени будет контролироваться отделом службы порядка. Невыполнение приказа о затемнении в запретное время — строго карается.

Хожение между городом Ельней и прилегающими к нему деревнями строго воспрещается...

Пастыба коров между военными укреплениями строго воспрещается. Коровы с теперешнего времени должны пастись все вместе под наблюдением пастуха, который должен иметь удостоверение от военной комендатуры».

Ознакомившись с этим приказом, мы сделали для себя два вывода. Во-первых, что партизаны нагнали страху на оккупантов: не зря они понастроили вокруг города укрепления. И во-вторых, мы поняли: захватчики решительно никому не доверяют, видят в каждом человеке, даже в пастухе, нашего разведчика. Издаться они, пожалуй, были правы. Достаточно сказать, что текст приказа мы имели у себя уже на второй день после его появления.

Комендант был прав, проявляя осторожность, мы действительно максимально усилили разведку. Нам требовалось совершенно точно знать, что задумал враг, зачем сосредоточил вокруг нас большие гарнизоны, каковы его планы на будущее. Мы достоверно знали, что в гарнизонах появились части, снятые с фронта. Эти и другие ценные сведения мы получили благодаря взаимному обмену информацией с полком имени 24-й годовщины РККА и помощи штаба 2-й партизанской

дивизии. (Командование дивизии имело данные фронтальной разведки и разведки группы войск генерала Белова.)

Резко усилилась охота за «языками». И не случайно в эти дни можно было прочесть такие распоряжения по полку имени Лазо:

«30 апреля 1942 года. Штаб полка. Болонавец.

Приказ № 35

Всем комбатам.

Командир полка приказал в двухдневный срок поймать «языка».

Приказ № 50

4 мая 1942 года.

За поимку фашиста и доставку в штаб полка старшему хозгруппы 5 батальона Орлову и партизану Молчанову от лица службы объявляю благодарность.

Командир полка Казубский.

В отряде с первых дней его организации воевал бригадир колхоза «Новый путь», Малышевского сельсовета, Андрей Изотьевич Гончаров. В то время ему уже перевалило на шестой десяток. Это был скромный и даже застенчивый человек. То, что удалось сделать Андрею Изотьевичу, может показаться на первый взгляд просто невероятным. Он один захватил заместителя коменданта лагеря военнопленных города Рославля и группу полицейских из двенадцати человек во главе с начальником полиции.

А произошло это так.

В деревнях Борок и Белик, Стодольщинского района, постоянно находились крупные отряды полицейских. К весне 1942 года немцы стянули туда несколько сот человек и организовали школу младших командиров и разведчиков. У нас давно чесались руки разогнать это осиное гнездо. В мае отряд под командованием Федора Пилова и Саши Спивака получил задание разгромить гарнизон полицейских в деревне Борок. Партизаны напали ночью, неожиданно, полицейские в панике стали разбегаться. Пилон с Сережей Голиковым вбежали в дом, из которого только что выскочили несколько полицейских. Хозяйка дома Евдокия Афанасьевна Добровольская, мать коммуниста Володи Добровольского, указала глазами на пол, давая знать, что там кто-то прячется. Сережа Голиков приподнял половицу и при-

кавал вылезать. Один полицейский вылез, а второй, считая сопротивление бесполезным, там же, под полом, застрелился. Воспользовавшись суматохой, выбравшийся из-под пола полицейский (это был начальник полиции) шмыгнул за дверь и убежал.

Несколько минут спустя Андрей Изотьевич Гончаров, оказавшись несколько в стороне от основных сил отряда, заметил пробирающуюся из села группу полицейских. Выбитые из деревни, они разбегались, кто куда. Гончаров был один. Что делать? И он рискнул.

— Спивак! — громко скомандовал он. — Заходи со своим взводом справа! Лахматов, пулемет к бою! Остальным приготовиться к атаке.

Команды были поданы так решительно, что полицейские подумали: они окружены. На это и рассчитывал смекалистый партизан.

— Вы окружены, — спокойно сказал Гончаров полицейским. — Сопротивление бесполезно. Бросай оружие! Руки вверх! За попытку к сопротивлению — смерти!

Среди этих «вояк» оказались бежавший из дома Добровольской начальник полиции и заместитель коменданта лагеря военнопленных города Рославля...

Андрей Изотьевич Гончаров многие годы после войны жил и трудился в родном селе. Вместе с орденом Красной Звезды он бережно хранил выписку из приказа по полку имени Сергея Лазо:

«Выписка из приказа № 50

по партизанскому полку имени Сергея Лазо

от 4 мая 1942 года

§ 3

За поимку заместителя коменданта лагеря военнопленных г. Рославля и группы полицейских во главе с начальником полиции и доставку их живыми в штаб полка партизану Гончарову Андрею от лица службы объявляю благодарность.

Командир полка имени С. Лазо
Казубский

Военком полка
имени С. Лазо
Юденков

Выписка верна.

Начальник штаба майор Хотулев.

6.10.42 года.

Партизан Гончаров не придавал особого значения этому случаю. Когда он слушал слова благодарности, его лицо и вся фигура выражали смущение. Казалось, он говорит: «А что, собственно, произошло? Ну, поймал и поймал, как же иначе? Ведь они только полиция, а я — партизан!» Думаю, что и к самой войне Андрей Изотьевич относился так, как привык относиться к любому порученному делу: «Неприятное, мол, это занятие — война, да ведь что поделаешь — надо...»

Немало добывали мы сведений о противнике. И все равно их было явно недостаточно. Когда к середине мая бои в нашем районе несколько поутихли, в штаб 2-й партизанской дивизии направились сначала Казубский и его заместитель Зыков, потом начальник штаба полка Хотулев, затем Гусев, а позднее там побывал и я.

Перейти на территорию, занятую полком имени 24-й годовщины РККА, где в то время находился штаб 2-й партизанской дивизии, было делом нелегким даже зимой, а тем более весной и летом. В населенных пунктах на всем протяжении Спас-Деменского большака и вдоль железной дороги из Ельни на Сухиничи располагались немецкие гарнизоны, от деревни к деревне постоянно двигались патрули. Несмотря на это, все мы с помощью разведчиков благополучно пробрались на территорию, занятую соседями, и так же благополучно вернулись обратно.

Во время пребывания в штабе дивизии мы познакомлись с ее командованием. Все они — и командир дивизии полковник Москалик, и начальник штаба Петр Иванович Русс, и комиссар Гумер Гарифович Янузаков, и все другие командиры — были военными людьми, многие из них участвовали еще в гражданской войне.

Как появилась 2-я партизанская дивизия?

В результате боев в тылу врага кавалерийские войска группы генерала Белова понесли значительные потери. За счет командования одной расформированной дивизии генерал Белов нашел возможным и необходимым выделить группу кадровых штабных офицеров для руководства партизанским движением. К тому времени в районе Ельни и была создана 2-я партизанская дивизия, в которую в течение двух месяцев входил и

наш полк под названием «5-й партизанский полк имени Сергея Лазо».

Командование нашего полка получило в штабе дивизии немало важных разведывательных данных и рекомендаций по реорганизации полка. Во всех подразделениях полка вводилась единая система информации, отчетности и т. д. Было даже распоряжение штаба фронта взять вновь созданные партизанские дивизии на все виды донольствия. Мы радовались, хотя в душе сомневались в реальности этого мероприятия. В действительности из этого ничего и не получилось.

Во время пребывания Казубского и Зыкова в штабе 2-й партизанской дивизии они впервые встретились с генералом Беловым. 22 мая Белов сообщил командующему Западным фронтом Г. К. Жукову: «Лично видел командира 5 партизанского СП (бывший Лазо). Его фамилия Казубский. Он сельский учитель, с ним заместитель — майор Зыков, кончивший академию им. Фрунзе в 1941 году».

Позднее в своих мемуарах генерал-полковник Белов писал, что Казубский произвел на него очень хорошее впечатление.

Белов поставил задачу создать в составе полка особую группу, которую затем превратить в полк и на этой основе реорганизовать полк в партизанскую дивизию. Вскоре такая группа была создана. Она носила название «Особый отряд капитана Ключева». Шла речь и о том, чтобы из состава нашего полка выделить специальные группы и направить их в район Рославль — Ершичи для развертывания партизанского движения в тех краях.

Во время моего пребывания в штабе 2-й партизанской дивизии комиссар дивизии Янузаков обстоятельно побеседовал со мною о состоянии политической и партийной работы в нашем полку, дал ряд советов, помог литературой и, в первую очередь, газетами, которые ценились у нас на вес золота. Доходило до того, что одно подразделение выменивало у другого газету на несколько горстей махорки, а то даже и на «языка»...

Казубского, Хотулева, Гусева и меня партизаны полка имени 24-й годовщины РККА встретили по-братски, радушно, и даже торжественно. В штаб дивизии, например, нас доставили на тройках в сопровождении

целого эскорта верховых. Но это лишь внешние признаки гостеприимства. Важнее было другое: сближавшая нас общность судьбы и чувство большого, нерушимого товарищества.

В штабе дивизии встретили мы старых друзей: Николая Рачкова (между прочим, и здесь, где он работал начальником штаба полка, его звали не иначе, как Колька-Кум), Евтиха Паничева, Николая Руденко, Гришу Вермана.

За несколько дней до отъезда Казубского в штаб дивизии мы получили письмо от Якова Петровича Валугева. После излечения бюро обкома партии направило его вместе с группой районных партийных работников в тыл врага. Валугеву предстояло организовать на освобожденной партизанами территории работу райкома партии и райисполкома, подобрать кадры партийно-советских работников. Обращаясь к Казубскому, Гусеву и ко мне, Петрович писал:

«Пользуюсь случаем и посылаю вам записку. Узнал, что вы собираетесь попасть к нам. Ждем с нетерпением. Все к встрече будет подготовлено. Одним словом, мне посрамим земли русской».

Посылаю вам первый номер районной газеты «Соц. путь» и два номера «Правды», в дальнейшем будем, по мере поступления газет, посылать вам.

Район сейчас работает вокруг задач, поставленных в передовице газеты.

Трудности у меня большие с печатанием, нет пишущей машинки, если есть возможность — пришлите машинку.

Ожидаю вас 15.V. Если возможно, подарите мне пистолет.

Привет всем.

С ком. приветом Я. Валугев».

Все мы несказанно обрадовались письму Якова Петровича. То, что он вернулся в район, говорило о многом. А пишущую машинку и пистолет мы ему, конечно, доставили с великим удовольствием.

Покончив с делами в штабе дивизии, я направился в райком партии. Странно это звучало тогда. Немецкий тыл кругом боя, а рядом, в крестьянской избе, как ни в чем не бывало работают райком партии, райисполком, редакция районной газеты.

Яков Петрович похудел, но он также бодр и весел. Вместе с ним прилетели председатель райисполкома А. С. Аписьков, третий секретарь райкома партии Клещев, редактор районной газеты Говоров, председатель райпотребсоюза Федин и заведующий райзо Панов. Еще первого апреля высадились они на аэродроме Большая Еловка. Дорогобужского района, а оттуда перебрались на территорию Ельнинского района. Дела у них шли хорошо. До моего приезда в райкоме побывал И. П. Гусев. Бюро райкома партии заслушало отчет Ивана Павловича о деятельности в тылу врага с момента оккупации района. Все, о чем он доложил, было горячо одобрено.

Во время моего пребывания в райкоме Валугев собрал бюро, и на основании решения партийного бюро полка имени Сергея Лазо меня приняли в члены партии. (Кандидатом в члены партии я состоял с конца 1940 года.) Для меня это был не формальный акт, а огромное событие.

На этом же заседании бюро были приняты в партию партизаны — лазовцы В. Ф. Ящемский, В. К. Саульченков и другие.

С помощью заведующего отделом обкома партии Трегубова райком развернул широкую политическую работу среди населения. Довольно регулярно стала выходить районная газета «Социалистический путь». Среди прессы, поступавшей с Большой земли, была и газета «Рабочий путь» — специальный выпуск областной газеты для жителей оккупированной территории. За малый формат партизаны называли ее «Малюткой». Издавалась «Малютка» по инициативе редактора газеты «Рабочий путь» А. П. Ряшина, который накануне войны был секретарем Смоленского обкома партии.

Свою работу райком партии строил исходя из того, что в ближайшее время начнется наступление войск Западного фронта и Ельнинский район, как и вся Смоленская область, будет освобожден от оккупантов. Среди трудящихся района прошел сбор средств в фонд обороны и на танковую колонну «Смоленский партизан». Только партизаны полка имени Сергея Лазо собрали в фонд обороны 350 тысяч рублей и 100 тысяч рублей сдали на строительство танковой колонны. По

указанию райкома успешно была проведена и подписка на Военный заем.

Между двумя частями района, разрезанными большим и железной дорогой, сильно охраняемыми врагом, налазилась постоянная связь. Мы довольно часто получали решения райкома, письма и поручения Валуева, распоряжения штаба дивизии. Одним словом, район, разделенный на две части, жил как единый организм.

Хотя и с горем пополам, но местные жители, поддерживаемые партизанами и беловцами, провели даже во многих освобожденных нами районах весенний сев. Этот факт расценивался как вклад в победу над врагом. Партийные и советские работники, местные жители, партизаны рассуждали так: собирать урожай осенью, а к тому времени район уже освободят советские войска. Значит, сеять надо.

К концу мая вокруг полка Лазо постепенно образовалось огненное кольцо врага. В это время из штаба Западного фронта, очевидно, по предложению командования 2-й партизанской дивизии, поступил приказ: полку имени Сергея Лазо занять пять деревень, расположенных на большаке, неподалеку от Ельни, и перерезать большак. Это позволяло приостановить оживленное движение войск и техники противника к фронту. Кроме того, при одновременном ударе с партизанским полком имени 24-й годовщины РККА, мы бы могли соединиться с ним и затем уже действовать компактно, всей 2-й партизанской дивизией. В число деревень, которые нам предстояло занять, входили Рябинки, Шевелево, Саушкино, Самодурово и Титовка.

Разведка донесла, что в Саушкине, Самодурове, Шевелеве и Титовке укрепления слабые — окопы и блиндажи, зато в Рябинках фашисты построили бетонные и кирпичные доты и блиндажи, перекрытые сверху железнодорожными рельсами. Бой предстоял тяжелый. Предвидя это, командование полка выделило в помощь партизанам два танка.

Заняв исходные позиции, 2-й батальон в ночь на 3 июня молниеносной атакой овладел деревнями Шевелево, Саушкино, Самодурово, Титовка и Коробы, а также частью деревни Рябинки. Замысел командования был выполнен. Впервые, пусть на очень непродолжи-

тельное время, но наша партизанская дивизия соединилась. В Рябинках фашисты засели прочно. Рассчитывая на подкрепление из Ельни и Спас-Деменска, они сопротивлялись очень упорно. Бой затянулся до утра, но так и не удалось полностью овладеть Рябинками. К тому же из Ельни и со стороны Спас-Деменска на выручку осажденным прибыли подкрепления с танками, бронемашинами, артиллерией.

Оценив обстановку и ясно увидев, что до утра деревню Рябинки мы уже занять не сумеем, Казубский, находившийся в это время вместе со мною на командном пункте в деревне Средний Починок, отдал приказ: бой в Рябинках прекратить и отойти в Шевелево. Партизаны немедленно выполнили приказ. Но одна рота приказа не получила (погиб связной) и продолжала бой. Враги взяли роту в кольцо. К утру ее положение стало критическим. Нужно было выручать ребят любым способом.

Начинать наступление вновь было рискованно. Казубский послал на выручку партизанский танк под командованием бесстрашного танкиста Ильи Федоровича Ткачева.

Смело ринувшись на гитлеровцев, танкисты дали возможность роте отойти в Шевелево, но сами погибли. Позднее Ткачев был посмертно награжден орденом Ленина.

Гибель нашего танка воодушевила немецких танкистов, и они двинулись дальше, рассчитывая с ходу занять Шевелево.

Мы не знали о том, что так сложились дела, и обстановка на командном пункте полка в Починке была довольно спокойной. Но в это время наступил самый критический момент. Только благодаря решительности Казубского положение было спасено и все деревни, занятые нами в ходе боя, остались в руках партизан.

Сейчас, когда я вспоминаю тот день, невольно приходят на память слова В. Г. Белинского: «У всякого человека есть своя история, а в истории — свои критические моменты; и о человеке можно безошибочно судить только смотря по тому, как он действовал и каким он является в эти моменты, когда на весах судьбы лежала его и жизнь, и честь, и счастье. И чем выше человек, тем история его грандиознее, критические мо-

менты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее».

Казубский и до этого переживал критические моменты, но именно тот, о котором я собираюсь рассказать, был самым тяжелым.

Дело обстояло так. Чтобы не создавать излишнего скопления партизан в Шевелеве, Казубский приказал трем ротам отойти в соседние деревни и находиться в резерве. В Шевелеве должна была остаться одна рота.

Выполняя приказ, роты двинулись из деревни. Но их отход совпал по времени с наступлением немецких танков, которые начали обстреливать и деревни, и отходивших партизан. Попав под огонь, роты бросились к небольшому лесочку. Бойцы, оставшиеся в Шевелеве, не зная о приказе Казубского, восприняли отход своих товарищей как всеобщее отступление и тоже двинулись в сторону леса. Командиру полка нужно было немедленно действовать, и он нашел единственно правильный в тот момент выход.

В Починке стоял резервный танк. Казубский вскочил на него, стал впереди башни, ухватился за пушку и приказал танкистам закрыть люк и мчаться в Шевелево. Я успел взобраться вслед за Батей.

Танк ринулся вперед. Казубский выхватил маузер и несколько раз выстрелил в воздух, чтобы привлечь внимание отходивших партизан. По высокому росту и могучей фигуре бойцы издали узнали Батю и сразу поняли: отходить нельзя. Сначала по одному, затем группами и наконец общей лавиной партизаны повернули и бросились на Шевелево. На это и рассчитывал Казубский. Через полчаса положение было восстановлено.

Когда наш танк мчался на Шевелево, фашисты обстреливали его из пулемета. Шальная пуля ранила меня в ногу, и я свалился. Произошла небольшая заминка. Казубский приказал отправить меня на командный пункт полка. К счастью, ранение оказалось легким, а благодаря задержке танка на несколько минут не произошло столкновения с немецкими машинами. Не пришлось вступать с ними в бой и партизанам. И вот почему.

Весной наскочили на наши мины и подорвались несколько немецких танков. С тех пор танкисты врага

въезжали на территорию, занятую полком, с большой опаской, они знали: все танкодоступные места заминированы. Сейчас враги решили схитрить — пошли на Шевелево по следу, оставленному танком Ткачева. И оказались с носом. Словно предвидя такой оборот, партизаны на всякий случай заминировали след своего танка. От двигавшейся впереди вражеской машины осталась лишь груда дымящегося металла. Наступавший за танком десант наполовину был перебит, а уцелевшие гитлеровцы сдались в плен.

Когда партизаны вели пленных в Шевелево, из кустов вышел человек в немецкой форме. Подняв руку, он сказал: «Гитлер капут! Я — плен!» Леопольд Фейсель, австриец по национальности, лесоруб по профессии, в бою участия не принимал (это мы легко установили, заглянув в ствол его автомата). Фейсель подробно рассказал все, что знал о расположении и планах врага, сообщил, что давно искал случая сдаться в плен, показал фотографии членов своей семьи.

— Делайте со мной что хотите... Но поверьте, я не враг. Я не убивал русских и не хочу войны.

Посоветовавшись, мы оставили австрийца в полку и не пожалели об этом. Он оказался добрым, хорошим, смелым человеком. От немцев он ушел не из-за трусости, а совсем по другой причине. Еще в первую мировую войну старший брат Леопольда был в плену в России. Много хорошего рассказывал он дома о русских людях. И Леопольд сразу после мобилизации твердо решил, что не станет воевать против русских.

Так австриец Леопольд Фейсель стал советским партизаном. И если эту книжку случайно прочитают в Австрии, пусть передадут от нас, бывших партизан-лазовцев, горячий привет и низкий поклон семье Фейселя. Такие люди, как Леопольд, — гордость рабочего класса, верного хранителя традиций пролетарского интернационализма.

Бой в районе Шевелева не закончился тем, что вражеский танк подорвался на нашей мине, а десант был обезврежен. В тот же день произошел любопытный случай.

Выдвинувшись немного вперед, партизанская группа вела из рошницы огонь по врагу. Там находился Александр Андреев, недавно назначенный комбатом вме-

сто умершего от раны П. П. Симуховича. Фашисты решили взять рощицу в клещи. Тогда партизаны, почти все одетые в немецкую форму, незаметно отошли по приказу Андреева в сторону деревни. Гитлеровцы, наступавшие с двух сторон, начали бить друг друга.

В результате боя в районе Шевелева и Рябинок враг потерял только убитыми около 150 человек. Были потери и у нас — 25 партизан пали смертью храбрых, 45 получили ранения.

Занятые деревни мы удерживали до тех пор, пока не ушли в леса, хотя уже 3 июня противник бросил против нас 11 танков, 8 бронемашин, до 500 человек пехоты, наступавшей под прикрытием артиллерийско-минометных батарей, огонь которых корректировали два самолета. И несмотря на такую силу, все атаки врага были отбиты.

Наступило лето 1942 года. Это было тяжелое время и для партизан, находившихся поблизости от фронта, и для советских войск, отстоявавших Сталинград...

Мне запомнилась картина, которую видел в деревне Луки. Кругом битый кирпич, обгорелые бревна. Мрачно, как символ несчастья и нужды, торчит над пепелищем труба русской печи. И тут же рядом буйно цветет сирень. Извечно налаженная в природе жизнь текла своим чередом. В скворечнике на обгорелой березе хлопотун-скворец как ни в чем не бывало занимался своими делами. От таких картин на душе становилось грустно и тревожно...

Нам по-прежнему категорически запрещали покидать занятый район, хотя в штабе полка неоднократно высказывалось мнение о необходимости сменить место дислокации. Особенно рьяными сторонниками такого плана были мы с Хотулевым. Но приказ есть приказ...

А обстановка все усложнялась, участились схватки с врагом. Чувствовалось: немцы готовятся к большому и серьезному сражению. Тревога и напряжение как бы висели в воздухе. Пленные, захваченные во время боев в Шевелеве и Рябниках, в один голос утверждали, что с 7 июня 1942 года начнется общее наступление против партизан. Мы немедленно сообщили об этом в штаб фронта. Но и без показаний пленных мы знали, что уже к началу июня перед фронтом полка действовало 7 тысяч вражеской пехоты и более 20 танков.

Даже в антисоветской смоленской газетенке «Новый путь», обычно умалчивавшей о действиях партизан, появилась передовая с призывом бороться против партизан: *«Рассчитывая на нашу былую пассивность и доверчивость, большевики пытаются засылать к нам свою агентуру, сбрасывают листовки и т. п. Цель — устроить нас, создать среди нас нервозность и даже панику... Не пассивно слушать зловерные небылицы, а сдвигать германским властям на поверку каждого подозрительного типа — вот наш долг».*

Еще ничего определенно не зная, мы предприняли ряд мер к тому, чтобы нас не застали врасплох. Прежде всего еще раз заминировали все танкодоступные участки, при этом по берегам Десны создали мощные минные поля, которые могли в будущем сыграть роль серьезного прикрытия.

Почти у самого Мутищенского леса мы создали секретные склады артиллерийских снарядов и патронов, привели в полную боевую готовность все свои танки (теперь их было девять). Мы были глубоко убеждены, что гитлеровцы не имеют ни малейшего представления о наших танковых силах. В дальнейшем это предположение целиком подтвердилось.

Одновременно мы запаслись продовольствием и боеприпасами. Кое-что сумел прислать Западный штаб партизанского движения, возглавляемый секретарем Смоленского обкома партии Д. М. Поповым. В лесу были организованы резервные базы продовольствия и боеприпасов, а также госпиталь.

Меньше становилось раненых. Излечившихся от ран, но неспособных продолжать борьбу в тылу врага, мы направляли в штаб 2-й партизанской дивизии, а оттуда на самолетах — в советский тыл. Вообще-то у нас были и свои аэродромы в Мутище, Луках, Зуях, но там не могли принимать больших самолетов. Часть раненых, которых по тем или иным причинам нельзя было эвакуировать на Большую землю, мы направляли через линию фронта с надежными проводниками или размещали по деревням.

Оккупанты то там, то тут начали теснить наши подразделения. Вражеское кольцо вокруг полка сомкнулось и начало постепенно сжиматься.

Однажды со стороны Варшавского шоссе, смяв за-

слоны батальона Н. Грачева, в глубь расположения нашего полка прорвались немецкие танки. Возникла опасность, что буквально через час они могут появиться в деревне Заболотье, где находился крупный партизанский госпиталь.

Навстречу танкам Казубский немедленно направил на машине часть штабной роты во главе с Володи Присовским. Партизаны захватили с собою противотанковую пушку и большое количество противотанковых мин.

— Любим способом задержи танки, хотя бы на полчаса, — сказал Батя Присовскому, — а там мы им покажем!

— Не беспокойся, Батя, танки не пройдут!

Однако группе Присовского надо было добираться в объезд. За это время фашисты могут многое натворить. Учитывая это, Хотулев приказал по телефону подразделениям, находившимся на пути наиболее вероятного движения вражеских танков, сделать все возможное, чтобы задержать их.

Но и этого нам показалось мало. Я послал своего нового адъютанта бесстрашного Ваню Дуганова в Заболотье, чтобы эвакуировать госпиталь. Одновременно ему поручалось побывать в Зуях и переправить в лес наши семьи (Казубского, Гусева и мою). Гнедой Немец взвился на дыбы и понес Дуганова с такой скоростью, которую трудно было ожидать от него. Конь будто почувствовал, что от него многое зависит. Дуганов опередил Присовского и сделал все, что ему было приказано.

Группа Присовского достигла тем временем небольшого лесочка возле Заболотья. Услышав гул немецких танков, Володя оставил в лесочке машину, противотанковую пушку и артиллерийский расчет, а сам с несколькими партизанами бросился по лесной дороге навстречу врагу, предварительно приказав заминировать дорогу на случай, если танки все же прорвутся.

Партизаны залегли по обе стороны дороги в старых окнах. Им было приказано, как только приблизятся танки, подтаскивать под гусеницы с помощью телефонного кабеля и веревок противотанковые мины. Часть людей должна была обстрелять солдат и офицеров, сопровождавших танки, а также танкистов, если они начнут выскакивать из машин.

События развернулись так, как предвидел Присовский, и план его оказался очень удачным. Наши подорвали три танка, а остальные умчались в сторону Варшавского шоссе. Сколько надо было выдержки, самообладания, мужества, чтобы совершить такой подвиг.

Первый большой прорыв врага в наш партизанский край был ликвидирован без серьезных потерь с нашей стороны. Но впереди новые, большие испытания. В жизни и борьбе партизанского полка имени Сергея Лазо наступал самый ответственный момент: в начале июня разгорелись тяжелые, кровопролитные сражения советских войск и партизан на территории Смоленщины.

БЕЛОВЦЫ

Действия вражеских войск против подразделений полка имени Сергея Лазо были составной частью хорошо подготовленной операции гитлеровского командования против войск группы генерала Белова и партизан. Уже к 1 июня стало очевидным, что немцы предприняли не обычное, очередное, а общее наступление с целью ликвидации партизанских краев, образовавшихся почти у самой линии фронта.

В период с 24 мая по 1 июня противник захватил треть территории, которую занимали войска Белова и партизаны в районе Дорогобужа.

По замыслу Верховного Главного Командования Красной Армии группа войск генерала Белова была заброшена в тыл врага в конце января 1942 года, чтобы нанести удар по Вязме с тыла и вместе с войсками генерала Ефремова овладеть городом. Замысел был смелым. Немецкие генералы уже после войны утверждали, что в начале 1942 года они потеряли всякую надежду избежать окружения, и удивляются, почему наши войска не перерезали единственный путь снабжения 4-й немецкой армии под командованием фельдмаршала фон Клюге — Варшавское шоссе.

В этих боях корпус Белова понес значительные потери. Во всех пяти кавалерийских дивизиях вместе с 250-м воздушнодесантным полком насчитывалось не более 6000 человек, из них до 1500 раненых. Пополнять свои войска за счет партизан и местного населения Белов вначале не решался.

В то же время партизаны надежно прикрывали тылы и фланги его корпуса. 7 февраля П. А. Белов сообщал в штаб фронта: *«Различные группировки противника, имеющиеся в моем тылу и флангах, — это меня не беспокоит. Для охраны тыла используются партизаны».*

Позднее с помощью партизан генерал Белов провел в тылу врага мобилизацию и значительно пополнил свои поредевшие части. На территории, занятой нашим полком, также была проведена мобилизация, и мы направили в распоряжение штаба Белова до тысячи человек.

К началу июня 1942 года группа войск генерала Белова вместе с партизанами насчитывала около 17 тысяч бойцов.

Это была грозная сила, и враг понимал, что сломить ее будет нелегко. Не случайно гитлеровское командование для проведения этой операции вынуждено было снять с фронта два армейских корпуса. О размахе предпринятого противником наступления свидетельствует следующее заявление немецкого генерала Курта Типпельскирха, сделанное уже после войны:

«В тылу немецких армий русские планомерно вели партизанскую войну. Особенно беспокоящие очаги партизанского движения находились юго-восточнее Смоленска и по обе стороны Вязьмы. Для борьбы с ними в мае пришлось даже снять с фронта два армейских корпуса в составе нескольких пехотных и одной танковой дивизий. Русский генерал Белов имел в одном лишь районе Ельни 20 тысяч человек, которые постоянно перерезали коммуникации 4-й армии. Хотя в результате дальнейших операций удалось постепенно сузить большие партизанские области, находившиеся непосредственно за линией фронта, но все же приходилось все время для борьбы с партизанами снимать с фронта боевые части».

По свидетельству генерала Белова, всю весну и в начале лета 1942 года группа его войск ожидала наступления нашей 50-й армии, действовавшей в районе Спас-Деменска. Но наступление так и не состоялось: часть войск из состава армии была направлена в район Харькова.

Зимой и весной 1942 года не немцы нападали на

нас, а мы на них. Но в конце мая и начале июня противник обрушил на группу войск генерала П. А. Белова и на партизан огромную силу. Первый удар был нанесен 24 мая в районе Дорогобужа. Беловцы и партизаны уверенно отбивались.

5 июня Белов получил у командования фронта разрешение выйти с оккупированной территории на соединение с войсками фронта и решил прорываться через территорию, занимаемую полком имени Сергея Лазо. Это решение сам Белов объяснял так: *«Здесь противник был слабый, а южнее находился район, контролируемый подчиненным группе 5-м партизанским полком имени Лазо. По этому варианту быстрыми темпами мы должны были пройти через лесной район 5-го партизанского полка и, перейдя Варшавское шоссе, соединиться с нашей 10-й армией в районе Кирова. Этот вариант давал нам возможность избежать боя с крупными силами противника, пользоваться поддержкой партизан как близ Ельни, так и на подходе к Кирову».*

После многодневных кровопролитных боев корпус генерала Белова начал отход в район расположения ишского полка. Прямой связи с Беловым у нас не было, и мы свосились только через штаб Западного фронта. 7 июня ему сообщили нашу радиogramму: *«Белову. Передаем донесение Казубского, Юденкова».*

Перед фронтом полка противник сконцентрировал до 50 танков и большое количество пехоты. По показаниям пленного, принадлежащего 1 ПТМ штабной роты дополнительного батальона, 406 ПП, 403 ПД 7 июня ожидают крупного наступления.

Однако наше сообщение о скоплении в районе действий полка Лазо крупных сил противника уже не могло остановить двинувшиеся на прорыв части генерала Белова.

Проход основных сил группы был осуществлен между Ельней и железнодорожной станцией Гляйка. В ночь на 9 июня передовые отряды войск Белова вышли к большаку Ельня — Смоленск в районе деревень Берники, Нивки, Быки, то есть километрах в пятнадцати западнее Ельни.

Еще накануне, 8 июня, наш радист Спиридонович принял телеграмму от генерала Белова, посланную им

через штаб фронта: «Командиру 5 партизанского полка 7 июня с. г. 13 часов 30 минут.

В ночь на 8 и 9.6.42 г. главные силы группы прорываются ваш район направлении ст. Глинка, Соловеньки, Шатьково. Примите меры содействия особенно сторону Ельни и Балутино.

Белов, Щелоковский».

Чтобы выполнить требование командующего фронтом и генерала Белова и обеспечить проход войск в наш район, необходимо было занять деревню Быки и разминировать ближайшие минные поля.

Получив телеграмму, Казубский, Зыков и я немедленно выехали в штаб 3-го батальона, находившийся в деревне Щербино, чтобы лично поставить боевую задачу. Командир батальона Яков Семкин и комиссар Григорий Ратников поручили захватить деревню Быки старшему лейтенанту Федору Пялову. Атака была назначена в ночь на 9 июня. В батальоне остался заместитель командира полка Зыков, чтобы руководить операцией, а мы с Казубским выехали в штаб полка, так как гитлеровцы начали теснить наши подразделения с других направлений.

С этого памятного дня вплоть до 17 июня мы ни днем ни ночью не знали покоя. Усталые, законченные, в изорванной одежде, с воспаленными глазами и лицами, партизаны непрерывно вели бои. Невероятно тяжело было всем, от командира полка до ездовых и связных.

Конные полки генерала Белова заняли Берники, Нивки и начали наступать на Быки. Однако гарнизон деревни был наготове и встретил наступающих шквальным огнем. Врагу удалось отбить две атаки беловцев. В этот момент с тыла неожиданно для фашистов налетел отряд Федора Пялова. Ему удалось выбить противника прямо под клинки гвардейцев-конников. В несколько минут все было кончено. Лавина войск и партизан под покровом ночи двинулась в район, занятый нашим полком.

В бою за деревню Быки партизаны почти не имели потерь, а оборонявшие ее фашисты были полностью перебиты. Партизаны захватили противотанковую пушку, двенадцать пулеметов и несколько автомашин с продовольствием, из-за которых у Пялова возникло недора-

зумение с командиром кавалерийского полка, приказавшим сгоряча сжечь трофеи.

— У вас, наверно, всего вдоволь, — с обидой говорил Пялов, — а у партизан есть нечего, да и пушек противотанковых с прицелами нет ни одной...

Спор удалось уладить, и Пялов воспользовался трофеями. Относительно же того, что у беловцев «всего вдоволь», он был не прав. Уже в течение нескольких дней их беспрерывно бомбили вражеские самолеты. Конников и десантников постоянно преследовали вражеские войска. Люди невероятно вымотались, связь между подразделениями нарушилась, потерялись или отстали обозы...

Партизаны проводили прорвавшиеся части через леса, болота и минные поля в глубь своей территории. Беловцы двинулись по направлению к деревням Старые Луки, Болоновец, Мутище, Клин. На рассвете командира, комиссара и начальника штаба полка имени Лазо пригласили к себе Белов и Москалик. Мы сейчас же выехали в район Щербино.

За время войны нам пришлось наглядеться и на бои, и на бомбежки и самим попадать в большие переделки, но то, что мы увидели в деревнях Щербино, Соловеньки, Павлово и Березовка, оказалось неожиданным даже для нас. Еще издали мы слышали рев немецких «юнкерсов», взрывы авиабомб, артиллерийскую канонаду. В воздухе постоянно висело по пятнадцати — двадцати самолетов, пикировавших на деревни.

Навстречу нам попадались разрозненные группы усталых, голодных людей, стремившихся скорее оторваться от наседающего врага. Все леса кругом были забиты подразделениями войск из группы Белова. По пятам за ними следовали 221-я охранная дивизия, два батальона мотопехоты 19-й танковой дивизии с тридцатью танками и другие фашистские части.

И если обеспечить проход войск генерала Белова в наш район было сравнительно легко, то выполнить вторую задачу, поставленную командованием фронта, — прикрыть их отход, оказалось несравненно труднее. С живой силой противника мы еще как-нибудь справились бы, но на отступающие войска Белова, а следовательно, и на нас наседали танки. Участки, где прошли конники Белова, мы немедленно снова замини-

ровали. Но этого оказалось мало. Требовались противотанковые пушки. По счету их у нас было много, а прицелы имели только две. И все же мы отбивались из всех сил, стреляя по танкам врага прямой наводкой.

Партизаны должны были любыми средствами задержать на несколько дней наступающего противника. И мы сделали это, потеряв около семисот боевых друзей.

События развивались стремительно. Когда мы приехали в Щербино, там уже не оказалось ни Белова, ни его штаба, они переместились в леса, чтобы оторваться от противника и выскользнуть из-под массированных налетов авиации. Только к концу дня 9 июня мы повстречались с начальником штаба 2-й партизанской дивизии подполковником Руссом. Он предложил вернуться в штаб полка и уже оттуда попытаться установить связь с Беловым и его штабом. Мы согласились.

Теплым летним вечером мы наконец добрались до деревни Березовка. Дальше уже начинался Леоновский лес.

Не успели облегченно вздохнуть, как над деревней появилось три звена бомбардировщиков и начался крошечный ад. Сделав несколько заходов, фашисты сбросили более двух десятков крупных бомб. Загорелось несколько домов. Мы укрылись в старых воронках. Одна из бомб разорвалась у воронки, где притаились подполковник Русс, Шура Радьков и полнотрук одной из наших рот Неутолимов. Не обращая внимания на бомбежку, мы немедленно откопали товарищей, перенесли их в машину и окольными путями добрались до штаба полка. Всех их сильно контузило. Русса и Неутолимова отправили на самолетах в советский тыл. Шура Радьков, пострадавший меньше, эвакуироваться отказался. Вскоре он вылечился и продолжал сражаться, хотя долгое время плохо слышал.

Когда мы уезжали из Березовки, кругом горели деревни. Гигантские костры служили ориентирами для вражеских самолетов, летавших и ночью.

Исключительно стойко дрался 3-й батальон нашего полка, который в основном и задержал гитлеровцев. Это позволило беловцам, а также партизанам из полка имени 24-й годовщины РККА, из дивизии «Дедушка» и ряду других подразделений и отрядов, часть которых

оказалась вместе с беловцами в нашем районе, оторваться от противника. Измотанные до предела люди получили наконец возможность немного передохнуть, собраться с силами.

Однако первые дни связь между частями и подразделениями группы войск Белова была нарушена, так как бойцы оказались в незнакомом месте и подвергались постоянным налетам вражеских самолетов. Их наводили на цель шпионы-радисты, проникшие к нам вместе с корпусом. Из-за этого штаб Белова вынужден был несколько раз менять свое местонахождение.

В Мутищенском лесу мы обнаружили штаб генерала Баранова. Вокруг было полно войск. Мы оставили Баранову немного продовольствия и по его просьбе выделили стадо крупного рогатого скота, чтобы обеспечить мясом бойцов и командиров его группы. Баранов помог установить местонахождение штаба генерала Белова. Оказалось, он был совсем неподалеку, в лесу между деревнями Болоновце и Старые Луки. Мы вскочили на коней.

Вид у всех был довольно живописный. И я подумал, что в будущем при всем желании не смогу обрисовать эту картину. Впереди на сером жеребце мчится Казубский. На нем разбитые сапоги, зато новый немецкий автомат, сверкающий вороненой сталью, и прекрасный маузер. Начальник штаба Тимофеевич — в немецком офицерском френче, щегольски затянутом командирским ремнем с портупеей, на голове — красноармейская пилотка, а на боку — парабеллум. Адьютант Василий Васильевич по одежде — ни дать ни взять — немецкий офицер, только на голове, как и у Тимофеевича, — красноармейская пилотка. На мне черное кожаное пальто и фуражка пограничника с зеленым околышем.

И вот вся эта пестрая группа предстала перед генералом Беловым, окруженным несколькими полковниками, в числе которых были командир 2-й партизанской дивизии Москалик и комиссар Янузаков.

Поздоровались. Начальник штаба полка Хотулев по всем правилам военной субординации доложил, что происходит в районе, занятом партизанами. Сидящий генерал внимательно выслушал нас. Затем кратко обрисовал общую обстановку. Только тут мы с удивлением узнали, что против группы войск генерала Белова и пар-

тизан фашисты бросили до четырех пехотных и одну танковую дивизии. Основные их силы гонятся за Беловым по пятам. Мы должны всеми средствами продолжать задерживать противника. На поддержку беловцев рассчитывать не следует. Их задача — перейти линию фронта.

Мы попросили сузить район, занимаемый полком имени Лазо, чтобы бросить высвободившиеся силы на помощь 3-му батальону, попавшему под основной нажим врага. Белов ответил отказом.

— Район пока надо удерживать, так как оккупанты неизбежно станут в ближайшие дни наседать и с других сторон, — сказал он.

И это впоследствии подтвердилось.

Генерал не смог также выделить нам столь необходимые противотанковые пушки и ружья, так как группе предстояло прорываться через линию фронта в районе Кирова и оружие требовалось им самим.

Договорившись о дальнейших действиях и выяснив волновавшие нас вопросы, мы поспешили к своим.

3-й батальон под командованием Якова Семкина продолжал вести бои с оккупантами. На помощь ему были посланы несколько танков и одна рота. Больше сил мы выделить не могли: разведка донесла, что готовится круговое наступление врага. Партизаны 3-го батальона в первые же два дня подбили четыре танка противника, две бронемашинны, несколько автомашин и уничтожили большое число вражеских солдат и офицеров. Но и батальон понес большие потери. 11 июня комиссар 3-го батальона Ратников писал на имя комиссара полка: *«Сообщаю: наше положение тяжелое, целый день ведем бой, помощи нигде найти не можем. Сами отбить наступление немцев в количестве полка не можем. Срочно просим вас вмешаться и приостановить такие безобразия. Комиссар 3-го б-на Г. Ратников»*. Выдержать оборону на старых позициях батальон уже не мог и по нашему приказу в ночь на 14 июня отошел на новый рубеж, проходивший по берегу Десны.

Прорвав укрепленную линию партизанской обороны, гитлеровцы ринулись в глубь занимаемой нами территории. Вперед вырвались пятнадцать танков врага.

Партизаны их пропустили, а пехоту отрезали и уничтожили. Это на некоторое время задержало наступление противника. Перегруппировав силы и подбросив подкрепления, фашисты вновь атаковали батальон Семкина. Справа от него, от Строины до Ланна вдоль Десны, удерживал оборону особый отряд капитана Ключева. А еще правее сражался батальон под командованием Саши Андреева.

Вечером 14 июня противник силой до полка пехоты при поддержке нескольких танков и бронемашин повел наступление на отряд Ключева со стороны деревень Данино и Шуярово. Однако общими силами партизанам удалось задержать оккупантов еще на несколько дней. Большую службу сослужили нам минные поля, специально созданные по берегам Десны. Кроме того, мы использовали оставшиеся еще с летних боев 1941 года окопы, ходы сообщения, блиндажи и доты. Перед лицом нависшей опасности партизаны действовали дружно, дисциплинированно и упорно отбивали все атаки.

Тем временем войска группы генерала Белова немного отдохнули, привели себя в порядок, установили связь между частями и соединениями, постепенно стали сосредотачиваться в лесах, недалеко от шоссе Москва—Варшава. 16 июня около села Шуи они подошли вплотную к шоссе.

За несколько дней до этого возле деревни Зуи был создан временный аэродром, на котором принимали не только легкие, но и тяжелые транспортные самолеты с Большой земли. Они доставляли Белову боеприпасы и продовольствие. Шла срочная эвакуация раненых.

Немецкая авиация по-прежнему днем и ночью безнаказанно господствовала в воздухе и сковывала наши действия. Фашистам удалось разбомбить госпиталь в деревне Клин. Погибло много раненых.

Фашистские самолеты засыпали леса и села тысячами листовок, в которых утверждали, что сопротивление бесполезно, и призывали сдаваться в плен. Вот образец одной из таких листовок:

«Бойцы, командиры, политруки и комиссары частей Белова! Партизаны!

Вы окружены! Все наступления, предпринятые для Вашего освобождения, потерпели тяжелые кровавые

поражения. Ваши попытки прорваться через кольцо нашего окружения уже стоили Вам огромнейших кровавых жертв. Как только начнется немецкое наступление, Вы напрасно пожертвуете своей жизнью.

Подумайте о судьбе 33-й Армии и Ефремова!

Далее следовал призыв: *«Перебегайте к немцам!»*

Эта листовка имела единственную цель — посеять в наших рядах панику. Но успеха она не достигла. Мы продолжали упорно сражаться; верили, что победим. И победили.

Собранные в один боевой кулак 2-й и 3-й батальоны, а также отряд капитана Ключева прикрывали главную базу полка со стороны Ельни и большака Ельня — Починок. 15 июня в 16.00 противник начал наступление на всю территорию, занятую полком имени Лазо. На этот раз он обрушил свои основные силы на отряд Ключева. Партизаны держались стойко. Однако под нажимом многократно превосходящих сил гитлеровцев особый отряд стал отходить. Ключев с тревогой сообщил об этом по телефону в штаб полка. Казубский не приказывал, а попросил Ключева:

— Вася, Василий Петрович, друг! Продержись любыми средствами еще часа два. За это время мы эвакуируем раненых в лес, а там придем тебе на помощь танки.

С часу на час у нас заканчивалось полное восстановление мощного танка Т-34.

В критическую минуту, когда позвонил Василий Петрович Ключев, к нему для организации помощи поспежал начальник штаба полка И. Т. Хотулев, а я и Виктор Попов помчались к танкистам, чтобы поторопить их.

Отряд Ключева под напором танков и пехоты врага постепенно отходил к лесу. Создавалась угроза, что своим отходом он обнажит фланги 2-го и 3-го батальонов. И тут, в самый тяжелый момент, со стороны расположения штаба полка показался стальной богатырь, несущийся по полю на бешеной скорости.

Отступавшие партизаны решили, что это прорвались откуда-то с тыла немцы. Минутное замешательство, а затем общая радость: «Так это же наш, партизанский танк!»

Фашисты тоже приняли танк за свою машину. Во

всяком случае, они не предполагали, что после стольких дней боев у партизан еще сохранились танки. Только после того как в течение нескольких минут было уничтожено два противотанковых орудия и подавлено несколько пулеметных точек, гитлеровцы поняли, с кем имеют дело.

Лазовцам удалось задержать наступление немцев еще на один день.

Отряд Ключева вновь занял Поповку. У наших танкистов кончились пулеметные патроны. Пора было возвращаться на базу. Но ребята заметили удиравшую в сторону Ельни большую группу вражеских солдат и офицеров. На полной скорости танк бросился преследовать их. Немало врагов нашли свою смерть под гусеницами боевой машины.

На второй день Т-34 помог отряду капитана Ключева отбить две атаки врага. Во время последнего боя танк загорелся. Танкисты, возглавляемые местным жителем Ефимом Федоровичем Мироненковым, ликвидировали пожар, но через некоторое время пламя во второй раз охватило машину. Хотя и были приняты необходимые меры, сбить огонь не удалось. Партизаны лишились своего могучего помощника. В полку остались лишь легкие танки.

Наши силы подходили к концу, а немцы, не считаясь с жертвами, продолжали нажимать, и теперь уже не с одной, а с нескольких сторон.

В ночь на 16 июня бои были особенно ожесточенными. Незадолго до рассвета на мутищенском аэродроме приземлились шесть самолетов По-2, присланных за ранеными. Мы получили табак, немного продуктов и боеприпасов. В ту же ночь мы не успели отправить самолеты обратно: уже светало и лететь было рискованно.

Утром неожиданно прервалась телефонная связь с отрядом Ключева, несколько позднее — с батальоном Семкина, а затем и с батальоном Саши Андреева. Вскоре выяснилось, в чем дело. Ночью танки врага просочились между деревнями Моксак и Липня и ударили прямо на штаб Ключева в Передельниках. Часовой поднял тревогу, когда танки проскочили через мост и оказались в деревне. Отряд Ключева больших потерь не по-

нес, но отступал неорганизованно, фланги 2-го и 3-го батальонов оказались открытыми.

Семкин, не зная об отступлении Ключева, продолжал держать оборону на Десне. Сняв отдельные подразделения из отряда Ключева, два немецких танка ударили по батальону Семкина. В эту трудную минуту партизаны проявили чудеса храбрости и выдержки. Пропустив противника на левый берег Десны, они заняли переправу, заминировали ее и начали истреблять фашистов. На батальон наступало до семисот оккупантов. Мало кому из них удалось переправиться на правый берег. Потерял враг и танки, и несколько броневи-ков.

Но наш 3-й батальон был тоже обескровлен. Командиры или погибли, или получили серьезные ранения.

Едва батальон отбил эту атаку, как на него напали немцы со стороны Передельников. Дело было бы совсем плохо, если бы Косте Яшкину не удалось в последнюю минуту перед самым носом у врага взорвать мост через Десночок между деревнями Шатьково и Лапино. Это задержало гитлеровцев на некоторое время, и Семкин успел повернуть свои подразделения навстречу новым силам противника. Дело дошло до рукопашной, и более половины партизан батальона пали смертью храбрых, а многие были ранены, в том числе сам Семкин и комиссар Ратников.

Раненый комбат, его неразлучный друг и адъютант Леша Юденков и разведчица Шура исчезли куда-то в ходе боя. До нас дошли слухи, что их перебили фашистские автоматчики. Казубский приказал разыскать Семкина и его охрану, но поиски ничего не дали.

Наибольшие потери понес 3-й батальон, командиром которого после ранения Семкина был назначен Федор Пялов. Но тяжело пришлось и остальным. Как и следовало ожидать, фашисты ударили по обнаженному левому флангу 2-го батальона. Можно было бы отвести его к лесу, но в этом случае мы поставили бы под прямой удар деревню Мутище, а там на аэродроме находились шесть самолетов и наши раненые. Поэтому Саше Андрееву было приказано прикрыть хотя бы до вечера деревни Самодуровку, Федоровку. Старый и Новый Болоновец, Мутище. Батальон оставил деревни Шевелево и Починки. Бой с прорвавшимися немцами

завязались в деревне Федоровке. Враг потерял около двухсот солдат и офицеров и один танк.

Обороняться стало легче, так как позади был Мутищенский лес. И все же мы вскоре поняли, что силами батальона Саши Андреева не сможем сдержать оккупантов. В помощь Андрееву выделили роту из батальона Володи Медведченкова и часть штабной роты. Собственно, мы бросали в бой свои последние резервы. Было очевидно, что придется оставить партизанский край, который мы занимали в течение многих месяцев, и уйти в леса. Та же судьба постигла и наших соседей: восемь дней назад оставивших Дорогобуж и Глинку. Важно, как можно дольше задержать фашистов, чтобы успеть отправить на Большую землю раненых.

С помощью подкреплений батальон Андреева окружил оккупантов в деревне Федоровка и перебил их. Но немцы были уже рядом с Болоновцом, где размещался штаб полка. Вскоре их можно было ожидать и здесь. Несколько обнадеживало то, что все дороги к Болоновцу заминированы противотанковыми и противопехотными минами, которые безотказно взрывались...

Последняя ночь перед уходом в лес. Еще днем по приказу Казубского штаб полка переместился на новый КП в лесу, где заранее все было приготовлено, даже подключены телефоны.

Перед командованием полка встал вопрос: что делать с семьями? Решили обратиться к командованию фронта. Через несколько часов пришла телеграмма: *«Приказываю немедленно эвакуировать на самолетах в советский тыл семьи командования полка и партийных руководителей района. Высылаю 20 самолетов».*

В ночь на 17 июня последняя рота лазовцев прикрывала партизанский аэродром в Мутище, с которого улетали на Большую землю двадцать шесть самолетов. Первые шесть мы отправили как только стемнело. Остальные двадцать прибыли в полночь. К этому времени на аэродром привезли раненых, в том числе и Героя Советского Союза Васильева, оставшегося у нас после ухода войск Белова к «Варшавке».

Самолеты один за другим начали подниматься в воздух. Улетела жена Казубского с детьми. Еще два самолета ушли с ранеными. Затем следующий. На нем

эвакуировалась в Москву семья Ивана Павловича Гусева.

Неожиданно совсем рядом появились просочившиеся немецкие автоматчики и стали обстреливать аэродром. Их было человек пятьдесят. Штабная рота под командованием Володи Присовского немедленно заняла оборону, затем оттеснила гитлеровцев к лесу, поливая их огнем из автоматов, пулеметов и шести минометов.

Снова начали взмывать самолеты. Наступила очередь моей семьи. Прощаюсь с Наташей, плачущим Слаvoyчкой. Когда-то теперь встретимся?.. Самолет поднялся, сделал круг над аэродромом и взял курс на восток, на Москву.

На следующем самолете улетела моя мать и пятилетний братишка Женя. Двенадцатилетний Саша остался со мной, а об исчезновении Леши я матери ничего не сказал.

Перед рассветом последняя рота партизан покинула Мутище. Через полчаса наши подрывники взорвали в Болоновце мост и плотину на реке Деснок. Озеро хлынуло в проран и затопило все дуга вокруг. Мы ушли в лес.

Утром мы с Зыковым наведались в Болоновец. Немец там еще не было. Они боялись входить в деревню, опасаясь «сюрпризов» с нашей стороны.

Все, что нельзя было захватить с собою, — пушки, тяжелые минометы, оставшиеся без горючего и боеприпасов танки, мы взорвали, продовольствие роздали партизанам.

Наши разведчики донесли, что войска генерала Белова пошли на прорыв линии вражеской обороны в районе Кирова. Полк имени Сергея Лазо свою задачу выполнил — прикрыл беловцев и дал им возможность выйти в советский тыл. Правда, это дорого нам обошлось, но и фашистам мы нанесли ощутимые удары. На собственной шкуре они испытали, что такое война с партизанами. Гитлеровский генерал Гальдер записал в своем дневнике: «17.06.42 г. Идут сильные дожди. Кавалерийский корпус Белова действует теперь западнее г. Кирова. Этот человек все же заставил нас вести в действие в целом семь дивизий».

Подводя итоги борьбы с врагом за период, когда

наш полк обеспечивал проход войскам Белова, Совинформбюро 23 июня 1942 года сообщало: «Партизанский отряд имени Лазо, действующий в оккупированных немцами районах Смоленской области, в течение 10 дней вел упорные бои с немецко-фашистскими частями. Партизаны уничтожили до 2000 немецких солдат и офицеров, семь танков, семь бронемашин и 16 автомашин».

Таковы результаты этой тяжелой битвы.

О помощи, которую наш полк оказал его группе, П. А. Белов писал в книге «За нами Москва»: «После этого мне довелось видаться с Казубским еще два раза. В трудные дни, когда наша группа пробивалась из вражеского тыла на соединение с войсками Западного фронта, мы пересекли всю территорию, занятую его полком. Партизаны оказали нашим прорывающимся частям значительную помощь, прикрывая по приказу штаба фронта наш тыл. В течение десяти дней полк имени Лазо сдерживал врага, уничтожив до двух тысяч немецких солдат и офицеров».

Столь же высокую оценку дал лазовцам и первый секретарь Смоленского обкома партии, начальник Западного штаба партизанского движения Д. М. Попов. Выступая на X пленуме обкома ВКП(б) в конце 1942 года, он говорил: «Вот партизанский отряд «Лазо». Всю тяжесть немецкой экспедиции он принял на себя, больше того, он принял прикрытие выхода корпуса Белова и Казанкина. Отряд находился в особо тяжелых условиях, в осадном положении длительное время. Однако они не потеряли связи с населением. И этот отряд при поддержке населения выдержал всю тяжесть борьбы и прекрасно выполнил задачу, поставленную командованием по прикрытие отхода корпуса Белова и Казанкина, сохранил всю силу и продолжает активно бить немцев до сих пор».

Вот что значит связь с населением, вот что значит дружба с населением, вот что значит связь и поддержка населения».

Операция по прикрытие отхода группы войск генерала Белова является ярким примером взаимодействия партизан и регулярных частей в первый период войны. Впоследствии многие партизанские отряды блестяще осуществляли такое взаимодействие и оказа-

ли неоценимую помощь наступающим советским войскам.

Во время встречи в штабе Белова командование 2-й партизанской дивизии считало, что и наш полк после прикрытия войск Белова может идти через линию фронта. Но лазовцы не приняли это предложение, они решили продолжать борьбу в тылу врага.

После описанных событий из всех полков и отрядов, действовавших в Ельнинском, Глинковском, Выходском, Стодолиценском и Екимовичском районах, на оккупированной территории остались, по существу, полк имени Сергея Лазо и отдельные батальоны дивизии «Дедушка». Наш ближайший сосед — полк имени 24-й годовщины РККА на 10 августа 1942 года имел всего 48 человек. В ночь на 26 октября 1942 года отряд этого полка численностью в 26 человек вышел из тыла противника на участке 58-й стрелковой дивизии. Возглавлял отряд старший лейтенант Андрей Литвиненко. Вместе с ним вышли секретарь Ельнинского райкома партии Яков Петрович Валуев и председатель райисполкома Андрей Семенович Анисков. Остальные партизаны или ушли вместе с войсками Белова, или перебазировались в другой район, или самостоятельно мелкими группами направились через линию фронта, так как насыщенность вражеских войск в этом районе была чрезвычайно велика и вести с ними борьбу было очень трудно.

Численность нашего полка тоже сильно сократилась. Если в былые времена он насчитывал до четырех с половиной тысяч человек, то теперь вместе с ранеными в нем осталось около двух тысяч. Часть раненых в сопровождении партизан мы переправили через линию фронта.

Партизанам из местных жителей, достигшим преклонного возраста, командование полка разрешило вернуться в свои села и ждать сигнала. Немалое количество партизан, потеряв в ходе кровопролитных боев связь с основными силами, много дней, и даже недель, бродили небольшими подразделениями и в одиночку по лесу в поисках полка. Некоторые из них, решив, что мы перебазировались, ушли в другие районы, в том числе и в Белоруссию, и создали там самостоятельные отряды или присоединились к боевым белорусским партиза-

нам и еще долго сражались вместе с ними. Кое-кто попросту бесследно пропал.

Остатки полка разместились в Мутищенском, Леоновском, Нарышкинском и соседних с ними лесах. Полк продолжал жить, он был еще способен причинить немало неприятностей оккупантам.

Но воевать старыми методами мы уже не могли. Изменилась обстановка — надо было менять и тактику.

БЛОКАДА

Основные силы немецких войск, сбив наш полк с занимаемых позиций и вынудив его уйти в лес, двинулись быстрым маршем по пятам за отходившими войсками Белова. Но гитлеровцы опоздали, беловцы в основном уже перешли линию фронта. Судя по некоторым данным, оккупанты первое время считали, что им удалось покончить и с нашим полком. В лесах, по их мнению, бродили лишь отдельные небольшие группы партизан и беловцев, оторвавшиеся от своих частей, и покончить с ними будет нетрудно. Об этом, в частности, можно было судить и по сообщению антисоветской газетенки «Новый путь», издававшейся в Витебске. В номере за 22 июня 1942 года она сообщала: «В лесной местности на среднем участке фронта, позади германских линий, за последние недели германские части при поддержке авиации, уничтожили многочисленные рассеянные большевистские группы. Только за время с 1 по 10 июня в этих боях было взято 2700 пленных...

В тыловой области среднего участка Восточного фронта германские части 11 июня, несмотря на тяжелые условия местности, предприняли операции с целью рассеять неприятельские войска, которые, бросив тяжелое вооружение, отступили в леса. При очищении большой лесистой местности от рассеявшихся большевиков были уничтожены многочисленные лесные лагеря и несколько небольших неприятельских групп».

Одним словом, создавалось впечатление, что с партизанами в наших краях покончено.

Нам было очень выгодно, что враг так ошибочно оценивает обстановку. Вести бой с регулярными частями немецкой армии, присланными специально для этой

цели и располагавшими значительным количеством танков, артиллерии и самолетов, нам в те дни было не по плечу. Поэтому, уйдя в лес, мы затаились и делали все возможное, чтобы не обнаружить себя.

Командование полка запретило жечь костры по ночам. Их разводили из сухих дров только в очень солнечную погоду, когда дым и огонь не видны издали. Партизанам не разрешалось днем выходить на поляны, посещать деревни, ввязываться в серьезные стычки.

Разведка донесла, что вокруг леса сосредоточено большое количество фашистских войск и полицейских. Ими заняты все деревни, и в каждой стоит воинское подразделение. Даже на лесных дорогах и на опушках появились гитлеровцы и полицейские. Лес, правда, не прочесывали, да это и невозможно было сделать: он чересчур велик. Но засады против партизан оккупанты устраивали. Приходилось нам наткаться и на «кукушек». Враг обнаглел. Это было что-то новое. Раньше немцы в лес и поса не показывали.

Запомнился такой случай. В ту ночь, когда мы ушли в лес, основные силы полка разместились неподалеку от деревни Болоновец. Выставив усиленные караулы, разместились на ночлег. Из-за непрерывных боев нам не приходилось нормально спать. А тут кругом лес, теплая ночь, свежий воздух и тишина. В общем, отоспались вволю. Утром решили углубиться в лес. По карте определили место будущей дислокации и, растянувшись цепочкой на несколько километров, двинулись вперед, предварительно выслав разведку и выставив по сторонам боевые охранения. Приближаясь к лесной дороге из Клина в Луки, мы вдруг услышали автоматные очереди.

— Остановиться, соблюдать тишину, ничего не бросать! — полетело по цепи.

В голову колонны побежали начальник штаба Хотулев и Володя Присовский со своими орлами. Примерно через полчаса мы вновь услышали несколько автоматных очередей, винтовочные выстрелы, потом все стихло.

Оказалось, что на дороге немцы устроили засаду, а на высоких деревьях насажали «кукушек». Они-то и обстреляли наших разведчиков, хотя и не представляли, что за ними движется целый полк. Добравшись до

головы колонны и выяснив, в чем дело, Хотулев и Присовский приняли решение: засаду и «кукушек» уничтожить, не выпустить ни одного врага живым. Два партизана подобралась к «кукушкам», хорошо укрылись за деревьями и начали бить из автоматов. «Кукушки» отвечали. На это и рассчитывал Володя Присовский. Он послал в обход трех снайперов, которые сняли «кукушек», обнаруживших себя в перестрелке с нашими автоматчиками. Тем временем два взвода штабной роты перерезали пути отхода немецкой засаде и перебили всех карателей. Путь был свободен.

Когда отошли километра на три, из хвоста колонны прибежал мой ординарец Вася Емельянов.

— Зачем лошадей и барахло бросили? — растерянно спросил он.

— Кто бросил?

— Да ведь по цепи передали приказ все бросать.

Получилось недоразумение. Пока по колонне передавали шепотом: «Соблюдать тишину, ничего не бросать!», команду перепугали, и в хвосте колонны ее восприняли неверно. Пришлось на некоторое время остановиться и послать людей забрать брошенное.

Углубившись в дремучий лес, развели батальоны в стороны и разместили вокруг штаба полка и штабной роты на расстоянии около километра. В центре находились также госпиталь, радисты и некоторые другие службы и подразделения.

Партизаны — народ практичный. Сейчас же взялись сооружать из ветвей шалаши, причем сучья рубили не поблизости, а далеко, чтобы не нарушить естественную маскировку от немецких самолетов, которые то и дело появлялись над лесом. Особенно досаждала нам «рама». Как только она появлялась в воздухе, все у нас замирало.

Наша жизнь постепенно налаживалась. Беспрерывно вели разведку так, чтобы не попадаться на глаза оккупантам. Мало-помалу стали собираться отбившиеся во время сражений отдельные партизаны и небольшие подразделения. Иногда они сами находили нас, иногда им помогали в этом разведчики.

Однажды партизаны-разведчики натолкнулись в лесу на адъютанта и друга Якова Семкина — Лешу Юден-

кова. Голодный, чуть живой, он уже шестые сутки бродил по лесу.

Юный партизан поведал нам следующее. Когда Семкин был тяжело ранен, Леша и партизанка Шура нашли повозку, уложили комбата и повезли его по лесной дороге в госпиталь в Старые Луки. Однако деревню заняли враги, а госпиталь был эвакуирован. На лесной дороге они неожиданно натолкнулись на вражеских автоматчиков. Леша не растерялся, схватил автомат и открыл огонь. Это было столь неожиданно, что немецкие солдаты разбежались в разные стороны. Воспользовавшись замешательством, Леша и Шура перетащили Семкина в лес и спрятали в укромном месте.

Юные партизаны договорились, что Шура останется охранять комбата и ухаживать за ним, а Алексей будет разыскивать основные силы отряда. Он долго бродил по лесу, натыкался на вражеское охранение, отстреливался, снова насккивал на врагов и снова, отбившись, продолжал поиски...

Мы немедленно послали группу разведчиков на выручку Семкину. Лешке приказали отдыхать. Куда там!

— Батя, миленький, разреши и мне идти за Семкиным, — со слезами на глазах стал упрашивать паренек Казубского. — Без меня не найдут, а они с Шурой и так уже, наверно, умирают с голоду!

— Да куда тебе, Леша? Ты сам едва живой. Отдыхай. Наши орлы иголку в стоге сена и то разыщут!

Лешка все же упросил Василия Васильевича, но в пути силы оставили парня, и партизанам пришлось нести его на себе. Семкина нашли с помощью Лешы и вскоре отправили самолетом на Большую землю: ему необходимо было основательно подлечиться.

Лешу Юденкова по представлению Семкина и Осташева командующий фронтом наградил впоследствии орденом Красного Знамени.

С отрядами, разместившимися в соседних лесах, мы сразу установили связь через наших разведчиков и действовали по единому плану.

Вскоре к нам стали прибывать офицеры и солдаты из группы войск генерала Белова, которым по разным причинам не удалось перейти линию фронта. Так у нас

оказались командир кавалерийской дивизии подполковник Зубов, майор Солдатов и многие другие товарищи.

Связь со штабом фронта не прерывалась. На второй день после ухода полка в лес мы узнали, что наши семьи благополучно прибыли на Большую землю.

Мы сообщили штабу фронта, что к нам примкнули около четырехсот солдат, младших командиров и офицеров из группы генерала Белова. Штаб фронта приказал: из солдат сформировать партизанский отряд и направить его в сторону Починка и Рославля, а старший и средний командный состав эвакуировать на Большую землю.

Первую часть приказа мы выполнили без особого труда. С эвакуацией же комсостава дело обстояло сложнее. Лес был блокирован, чтобы соорудить посадочную площадку, требовалось вновь занять часть территории поблизости от леса. Пока вокруг леса было полно вражеских войск, об этом не приходилось и думать. Мы по-прежнему отсиживались в чаще, стараясь не обнаруживать себя.

После активных действий в течение мая и первой половины июня вынужденное безделье очень тяготило партизан. Нужно было чем-то занять их, отвлечь от невеселых мыслей. И газету, и радио, и кино, которых так не хватало людям, заменяли беседы. Единственной роскошью, которую мы себе позволяли, несмотря на ограниченное количество электропитания, был прием по рации сводок Совинформбюро. Их сейчас же размножали и направляли в батальоны. Но сводки приносили мало радости: наши войска вновь отходили, враг рвался к Волге.

В памяти партизан остались два человека, случайно оказавшиеся в отряде и быстро породнившиеся с нами: писатели Петр Жаткин и Борис Шатилов. Оба попали к нам при необычных обстоятельствах.

Однажды под вечер, как раз в те дни, когда все чаще стали прибывать отставшие от своих беловцы, наша комендатура, располагавшаяся метрах в трехстах от штаба полка, сообщила, что задержан неизвестный, который требует, чтобы его отвели к командиру полка. Хотулев, находившийся вместе со мной в штабном шалаше, сказал:

— Там какой-то писатель явился. Это по твоей части, комиссар. Разберись, ради бога, а то меня комендант замучил. Только не веди этого писателя сюда. Тут и так набралось до черта людей, которых мы совсем не знаем. Попадется немецкий шпион — вот тогда будут нам и «беловцы» и «писатели».

Захватив адъютанта, я направился в комендатуру. Слово «комендатура», конечно, звучит громко. Просто это был шалаш в лесу, где постоянно находились человек шесть партизан и телефонный аппарат. Сюда доставляли всех задержанных. Тут было партизанское «чистилище». Отсюда направляли кого в «рай», кого в «ад», а кого попросту выгоняли из лесу, предварительно завязав глаза и выведя на опушку.

Возле комендатуры, окруженный партизанами, стоял среднего роста мужчина, с интеллигентным лицом, одетый в несусветные лохмотья. На голове у него подобие берета, за плечами — мешок. Лицо чисто выбрито. По виду незнакомцу было лет около пятидесяти. Он рассказывал что-то веселое: все хохотали.

— Товарищ комиссар, это и есть писатель, — доложил комендант.

Незнакомец поклонился, протянул руку. Рука чистая, мягкая, рукопожатие крепкое. «Сейчас посмотрим, что ты за человек», — подумал я.

Вежливо спрашиваю, кто он такой и что ему нужно.

— Я член Союза писателей Жаткин. Прошу принять в отряд. Шел вместе с группой Белова через линию фронта, но перейти не смог, отбился от одной из частей.

— Не знаю такого писателя, да и наговорить можно всякое. Шпион ты, очевидно, а не писатель. Кто может подтвердить, что ты писатель? Кого знаешь из беловцев?

Жаткин назвал несколько имен. Никого из названных я не знал. Но это можно проверить: у нас было много командиров-беловцев. А пока надо хорошенько припугнуть «писателя» — пусть сам все расскажет.

Неожиданно Жаткин сказал:

— Максим Горький может подтвердить, что я Жаткин и состою в Союзе писателей.

Это уже была наглость.

— Ты чего дурака валяешь? «Горький может под-

твердить». А Горький давно умер. Не морочь голову, говори, кто такой, а то пожалеешь, да будет поздно.

Жаткин попросил нож. Он покопался в своих лохмотьях, распорол подкладку пиджака, вытащил небольшую красную книжечку и с лукавой улыбкой протянул мне. Это было удостоверение, подтверждающее, что Петр Лазаревич Жаткин действительно является членом Союза писателей. Фотография не оставляла никакого сомнения, что перед нами именно тот человек, который на ней изображен. А внизу действительно стояла подпись Максима Горького. Эффект был полный. Лично я впервые в жизни встретил «живого» писателя. Правда, раньше мне довелось два раза видеть Михаила Васильевича Исаковского. В тридцатых годах он приезжал в Ельню, где прошла его молодость и где он в первые годы Советской власти редактировал районную газету. Но то было в мирное время, совсем в другой обстановке. А тут лес, партизаны, блокада — и вдруг является писатель. Больше того, Жаткин заявил, что с ним прибыл еще один писатель — Борис Шатилов. Книг ни первого, ни второго я тогда не читал и даже не предполагал, что есть такие писатели на свете. Но делать нечего: раз сам Горький «подтвердил», то не пропадать же людям, придется взять их к себе, накормить, а потом будет видно, что к чему. Я повел Жаткина и Шатилова в штаб полка.

Казубский, Хотулев и особенно Зыков сначала восприняли их приход с большим неудовольствием: и так, мол, много нахлебников, а продовольствие подходит к концу, и добыть его пока нелегко. Однако общительность и неунывающий характер Жаткина сломали лед недоверия, к нему стали хорошо относиться. Он оказался замечательным рассказчиком, и партизаны с удовольствием часами слушали писателя.

Вскоре в отряде таким же путем появился еще один неожиданный человек — астроном, лектор Московского планетария Вениамин Штифиркин. Это тоже был человек в летах, но он не имел ни малейшего представления о жизни, а знал лишь свою астрономию. Мало-разговорчивый, даже несколько мрачный, но неизменно вежливый и предупредительный, астроном был полной противоположностью писателю. И несмотря на это, они быстро нашли общий язык. Сначала по собственной

инициативе, а потом и по нашей просьбе Жаткин и Штифиркин довольно интересно и умело заполняли досуг партизан.

Партизаны окрестили Вениамина Штифиркина Витаминном-Звездочетом. Имя Вениамин в наших краях редкое и непонятное, а вот слово «витамины» за последние месяцы у всех в зубах навязло. Дело в том, что употребление в большом количестве мяса при недостатке соли и хлеба, не говоря уже о витаминах, тяжело отразилось на здоровье многих бойцов. На почве авитаминоза в полку вспыхнул язвенный стоматит. Особенно сильно страдали от него малоподвижные люди, и в том числе Василий Васильевич Казубский. Десны у него кровоточили, зубы шатались.

Когда в лесах появилась черемша, мы ее ели в невероятных количествах и спаслись от неминуемой эпидемии. Короче говоря, слово «витамины» не сходило с наших уст. Этим популярнейшим словом и окрестили Штифиркина. Партизаны частенько незлобиво подшучивали над Витаминном, но он не обижался. Поводов же было больше чем достаточно.

Я уже говорил, что Штифиркин совершенно не был приспособлен к боевым условиям жизни. Другое дело Жаткин. Он быстро освоился, раздобыл котелок, построил шалаш. Партизаны то подбрасывали общительному писателю продукты из своего пайка, то приглашали к котелку.

Со Штифиркиным же сложилось по-другому. Через несколько дней я узнал, что астроном попросту голодает. Достать продукты было нелегко, а попросить он то ли боялся, то ли стеснялся. Я пожурил Харламповича, приказал взять Витамина на довольствие и выделять ему столько же продуктов, сколько получают все остальные. Паек, правда, был скудным, но с голоду никто не умирал.

Через несколько дней выясняется, что Штифиркин по-прежнему живет впроголодь. То, что можно было съесть всухомятку, он съедал, а мяса или супа не варил: не было котелка. Пришлось позаботиться и об этом.

Наступило время готовить аэродром для отправки на Большую землю офицеров-беловцев и наших ране-

ных. С этой целью мы вновь заняли деревни Старые и Новые Луки и поселок гортопа. Рядом с Луками было несколько полей. Подполковник Войт, оказавшийся в числе офицеров-беловцев, знал в этом деле толк. Обмерив однажды на рассвете поля, он пришел к выводу, что здесь вполне можно принимать небольшие самолеты. В Москву, в штаб фронта, полетели радиogramмы о том, что аэродром готов. Оттуда ответили, что каждую ночь будут высылать по десять По-2.

Началась эвакуация командного состава частей Белова. В числе первых вылетел майор Солдатов, возглавлявший по приказу штаба фронта офицеров-беловцев. Он составил график очередности отправки офицеров. Следить за отправкой, быть старшим по всем вопросам эвакуации Солдатов назначил меня. Хлопот с этим делом оказалось порядочно, но помаленьку все налаживалось.

Прибывавшие за беловцами самолеты обязательно доставляли нам что-нибудь из продовольствия и медикаментов. Но больше всего радовались партизаны, когда находили среди грузов табачок. С каждой группой беловцев мы эвакуировали и своих тяжелораненых.

Подполковник Войт сказал мне перед отлетом:

— Послушай, комиссар, отправь со мною своего братишку Лешку. Он еще ребенок, а впереди у вас тяжелые бои. Детское ли это дело? В советском тылу парнишка не пропадет. Обещаю, что помогу, а в случае чего — усыновлю, если вы с матерью не будете против.

Поразмыслив и посоветовавшись с Василием Васильевичем, я решил отправить на Большую землю и Лешу, и Сашу. К этому времени улетели почти все ребята, теперь пришла Лешина очередь. Я просил его передать привет Наташе, маме, поцеловать Славочку (я еще не знал о его гибели), а главное — заботиться о них. Лешка пообещал все исполнить в точности. Самолет набрал скорость, оторвался и вдруг кувырком полетел на землю. К месту аварии бросились партизаны, а я даже не мог покинуть взлетную площадку: приближался рассвет, мы торопились отправить оставшиеся машины.

Какова же была моя радость, когда через несколько минут ко мне подбежал живой и невредимый Лешка и сообщил, что самолет действительно разбился, но все

люди живы и нет даже раненых, все отделались ссадинами и синяками. Самолет, оказывается, зацепился за высокую ель. Леша и Саша улетели следующей ночью.

Во время эвакуации беловцев и после нее с самой лучшей стороны показали себя бесстрашные советские летчики. Летая под постоянным обстрелом, каждую минуту рискуя жизнью, они четко выполняли самые сложные задания. Особой любовью пользовался у партизан бесстрашный летчик Тимофей Ковалев, коренастый, добродушный, застенчивый смоленский парень. Памятной ночью 17 июня 1942 года именно его самолет взял в Мутищах Наташу и маленького Славочку. Недалеко от линии фронта самолет был подбит, но летчик мастерски посадил его на «ничейной» земле. Славочку убило осколком снаряда. Под вражеским обстрелом Ковалев доставил Наташу с мертвым ребенком на руках в ближайшую воинскую часть, а затем с помощью танкистов отправился выручать самолет и вытащил-таки его за линию своих окопов.

Ковалев еще много раз прилетал к партизанам. Позднее с ним улетел начальник нашего штаба Иван Тимофеевич Хотулев, вместо которого был назначен Николай Сергеевич Дупанов, молодой, образованный офицер, закончивший перед войной военно-химическую академию.

С Ковалевым на доклад в штаб фронта вылетал Михаил Остаев. Еще раньше, до прихода беловцев, с ним улетел батальонный комиссар А. И. Разговоров. Ковалев прилетал к нам и тогда, когда у нас не было аэродрома. Он сбрасывал грузы прямо на сигнальные костры. Чтобы не допустить ошибки, он, бывало, сплзится до самых верхушек елей, приглушит мотор и кричит:

— Эй, партизаны, волки лесные! Вы это или нет?

Партизаны, узнав Тимофея по голосу, хором отвечали:

— Мы!

— Черт вас разберет, а может, вы полиция? Кто у вас командир?

— Батя!

— А комиссар?

— Андрей!

— Ну что с вами делать? Получайте груз, хотя и не хочется вам его сбрасывать: поздно вы сегодня зажгли костры.

Когда мы ожидали самолеты, из штаба фронта по рации нам сообщали, какие должны быть сигнальные костры и ракеты. Каждую ночь сигналы меняли. Делалось это для того, чтобы немцы не засекли их и не посадили советские самолеты на свои аэродромы. Обычно сигнальные костры зажигали лишь после того, как слышался гул моторов. Случалось и так: зажжем костры, а самолет окажется вражеским, и тогда вместо ожидаемых грузов на наши головы летят бомбы.

Бывало и по-другому. Немецкий самолет-разведчик засекал сигналы партизан и сообщал о них на свои прифронтовые аэродромы. Там зажигали такие же костры. На эту хитрость иногда попадались наши летчики. Тимофей Ковалев, например, дважды садился на немецкий аэродром. К счастью, инстинкт опытного летчика подсказывал ему не выключать мотор. Сообразив, что произошла ошибка, Ковалев немедленно взмывал в воздух, оставляя с носом бегущих к самолету врагов. В этих случаях его машина прибывала к нам изрешеченная пулями.

В общей сложности Ковалев лично сделал 55 вылетов к партизанам, а авиаэскадрилья, которой он командовал, совершила 850 вылетов в партизанские отряды.

В ходе эвакуации командного и политического состава из корпусов Белова и Казанкина нам встречалось немало трудностей. Совсем плохо стало с продовольствием. 3 июля 1942 года мы сообщали Г. К. Жукову: *«Посадочную площадку Новые Луки исходу дня 2.7.42 г. противник взял свой контроль, занял ее окраину, поэтому принять самолеты эвакуацию начсостава ночью 3.7.42 г. не могли. Ведем поиски новой посадочной площадки.»*

Полагаю работу по эвакуации возобновить в ночь на 5.7.42 г.

В ночь на 4.7.42 г. самолеты для эвакуации комначсостава не высылайте.

Для частей Белова, Казанкина прошу усилить выброску продуктов, в том числе соли, махорки, спичек. Если не будет массовой выброски продуктов, положение питанием личного состава этих частей катастрофическое. Казубский, Юденков».

Об этом же радиовали штабу фронта и офицеры-беловцы. Но постепенно все трудности были преодолены. Эвакуация беловцев заканчивалась. Однажды ночью по-

следние офицеры, сопровождаемые партизанами, шли цепочкой по лесной дороге к аэродрому. Где-то посередине шел и я вместе с Ильей Кошаковым. Было тихо, лес дремал. И вдруг Кошаков вполголоса, очень задумчиво зашел:

Присядь-ка рядом, что-то мне не спится —
Письмо я другу нынче написал,
Письмо в Москву, в далекую столицу,
Которой я ни разу не видал.

Пусть будет ночь, пускай погода злится,
И пусть вступает сон в свои права,
Но я не сплю в дозоре на границе,
Чтоб мирным сном спала моя Москва...

Неизгладимое впечатление произвела на меня эта песня. И дело, очевидно, не столько в самой песне, а в словах, в том, кто ее пел и где. Мы действительно не спали, чтобы могла спать перед трудовым днем любимая столица Москва...

Самолеты ушли вовремя и благополучно. Той же ночью мы сняли наши посты, и партизанский аэродром перестал существовать. Практически он стал бесполезен. Немецкая авиация отлично знала его. Вокруг появились артиллерия, зенитки. И каждый прилет самолетов сопровождался бомбежками, артиллерийским обстрелом. Если нам в будущем понадобится аэродром, то мы его сумеем организовать в другом месте.

Ликвидируя аэродром у Старых Лук, мы, помимо всего прочего, хотели показать, что покидаем этот район. Заодно решили напасть на деревню Болоновец, выбить оттуда фашистов, добыть продовольствия. Там у нас было припрятано немало хлеба, а у жителей находился оставленный партизанами скот. А с продовольствием в последнее время стало совсем плохо: давно уже не было даже хлеба.

Еще тогда, когда мы отправляли последние самолеты с беловцами и тяжелоранеными партизанами, как-то рано утром Василия Васильевича разбудил майор из офицеров-беловцев и встревоженно сказал:

— Что делать, Батя? Есть нечего, люди начинают пухнуть.

Казубский вызвал Харламповича.

— Дело с продуктами совсем дрянь, люди начинают пухнуть от голода. Зарежьте лошадь Андрея.

— Что ты, Батя, да разве можно убивать такую лошадь! Ведь ей цены нет. Это чистокровный английский рысак. Я таких отроду не видел. Да и от комиссара что мне за это будет? Помнишь, как он меня за чарку самогонки в баню посадил? Не могу, Батя!

— Жалко, конечно, Немца, но что поделаешь: надо. А с комиссаром я поговорю сам, не беспокойся.

Немца зарезали и несколько дней продержались...

Нападение на Болоновец было назначено на полночь. Напросился пойти в бой и Вениамин Штифиркин. Я подарил ему наган, кто-то из партизан дал винтовку и научил его пользоваться. И вот мы подобрались к самой деревне. Ждем сигнала. Мы знаем, что сигнал будет ровно в полночь. Наши разведчики уже в деревне, но до полуночи еще часа два. Партизаны завернулись в плащ-палатки, в пиджаки и, укрывшись таким образом от комаров, дремали. Спал и Штифиркин. Кто-то решил над ним подшутить. Разбудили и говорят:

— Витамин, вставай, сейчас наступаем, уже были ракеты.

Штифиркин взглянул на звездное небо и спокойно ответил:

— Сейчас только без четверти одиннадцать, а нападение назначено на двенадцать.

Партизаны сверились по часам: точно. Вот так астроном! Минут через сорок шутку повторили. И снова Вениамин без ошибки определил время по звездам. Ребята прониклись к нему еще большим уважением.

В полночь в небо взвились ракеты. Мы довольно успешно провели бой и вернулись на свою базу с хлебом и скотом.

Подходило к концу наше вынужденное безделье. Основные силы врага ушли из Ельнинского района. Правда, оставалось еще много немецких карательных отрядов и полицейских, но расправиться с ними было проще. Наступал новый этап в боевой жизни полка. Условия сложились так, что продолжать борьбу крупным партизанским соединением стало невозможно. Надо было расформировать полк на более мелкие подразделения.

ПАРТИЗАНЫ МЕНЯЮТ ТАКТИКУ

Через несколько дней после налета на Болоновец мы ухитрились еще раз посадить самолет у деревни Старые Луки. Из штаба фронта для вручения наград прибыл полковой комиссар Бондаренко. Приказом по войскам Западного фронта от 9 и 10 июля 1942 года 310 партизан полка имени Сергея Лазо награждались орденами и медалями Советского Союза, в том числе 13 человек — орденом Ленина и 56 — орденом Красного Знамени. Среди награжденных орденом Ленина были Казубский, Гусев, Зыков, Хотулев, я, Иван Ткаченко (посмертно).

В течение 16, 17 и 18 июля в Мутищенском лесу на лесной поляне, окруженной могучими елями, происходило вручение наград. Это была большая радость. Омрачало ее только то, что многие из награжденных пали в жестоких боях с оккупантами. Я был очень болен и еле доплелся до места вручения наград, а речи произнести не смог.

Первым выступил полковой комиссар Бондаренко, поздравивший партизан с высокими правительственными наградами. Взволнованную речь произнес Василий Васильевич. Он подвел итоги боевой деятельности полка за полгода. Итоги оказались внушительными. Лазовцы уничтожили за это время свыше 9 тысяч фашистских солдат и офицеров, 22 вражеских танка, 11 бронемашин, 162 грузовика, сбили один самолет «Ю-88», подорвали большое количество мостов, вывели из строя многие линии связи. Благодаря партизанам в Ельнинском районе фактически не действовали ни железная дорога Смоленск — Сухиничи, ни большаки Ельня — Починок, Ельня — Спас-Деменск, Ельня — Рославль и Ельня — Дорогобуж. Сама Ельня в течение полугода находилась в партизанской блокаде. Для вражеского гарнизона этого города единственным средством сообщения многие месяцы являлась только авиация.

Любопытно, что в течение всего 1942 года и даже в начале 1943 года Ельнинский и Глинковский районы были недосыгаемы для фашистских ставленников из Смоленского окружного управления, так как в этих районах произошло всенародное партизанское восстание и власть находилась многие месяцы в руках партизан.

Фашисты и их холоуи не получили из этих районов ни сырья, ни продовольствия. И только в середине мая 1943 года, как о том сообщала фашистская газета «Новый путь», Смоленское окружное управление приняло Ельнинский и Глинковский районы в свое ведение. Таким образом, почти два года, несмотря на оккупацию, хозяевами в этих районах были не фашисты и их ставленники, а народные мстители.

За полгода боев партизаны-лазовцы взяли в плен около 150 вражеских солдат и офицеров, захватили более 500 подвод с различными грузами, много тысяч винтовок, автоматов, пистолетов, более миллиона патронов и снарядов. Обо всем этом Василий Васильевич рассказывал в своем выступлении. Об этом же мы написали в своих письмах Верховному Главнокомандующему и командующему Западным фронтом.

После Казубского слово брали Тютюнников, Харлампович, Богданович. Партизаны клялись, что в ответ на высокие награды будут еще беспощаднее бить врага.

Не обошлось и без курьезов. Когда зачитали список и стали вызывать награжденных, Александр Иванович Богданович, наш хороший скромный товарищ, начальник штаба одного из батальонов, расплакался и заявил:

— Какая-то ошибка вышла. Не могли меня наградить, да еще орденом Красной Звезды. А если и наградили, то ни за что. Знал бы Калинин — вычеркнул бы меня из списка.

Александр Ивановичу объяснили, что никакой ошибки нет и награда принадлежит ему по праву. Старый русский офицер встал на одно колено, принял награду, поцеловал орден и вновь заплакал.

Лазовцы сдержали клятву и в ближайшие дни нанесли врагу серьезный удар. А случаи для стычек представлялись почти ежедневно. Захватчики и их наемные помощники по-настоящему не представляли, сколько в лесу партизан, считали, что нас единицы, и обнагтели. С каждым днем группы врагов проникали все дальше в лес. Этого мы стерпеть не могли: лес — наша вотчина, да и период временного затишья кончился.

Однажды гитлеровцы дошли почти до штаба полка. Очевидно, их вел местный полицейский, хорошо знавший лес. По пути они натолкнулись на госпиталь. Бывшие в госпитале за старших Черкасов и военврач 2 ранга

Флоренский растерялись и отошли в лес, покинув раненых. И здесь произошло непредвиденное. Наш австриец Леопольд Фейсель бросился за пулемет и начал поливать огнем наступающих фашистов. Ему помогали выздоравливавшие раненые. Вскоре на помощь примчались бойцы штабной роты во главе с Володей Присовским. С другой стороны ударил Сережа Голиков, отважный разведчик из батальона Пялова. Враги не только вынуждены были бежать, но и потеряли много убитыми и ранеными.

О героическом поступке Леопольда немедленно узнали все партизаны. Казубский и я сейчас же направились в госпиталь. Прежде всего в присутствии раненых и партизан штабной роты и 3-го батальона мы поблагодарили Фейселя за верность и решительность. Казубский обнял и поцеловал его. Австриец так расчувствовался, что прослезился.

Затем стали разбираться, почему Черкасов, Флоренский и другие, которые обязаны были защищать раненых, покинули боевой пост. Разнос Черкасову был страшный. Он стоял, понуря голову, готовый провалиться сквозь землю. Прежде чем принять решение, Казубский посоветовался с ранеными партизанами.

— Черкасова простить нельзя, — сказал командир полка. — Он заслуживает смерти. Решайте, товарищи, сами.

В прошлом Черкасов хорошо сражался с врагом и имел большие заслуги. Партизаны знали это и единодушно выступили против смертной казни.

На второй день в госпитале и во всех подразделениях полка был зачитан следующий приказ:

Приказ № 88

1.7.1942 г. Мутищенский лес.

Обстановка усложняется, противник проникает в лес.

Приказываю:

1. Усилить охрану, оборону постов. Комбатам лично расставить засады на дорогах, просеках. Не допускать проникновения немцев в лес. Кто оставит без разрешения засаду — будет расстрелян.

2. За плохую охрану госпиталя военврачу 2-го ранга Флоренскому, комиссару Черкасову, командиру охраны Михайлову объявляю строгий выговор с предупреждением.

Предупреждаю, за подобный поступок в будущем — расстрел...

3. Назначить командиром госпиталя Шанина С. И.

4. Со всеми партизанами провести беседы, поднимая боевой дух каждого бойца и боеспособность подразделений в целом.

5. Приказ довести до всех бойцов.

Командир полка

майор Казубский

Военком батальонный

комиссар Юденков

Нач. штаба майор Хотулев

Помимо мер по усилению бдительности в полку были осуществлены и другие мероприятия. В частности, были заминированы все дороги, тропинки, танкодоступные места. Каких только сюрпризов не подготовил фашистам наш начальник инженерной службы инженер Иван Степанович Андрианов! Тут были и минные поля, и фугасы, и специальные приспособления на ветвях деревьев, у самой дороги. Стоит зацепиться за тоненькую проволочку, протянутую через дорогу, как на ветвях взрывается мина или фугас.

И. С. Андрианов был вообще замечательным мастером своего дела. Весной 1942 года нам никак не удавалось взорвать большой мост через Десну на шоссе Москва—Варшава недалеко от районного центра Екимовичи.

И вот там, где мы не могли решить задачу всем полком, ее просто и без потерь решил Иван Степанович, предложивший осуществить взрыв при помощи мин с часовым механизмом, пущенных на плотках под мост. Он точно рассчитал скорость течения воды, силу ветра, расстояние до моста. Предварительно было проведено несколько репетиций. Затем партизаны изготовили три небольших плотка, на каждый погрузили килограммов по сто взрывчатки. Ночью плоты бесшумно подвели к расчетной отметке, метрах в ста от моста, и через определенные промежутки времени стали пускать их вниз по течению.

Нам очень пригодилось, что плотов было именно три. Река у моста, оказывается, была перегорожена кольями, опутанными колючей проволокой. Взрывом первого плотка разметало все препятствия на пути к мосту. Саперы во главе с Иваном Степановичем находились в это время в укрытии. Андрианов очень тревожился, что от детонации полетят к чертовой матери и остальные плоты. Но

получилось просто здорово: взрывы второго и третьего плотов не только снесли мост, но и уничтожили его охрану. Движение к фронту по шоссе Москва — Варшава прекратилось на несколько дней.

И это только один эпизод из боевой практики Ивана Степановича. К глубокой печали всех партизан, вскоре после создания сплошных минных полей в лесу Иван Степанович подорвался, разбирая немецкую мину с секретом. Мы похоронили нашего дорогого друга в Мутищенском лесу. Ушел из жизни еще один хороший человек, беспощадно и с большим искусством боровшийся против врага.

Мы успешно отражали нападения захватчиков, и у нас было еще достаточно боеприпасов, на многих участках вокруг леса и в самом лесу были созданы неприступные и хитроумные минные поля, «сюрпризы», завалы, и все же мы чувствовали: долго не продержаться. Нужно было менять тактику. Это понимало командование полка, это хорошо представляли в штабе фронта и в Западном штабе партизанского движения.

Иногда и сейчас я слышу от бывших партизан, состоявших в отрядах, которые постоянно применяли рейдирование, что, мол, захват и длительное удержание партизанских краев, что оборона — это не партизанская тактика. Более того, в их речах нередко проскальзывает мысль даже об ошибочности подобной тактики. Не вступая в полемику, мне все же хочется высказать по этому поводу несколько соображений.

Я уже отмечал, что партизаны занимали районы, удерживали их и, используя различную тактику, перешли к обороне летом 1942 года не по собственной инициативе, а по приказу высших военных начальников. Не выполнить приказа мы просто не могли. Кто из партизан, осуждающих тактику существования крупных соединений и создания больших партизанских краев, пошел бы на такой шаг? Ясно, никто. Но полк имени С. Лазо действовал не обособленно, а являлся составной частью общих сил, громивших врага, и мы обязаны были выполнять требования военного командования.

Сто раз прав генерал-полковник П. А. Белов, когда пишет: «Партизаны перешли к обороне, удерживали районы

не по собственной инициативе, а по приказу высшего командования. Например, 4 мая 1942 года штаб Западного фронта радировал мне: «Вы с 4-м воздушнодесантным корпусом и партизанскими отрядами должны удерживать занятую территорию во что бы то ни стало. Донесите, что вам нужно для создания всех условий упорной и непреодолимой обороны».

Расчет командования Западного фронта был ясен. Оно надеялось осуществить летом 1942 года наступление на западном направлении. И если бы такое наступление состоялось, то советские войска получили огромную поддержку от беловцев и партизан и смогли бы почти без боя продвинуться в сторону Смоленска. Но наступление осуществлено не было. Группа Белова ушла через линию фронта. Партизанские края были ликвидированы. Действовать по-старому дальше было невозможно.

Еще 12 мая 1942 года бюро Смоленского обкома ВКП(б) обсудило вопрос о состоянии партизанского движения. Было принято специальное решение о направлении в Дорогобужский партизанский край оперативной группы руководящих работников в составе секретаря обкома партии тов. Пайтерова, работников обкома партии товарищей Трегубова и Калининной, секретаря обкома комсомола Винокурова, работника облисполкома тов. Залесского. Этой оперативной группе поручалось руководить работой партийных, советских, комсомольских организаций и колхозов, а также организовать партийно-массовую работу среди трудящихся оккупированных районов и партизан.

В этом же решении было сказано: «Обязать Дорогобужский, Глинковский и Ельнинский райкомы ВКП(б) и штабы партизанских отрядов «Дедушка», им. 24-й годовщины РККА и «Лазо» направить небольшие партизанские отряды в тыл противника на территорию Екимовичского, Рославльского, Куйбышевского, Стодолищенского, Хиславичского и Шумячского районов. Установить связь с имеющимися там партизанскими отрядами и организовать еще шире партизанское и повстанческое движение в этих районах, поднимая трудящихся на активную борьбу с немецкими оккупантами за освобождение районов от фашистских захватчиков».

Несколько позднее Центральный штаб партизанского движения, возглавляемый П. К. Пономаренко, и Смолен-

ский обком ВКП(б) дали в Дорогобуж тов. Пайтерову следующую директиву: *«Приступите к рассредоточению и выводу из района Дорогобуж — Глинка — Ельня не менее 50 проверенных в боях отрядов партизан по 40—50 человек в каждом с задачей дезорганизации тыла противника, нарушения основных коммуникаций, особенно железной дороги и автомагистралей Смоленск — Рославль — Брянск — Орел, Рославль — Кричев — Могилев. Обусловьте порядок связи с уходящими отрядами. Об обстановке в районах информируйте. Директиву доложите товарищу Белову. Обеспечьте исполнение директивы».*

Замысел был правильный и разумный. Однако осуществить его сразу не удалось: началось наступление противника на беловцев и партизан, развернулись жестокие бои.

За несколько дней до прихода в наш район частей Белова к нам прибыли из-под Дорогобужа Николай Семенович Шараев и Абрам Яковлевич Винокуров, направленные секретарем Смоленского обкома партии товарищем Пайтеровым.

«Большевистский привет вам, дорогие товарищи Казубский В. В. и А. Юденков! — писал Пайтеров.

К вам направляю от обкома ВКП(б) тов. Шараева Н. С. и от комсомольцев тов. Харитонову.*

Тов. Шараев имеет очень важное задание обкома ВКП(б), и в этом ему необходимо оказать помощь от вашего партизанского отряда Лазо. Просим вместе с тов. Шараевым направить небольшой отряд в глубокий тыл противника, а в этом есть необходимость.

Нам в обком ВКП(б) сообщили, что в Ершичском районе нашей области нет немцев, но там и не восстановлена Советская власть. Неплохо бы в Ершичи направить наших людей, установить власть Советов и расправиться с предателями Родины. Кроме того, там необходимо создать крепкий партизанский отряд, костяком которого явятся ваши партизаны...

Желаю успеха в боях против немецких оккупантов. Привет товарищам-партизанам партизанского отряда имени Лазо.

Секретарь Смоленского обкома ВКП(б) Пайтеров».

* В действительности вместо Харитоновой прибыл А. Я. Винокуров, работавший секретарем обкома комсомола. (Прим. авт.)

Два молодых парня, невысокого роста, крепко сложенные, жизнерадостные и вместе с тем серьезные в связи с возложенной на них ответственной задачей — такими предстали перед нами Шараев и Винокуров. Это были хорошие люди, беспрдельно преданные Родине и готовые отдать за нее жизнь.

В те дни об отходе Белова к линии фронта мы ничего не знали и жили довольно «спокойной», нормальной жизнью. Николай Шараев сделал в нашем полку доклад о решениях IX пленума Смоленского обкома партии. Пленум проходил в апреле 1942 года в Москве, в здании Музея В. И. Ленина, и рассмотрел вопрос о задачах областной партийной организации в Великой Отечественной войне, подвел итоги партизанской борьбы в тылу врага, принял решение еще шире развернуть партизанское движение, придав ему характер всенародной партизанской войны. В этом плане поручение, данное обкомом партии Шараеву и Винокурову, выглядело весьма важным. И командование полка было готово пойти им навстречу. Однако начавшиеся бои по прикритию войск Белова, а затем эвакуация беловцев на самолетах, эвакуация тяжелораненых, блокада и другие обстоятельства несколько задержали выделение отряда для Шараева и Винокурова.

Конечно, в создавшейся обстановке посылать в Ершичи «небольшой отряд», как писал Пайтеров, было нецелесообразно. Лес фашисты блокировали, полк со всех сторон был окружен плотным кольцом немецких и полицейских отрядов. В этих условиях в Ершичи мог успешно пройти (а дорога туда неблизкая и опасная) только крупный отряд, который и был послан несколько позднее.

Согласно приказу № 78 по полку имени Сергея Лазо от 23 июня 1942 года, с целью дальнейшего развития партизанского движения, расширения зоны деятельности и создания второй базы полка имени Лазо в районе Шумячи — Ершичи туда направлялся особый отряд капитана Ключева в полном боевом составе, со всем вооружением и имуществом. Командиром отряда был назначен старший политрук Г. И. Кезиков, комиссаром — Н. С. Шараев, заместителем командира отряда — В. П. Ключев, секретарем партбюро — А. Я. Винокуров.

В приказе специально оговаривалось, что отряд под-

чиняется командованию полка Лазо, держит с ним постоянную связь, информирует о боевой и разведывательной деятельности. Но это, пожалуй, было лишним: держать связь и поддерживать общение за сотни километров было весьма трудно, ведь вся территория между полком и отрядом была занята врагом.

Отряд под командованием Кезикова и Шараева ушел от нас 27 июня 1942 года и благополучно прибыл в район Ершичей. По поводу этого перехода Василий Петрович Ключев записал в своем дневнике: *«13.7.42 года. Переход завершен. Этот переход вполне можно назвать железным потоком. Люди холодные, голодные, мокрые, измученные, как тени, шли и шли, гонимые одним желанием — борьбы... Борьбы с кровопийцей 20 века Гитлером. За этот период мы прошли свыше 200 км, имея 2-х убитых. Отряд... через 2-3 дня развернет свою истребительную работу... Население не верит своим глазам, чтобы такая масса партизан находилась в тылу врага».*

Вскоре новый отряд развернул активную боевую деятельность и численно вырос. Если из Ельнинских лесов ушло примерно 250 человек, то в Ершичских лесах отряд увеличился до тысячи человек. В конце октября 1942 года он был переименован в 5-ю Ворговскую партизанскую бригаду, также принявшую имя Сергея Лазо.

На базе нашего полка было создано еще несколько партизанских отрядов, действовавших самостоятельно. В их числе ушедший в южные районы области отряд имени Суворова в количестве 286 человек во главе с капитаном Ермаковым, отряд Спивака (70 человек), отряд Пулякова и Черепанова (100 человек), отряд Сивакова (70 человек), сводный отряд под командованием майора Бойченко и другие. В общей сложности из числа лазовцев было создано около десяти довольно крупных партизанских отрядов.

Таким образом, в соответствии с приказом штаба Западного фронта и штаба партизанского движения, партизанский полк имени Сергея Лазо к концу июля был разукрупнен. С разрешения командования полка около 450 пожилых и больных партизан перешли через линию фронта в советский тыл.

На старой базе в Мутищенском лесу продолжал оставаться отряд под командованием Казубского, в котором еще насчитывалось до четырехсот бойцов, не счи-

тая тех, кто находился на излечении. Нас связывало наличие большого числа раненых, и мы пока не могли покинуть занимаемый район, хотя и оставаться было опасно.

К лету 1942 года крупным партизанским соединением не удавалось использовать близости от своих баз истинно партизанскую тактику — внезапность и дерзость: враг постоянно был на чеку. Балутину повторить было трудно. Однако мы сдерживали вокруг себя большие силы врага, что уже само по себе являлось серьезным подспорьем для советских войск, сражавшихся на фронте. Кроме того, лазовцы продолжали боевые действия с помощью рейдовых диверсионных отрядов. Достаточно сказать, что лишь с 17 по 30 июня нам удалось уничтожить 150 немецких солдат и офицеров, шесть танков, танкетку, легковую машину с видными военными чинами и взорвать два моста.

Вскоре после того, как разукрупнение полка было в основном закончено, из штаба Западного фронта поступил приказ: командиру полка Казубскому и мне, как комиссару, прибыть в штаб фронта для доклада Военному совету.

А между тем зарядили непрерывные, нудные дожди. Пришлось основательно подремонтировать сделанные на скорую руку шалаши. И тут сказался характер каждого. Одни делали все обстоятельно, добротнo, другие кое-как. Особенно «отличились» Игнат Гузов (Ермолай) и Вениамин Штифиркин. Они ободрали два еловых ствола, сняв с каждого полосу коры, примерно метра два длиной и около метра шириной, поставили по четыре тоненьких жердочки и укрепили на них кору. Издали такие «шалашы» казались столами на высоких ножках и вызывали бесконечные шутки и насмешки. Они не укрывали ни от дождя, ни от ветра.

Особенно потешался Юшка Сидоренков, работавший до войны милиционером на железной дороге и ставший у нас бесстрашным разведчиком и подрывником.

— Витамиш, а почему тебе до сих пор не построили настоящего шалаша, как у Бати или у Андрея-комиссара? — серьезно спрашивал он Штифиркина.

— Не знаю. А разве должны построить?

— Конечно, должны.

Тут в разговор вмешивается кто-нибудь из партизан:

— Да что ты, Юшка, ерунду порешь? Кто ему будет шалаш строить? Ведь и Батя, и комиссар, и Зыков сами себе строили шалаши вместе с адъютантами. Пусть и Витамин сам строит.

— Вы знаете, я бы построил... Но, признаться, мне этого никогда не приходилось делать, и я, очевидно, не сумею.

— Хорошо, Витамин, это дело я беру на себя, — вновь вступал в разговор Юшка. — Партизан Труфанов! — обращался Юшка к своему товарищу. — Завтра же бери людей, начинай вырезать лес. Будем Витамину дом строить.

Труфанов вскакивал, вытягивался, брал под козырек и самым серьезным образом говорил:

— Слушаюсь, товарищ командир! Завтра же начнем заготавливать лес. Какую хату будем строить — пятистенку или обыкновенную?

— Давай пятистенку, в одну половину писателей поместим, а в другую Витамин.

Как ни странно, но Штифиркин принимал все это за чистую монету:

— Да вы не беспокойтесь, товарищи, нам на троих и одной комнаты хватит...

Проходит несколько дней. По-прежнему льют проливные дожди. Снова Штифиркин обсушивается и греется в Юшкином шалаше. Туда уже набилось полным-полно партизан послушать побасенки и балагурство Юшки. А Юшка и рад стараться.

— Ну как, Витамин, построили тебе дом?

— Нет, не построили.

— Как так?! А ну, позвать сюда Труфанова.

Является Труфанов.

— Ты почему не закончил дом для Витамин?

— Понимаете, товарищ командир, хату ведь на мху надо строить, а его просушить негде. Установится хорошая погода, высушим мох, тогда и закончим постройку.

В таком роде Юшка морочил голову Штифиркину, наверное, с неделю. Потом надоело, и он заявил астроному:

— Знаешь, Витамин, некогда нам сейчас дом тебе строить. Ты уж как-нибудь сам себе шалаш сооруди, а не то переходи в мой, вместе жить будем.

Вениамин тут же перебрался к Юшке. Жили они

дружно, хотя Юшка и не упускал случая поддурачиться и беззлобно пошутить над астрономом.

Кто тогда знал, что им уготована одинаково трагическая судьба. Юшка погиб в бою, а Вениамин Штифиркин во время стычки попал в руки к врагу. Его заставили вести в лес карательный отряд и указать минные поля. Штифиркин отказался. Гитлеровцы набросили на шею астроному длинный кусок телефонного кабеля и погнали перед собой. На одной из лесных дорог Штифиркин подорвался на mine, а каратели бросились назад. Позднее, найдя труп нашего партизанского астронома, мы с болью в сердце похоронили его в дремучем Мутищенском лесу.

...Наконец дожди утихли. Но рядом с нашей базой самолеты посадить было трудно: вокруг леса множество гитлеровцев, у них тяжелые минометы и артиллерия. И все же мы попытались посадить самолет у деревни Старые Луки. Фашисты стали обстреливать аэродром. Мы дали сигнал ракетами, и самолет, сделав круг, ушел в Москву.

Решили попробовать принять самолет у Нарышкинского леса. Связались с командиром отряда Пуляковым. Он сообщил, что дело это реальное, немцев поблизости мало, а с полицией справимся без труда. Однако и на этот раз вышла неудача. В пути мы несколько раз наткнулись на засады и в конце концов повернули назад.

Посоветовавшись, решили сделать еще одну попытку принять самолет на опушке Леоновского леса, возле деревни Березовки. Для охраны аэродрома, который находился сравнительно недалеко от основных сил отряда, выделили целый батальон. И вот минуты прощания. Казубский подписал следующий приказ по полку:

Приказ № 89

23 июля 1942 года. Мутищенский лес.

Штаб партизанского полка имени Сергея Лазо.

В связи с моим убытием для доклада в Военсовет Западного фронта приказываю:

1. Назначить командиром полка моего заместителя майора Зыкова Леонида Лукича.

2. Военкомом полка назначить старшего политрука Гусева Ивана Павловича.

Командир полка Казубский Военком полка Юденков

Начальник штаба Дупанов.

На лесной поляне Батя прощался со своими боевыми друзьями, с которыми много месяцев сражался бок о бок против ненавистного врага. На глазах у Зыкова и Гусева были слезы. Мы тоже огромным усилием воли сдерживались, чтобы не разрыдаться.

Потом Казубский и я пошли прощаться с ранеными. Повторилась та же картина. Вот приблизился Леопольд Фейсель, робко протянул руку. Батя обнял его и поцеловал:

— Спасибо, генерал, — ответил Леопольд и заплакал.

Немецкое командование считало Казубского генералом и внушило это своим солдатам. Даже за многие месяцы пребывания у нас Леопольд так и не смог усвоить, что Василий Васильевич только майор.

Улетая на Большую землю, мы рассчитывали вскоре вернуться. В это верили и те, кто оставался в тылу. Ведь улетал от нас Осташев и снова вернулся. Но на всякий случай, в связи со сложностью обстановки, наиболее важные штабные документы решили забрать с собою. Среди них была книга приказов, списки личного состава полка, журнал боевых действий, ведомость потерь. Мы вывезли документы в полной сохранности, и сейчас они находятся в Смоленском областном партийном архиве.

...Вечерело. Надо было отправляться в путь. Разведчики, возглавляемые лейтенантом Володей Марковым, сыном учительницы одной из школ Глинковского района, давно ушли вперед. Мы вновь вытянулись цепочкой и направились к опушке, до которой нас сопровождал Зыков со штабной ротой. Здесь еще раз простились с Зыковым, Присовским и, как только получили сообщение от разведчиков, двинулись дальше.

Благополучно перешли Рославльский большак между Новоспасском и Логачевом, хотя и в первой, и во второй деревнях находились крупные гарнизоны противника. Впереди показалась Десна, а за нею недалеко и Леоновский лес.

После переправы через реку мы несколько дней отсиживались в Леоновском лесу. Снова начались проливные дожди. Наши разведчики ежедневно отправлялись на основную базу к Зыкову: там находилась рация. Каждый день нам обещали самолеты, но из-за плохой

погоды они не появлялись. Питались мы кислицей, черемшой да ягодами.

И в эту трудную пору нам еще раз помогли местные жители. Рискуя жизнью, пробирались они в отряд с продуктами для партизан, хотя сами жили впроголодь.

Мы изголодались, обносились, завшивели. Нужно было срочно вымыться. И Василий Васильевич рискнул. Мы знали, что в Березовке немцев нет. Казубский послал в деревню разведчиков. Местные жители истопили все бани, и ночью мы основательно помылись.

А тучи все не разгоняло, и самолетов не было. Мы уже подумывали вернуться назад. Казубский написал об этом Зыкову. На другой день получили ответ. Это было последнее письмо от Зыкова. Написано оно было так, чтобы поняли только мы.

Вот несколько сокращенный текст этого письма:

«Привет, товарищи!

Очень переживаю за вашу судьбу. Вчера получил распоряжение встречать ежедневно (самолеты. — А. Ю.), не вылетают из-за плохой погоды. Сигналами пользуются нашими, дают такое количество (самолетов. — А. Ю.), которое обеспечивает всех.

У нас положение незавидное, особенно у Присовского и Черкасова... За ваше отсутствие забили с полсотни фрицев. Я заболел ангиной, но пока еще могу ходить и соображать. Принимаю самые крутые меры к обеспечению людей. Павлыч работает замечательно, Сергееч сам ходит на операции. (Павлыч — Гусев, Сергееч — Дуланов. — А. Ю.)

Отвечаю по существу на вопросы.

1. Выходить вам сюда не рекомендую.

2. С Бойченко и Кейзиковым не связался.

3. Табачку вышлю по горсточке.

4. Даньке отряда — отдельной бумажкой.

5. От Черкасова ушел Флоренский с Пашей. Поймаем, забьем»

*Привет от Володи и Леши.
Л. З.»*

Зыков сообщил очень неприятную вест. Из нашего госпиталя дезертировал хирург Флоренский вместе с медицинской сестрой. Я уже дважды упоминал о нашем «трофейном» враче. И вот теперь этот тип сбежал к немцам. Поймать предателя не смогли. Он выдал фашистам

расположение основной базы полка, его численность, вооружение. Дорогой ценой расплатились впоследствии партизаны за свою доверчивость.

Мы послушались Зыкова и не пошли назад. А через дня два (в первых числах августа) на опушке леса возле Березовки на клевернице приземлилось около двадцати самолетов. Вместе с нами улетели на Большую землю Шура Радьков, Бондаренко и Осташев, писатели Шатилов и Жаткин, часть раненых и семьи некоторых партизан, в частности семья комиссара батальона Ратникова, мать нашего разведчика учительница Маркова и другие.

Утром мы были уже на одном из подмосковных аэродромов, а затем на машине направились в штаб партизанского движения, который находился неподалеку от Боровска. Позади остались фашистский тыл, бои, невзгоды, горечь поражений и радость побед.

После доклада штабу партизанского движения и Военсовету фронта об обстановке в тылу врага мы выхлопотали для Зыкова все необходимое и получили двухнедельный отпуск. Я поехал в Подмоскovie, на станцию Вишняки, где в школе жила Наташа, а Василий Васильевич — в Городец, Горьковской области, куда были эвакуированы его семья, семья Гусева и моя мать с двумя детьми.

Две недели пробежали быстро. Я успел побывать в Городце, навестил маму, встретился с семьями Казубского и Гусева.

Затем снова Москва. Побывали у секретаря ЦК ВЛКСМ Михайлова, в Центральном штабе партизанского движения у Пономаренко. Товарищи помогли нам достать гектограф и необходимую литературу.

И вот мы под Боровском. Последняя встреча с начальником Западного штаба партизанского движения секретарем Смоленского обкома партии Д. М. Поповым, его дружеские советы и напутствия, и мы отправляемся на аэродром. Завтра будем в кругу своих друзей — лазовцев. Но самолеты в ту ночь не ушли к Зыкову. Не ушли они и на следующую ночь, и через неделю. Обстановка у него создалась столь тяжелая, что он категорически возражал против нашего вылета: он не мог принять не только самолеты, но даже парашютистов.

Время шло, а положение у Зыкова не улучшалось. Мы хотели просить Попова направить нас через линию

фронта пешком, но Западный штаб партизанского движения решил по-другому: вопрос о нашем вылете в тыл врага снимался. Казубского назначили начальником отдела кадров Западного штаба партизанского движения, а меня — сначала комиссаром спецшколы Западного фронта по подготовке кадров для тыла, а позднее — секретарем Смоленского обкома комсомола.

В тыл врага мы больше не попали.

ЛАЗОВЦЫ ПРОДОЛЖАЮТ СРАЖАТЬСЯ

События, о которых далее пойдет речь, развертывались без моего участия. Но читателю, видимо, интересно знать, как сложилась судьба отрядов, созданных на базе полка имени Сергея Лазо, в том числе и отряда, которым после Казубского командовал Зыков. Эти события я изложу кратко, пользуясь рассказами очевидцев и документами.

...Шли дни. В фашистском тылу все шире развертывалось партизанское движение. Дралась с оккупантами отряд Кезикова и Шараева, отряд имени Суворова. В Могилевской области (Белоруссия) действовал отряд Владимира Ивановича Маркова, начало которому положили партизаны-лазовцы. Не переставал громить захватчиков и отряд во главе с Зыковым и Гусевым, по-прежнему носивший имя Сергея Лазо, базировавшийся в Мутищенском и Леоновском лесах. Отсюда, с основной базы, партизаны совершали свои смелые набеги на вражеские гарнизоны, на шоссе, железные дороги. Действия отряда распространялись на многие десятки километров вокруг. На основной базе появились землянки, партизаны мало-мальски устроили свой быт и даже соорудили баню.

Довольно быстро вырос в крупную партизанскую бригаду отряд под командованием Кезикова и Шараева. Эта бригада великолепно сражалась с противником и причинила ему огромный урон. Среди многих удачных боев, проведенных бригадой, выдающейся является операция на станции Пригорье, проведенная 5 ноября 1942 года. По утверждению некоторых историков, эта операция по замыслу и масштабам — одна из крупней-

ших, осуществленных партизанами во время Великой Отечественной войны.

Станция Пригорье имела для врага важное значение: здесь находилась база по разгрузке идущих к фронту немецких эшелонов. Гарнизон станции был сравнительно небольшим, но туда постоянно прибывали следовавшие на фронт воинские части. Всего в гарнизоне, по данным разведки, насчитывалось человек 250, кроме того, в селе Пригорье, в полукилометре от станции, располагался гарнизон в 110—115 человек.

После тщательной разведки партизаны решили напасть на станцию Пригорье, уничтожить противника, а затем нанести удар по селу Пригорье. Станция Пригорье находилась далеко от основной базы партизан. Чтобы осуществить операцию, им пришлось проделать 80-километровый марш по немецким тылам почти по открытой местности.

Командовали операцией начальник штаба бригады подполковник Тимофей Михайлович Коротченко и комиссар бригады Николай Семенович Шараев. В результате стремительной атаки партизаны выбили гитлеровцев и со станции Пригорье, и из села. В бою особенно отличились капитан Василий Петрович Ключев и наш старый лазовец комиссар батальона Чибиряк, сумевший в критическую минуту пробраться с группой храбрецов в тыл оборонявшихся фашистов, ударить по ним и тем самым решить исход боя в пользу партизан. В стычке Чибиряк был смертельно ранен. Подоспевшим на выручку партизанам он сказал: «Передайте товарищам, что я отдал за Родину все, что мог!»

В результате боя партизаны уничтожили около 630 немецко-фашистских солдат и офицеров (перед боем на станцию прибыло два воинских эшелона, направлявшихся к фронту). Партизаны потеряли убитыми 25 человек, 40 человек были ранены.

Об этом бое газета «Правда» писала 4 декабря 1942 года:

«Под прикрытием темноты народные мстители бесшумно сняли часовых и напали на станцию, которая несколько часов находилась в руках партизан. И только тогда, когда немцы подтянули большие силы из соседних селений, партизаны с боем отошли к намеченному ранее рубежу. Во время этого налета было уничтожено 17 са-

молетов, стоявших на платформах, эшелон с бронетягачами, два вагона с боеприпасами, две цистерны с горючим, 13 автомашин, разгромлены склады с обувью, продовольствием и зимним обмундированием».

Кроме того, партизаны из бригады Лазо сожгли около 5 тысяч тонн сена, казармы и жилые дома, в которых размещались фашисты. Были взорваны железнодорожные стрелки, два железнодорожных моста на реках Бровка и Поповка, а также мост через реку Прожда на шоссе Рославль — Брянск.

В общем, партизаны разнесли в пух и прах все, что было можно разнести, и приостановили железнодорожное движение на этом участке на семнадцать суток.

Позднее партизаны из бригады имени Сергея Лазо нанесли еще много крепких ударов по врагу. Достаточно сказать, что за период своей деятельности они пустили под откос 56 вражеских эшелонов, уничтожили три танка, двести автомашин, убили и ранили несколько тысяч немецких солдат и офицеров. В дневнике боевых действий бригады имеется 162 записи об операциях, проведенных лазовцами в районе Клетнянских лесов. Особенно эффективной была их диверсионная деятельность. Командование бригады все время требовало боеприпасов и взрывчатки. В личном письме на имя секретаря обкома партии и начальника Западного штаба партизанского движения комиссар бригады Николай Шараев писал: *«Нам сбрасывают самолетами сухари. Очень благодарны, это большая помощь нам. Но сухарями стрелять невозможно. Зато с патронами хлеб всегда добыть можно. Давайте вместо сухарей патроны, мины, гранаты».*

Несмотря на исключительно тяжелые условия, в которых приходилось воевать партизанскому отряду имени Сергея Лазо под командованием Зыкова и Гусева, он тоже наносил ощутимые удары по врагу. В сентябре 1942 года майор Зыков сообщил начальнику Западного штаба партизанского движения Д. М. Попову, что за август отряд подорвал 26 автомашин с пехотой и грузом, одну бронемашину, осуществил восемь налетов на гарнизоны врага, в результате которых уничтожил 357 солдат и офицеров противника.

Отряд Зыкова перешел на тактику «охоты»: устраивал засады, диверсии на шоссе и железных дорогах,

выслеживал небольшие группы вражеских войск. С августа 1942 года начала работать железная дорога Ельня — Спас-Деменск. Партизаны постоянно устраивали на ней диверсии. На операцию обычно уходили группами по пять — семь человек. С августа по сентябрь лазовцы пустили под откос более десятка железнодорожных составов на линиях Спас-Деменск — Ельня и Смоленск — Рославль. Помимо этого, Зыков 6 октября 1942 года сообщил Попову, что только в сентябре партизанам удалось уничтожить танк, 17 автомашин, 10 мотоциклов, 119 вражеских солдат и офицеров, вырезать 4 тысячи метров телефонного кабеля.

Во время партизанской «охоты» и диверсий особенно отличились бесстрашные и решительные Володя Присовский, Паша Шевченко, Сергей Голиков, Петр Ключников, Федор Пялов. Партизаны, перешедшие в конце 1942 года линию фронта и встретившиеся со мною в Москве и Боровске, рассказали о многих поистине героических эпизодах. К счастью, я тогда кое-что записал.

Вот как, например, была осуществлена диверсия на железной дороге неподалеку от станции Приднепровская. На операцию отправились Федор Пялов, Сергей Голиков, лейтенант Петр Ключников и другие. Всего восемь человек.

Пойма Днепра у станции Приднепровской сильно заболочена и поросла кустарником. Железнодорожная насыпь высокая. Здесь-то и решили подрывники пустить под откос эшелон. Поезда ходили преимущественно ночью, шли медленно: фашисты только недавно восстановили дорогу, да и опасались партизан. Группа бесшумно подобралась к железнодорожной насыпи и залегла. Вскоре по полотну прошел немецкий часовой.

— Видели? — шепнул товарищам Пялов. — Раз прошел патруль, скоро будет эшелон.

— Дело верное, — чуть слышно ответили ребята.

— Несите тол, — распорядился Пялов.

Через несколько минут принесли тол. Дождавшись, когда скроется часовой, подрывники заложили три фугаса с электровзрывателями, соединили их между собой и отвели провода метров на 150—200 от железной дороги.

Тихая осенняя ночь. Холодно. Коченеют руки, но надо быть наготове. Издали донесся перестук колес. Наконец

состав совсем рядом. Передний фугас находится как раз под паровозом, а остальные уже под вагонами.

Сергей Голиков не спускает глаз с эшелона, ждет команды. Она была произнесена шепотом, но прозвучала как выстрел: «Давай!» Это скомандовал Пялов. Сергей быстро соединил провода. Грохнул страшный взрыв...

Через некоторое время отчаянный лейтенант Петр Ключников ухитрился днем пустить под откос поезд, шедший со станции Спас-Деменск.

Недалеко от станции Васьково уже на другой железной дороге группа во главе с бесстрашным Пашей Шевченко в начале ноября пустила под откос воинский эшелон.

Помимо диверсий на железных дорогах партизаны глубоко проникали в сторону Рославля, Смоленска, Починка и дрались с врагом при всяком удобном случае.

Интересный эпизод произошел однажды во время «охоты». Федор Пялов с группой в сорок человек, вооруженных автоматами, отправился в Починковский район, где уже давно не бывали партизаны. К полудню отряд Пялова добрался до Шумаева. Поскольку эта деревня расположена в чистом поле, партизаны решили дождаться вечера в овраге, по соседству с тремя небольшими хуторами.

В Шумаево послали разведку. Она донесла, что немцев в деревне нет, но по дороге движется гитлеровский обоз, примерно из двадцати подвод. Дорога проходила рядом с оврагом, где притаились партизаны. Пялов решил захватить обоз (лазовцам по-прежнему не хватало продовольствия). План состоял в том, чтобы подпустить врага как можно ближе, затем ударить по передним и задним подводам, отрезать остальных и перебить их.

Партизаны подпустили обоз на двадцать метров. Только тогда ударили автоматы. Обозники не успели взяться за оружие, как были перебиты. На дороге остались лежать 42 гитлеровца и 10 полицейских. На повозках оказалось много продуктов, мануфактуры, вина, медикаментов. Но как доставить это богатство в Мутищенский лес? На себе много не унесешь, бросать жалко, а проехать почти невозможно: ближайшие деревни заняты врагом. И вот тут-то Пялов принял отчаянное решение. Зная, что в деревне Докудово, которую не минуешь по пути на партизанскую базу, много немцев и полицей-

ских, он приказал партизанам переодеться в немецкую форму, взять немецкое оружие и проскочить деревню под видом гитлеровцев.

Гарнизон в Докудове знал, что в этот день через деревню пройдет обоз, и на переодетых партизан никто не обратил особого внимания. Правда, они сами немного напортили себе — вдруг погнали лошадей вскачь. Странное поведение обозников вызвало у немцев подозрение, и началась перестрелка. К счастью, наши не потеряли ни одного человека. А неразлучный дружок Пялова — Сережа Голиков, встав на повозке в полный рост, поливал врагов из ручного пулемета.

Столь дерзкое нападение партизан не на шутку встревожило фашистов. Они выпустили специальную листовку, называя в ней партизан бандитами-людоедами. Были объявлены награды тому, кто приведет партизанских командиров или принесет их головы. Зыков и Гусев «ценились» особенно высоко. За каждого — 25 тысяч марок, 100 гектаров земли, скот и прочее. Комбаты и комиссары батальонов «оценивались» подешевле.

Кроме отряда Зыкова и Гусева в Ельнинском и соседнем с ним районах успешно сражался с врагами отряд имени Суворова. Командир отряда Ермаков докладывал Попову, что только за пятнадцать дней — с 15 августа по 1 сентября — партизаны пустили под откос на железной дороге Рославль — Брянск четыре эшелона противника. В результате диверсий было уничтожено три паровоза, 53 вагона с фуражом, техникой и живой силой противника и убито 158 оккупантов.

31 августа у деревни Еленев Холм, Починковского района, на партизан Ермакова напал крупный отряд карателей. В ходе боя суворовцы расчленились. Ермаков с частью сил продолжал действовать в Ельнинском районе, а его комиссар Щигорцев ушел с группой партизан в Клетнянские леса. Позднее, в 1943 году, отряд Щигорцева перебазировался в Белоруссию. Там он активно сражался с оккупантами до момента соединения с советскими войсками.

В Могилевской области по соседству со Щигорцевым воевал партизанский отряд № 45 «За Родину» под командованием лейтенанта В. И. Маркова. Краткая история этого отряда такова. В сентябре 1942 года группа партизан-разведчиков из отряда Зыкова оторвалась

от основных сил и, совершив 400-километровый рейд по тылам врага, обосновалась и стала действовать в юго-западных районах Могилевской области. Совместно с белорусскими партизанами Солдатенко и Сигаевым они создали партизанский отряд «За Родину». Командиром стал лейтенант Марков, комиссаром — Солдатенко. В течение нескольких месяцев отряд «За Родину» парализовал деятельность немецкой администрации в Климовичском, Краснопольском и Костюковичском районах, партизаны разгромили также несколько гитлеровских гарнизонов.

Судьба этого отряда сложилась трагически. Один из местных лесников, помогавший партизанам, оказался предателем и выдал врагу базу отряда. Объединенными силами каратели неожиданно налетели на отряд. Партизаны в тяжелом бою потеряли около половины состава убитыми и ранеными. Был тяжело ранен и командир. Остатки отряда вырвались из кольца фашистов, вскоре люди оправились и продолжали сражаться с захватчиками. Через радиостанцию отряда Щигорцева в июле 1943 года Марков связался с Западным штабом партизанского движения. Впоследствии руководство отрядом осуществлялось через Белорусский штаб партизанского движения. Осенью 1943 года отряд соединился с регулярными частями. В нем в это время насчитывалось более 500 человек. На счету партизан числилось 13 подорванных и пущенных под откос эшелонов противника и 12 разгромленных гарнизонов.

Партизанская бригада имени Лазо и многие отряды, выделившиеся в свое время из состава партизанского полка имени Сергея Лазо, успешно воевали против фашистских захватчиков до самого соединения с наступающими войсками Советской Армии, которое произошло в 1943 году.

По-другому сложилась судьба партизанского отряда, во главе которого стояли Зыков и Гусев. Действовал отряд активно. Диверсии на железных дорогах, засады, разгромы штабов и обозов всерьез встревожили оккупантов. Они засыпали лес листовками, в которых уговаривали партизан сложить оружие и сдаться, убеждали их в бесплезности сопротивления.

Оккупанты попытались даже противопоставить партизанам местных жителей, и не гнушались никакими

средствами для этих грязных целей. Гитлеровцы возводили на партизан несусветную напраслину, называли их бандитами, грабителями, беспринципными убийцами. Особенно разнузданная пропаганда против партизан-лазовцев началась после того, как им удалось уничтожить машину с крупными военными чинами.

О последних днях боевой деятельности партизанского отряда имени Сергея Лазо под командованием Зыкова и Гусева сохранилось немного документов. Поэтому, собирая материал для книги, я использовал радиосводки, донесения из отряда, записную книжку начальника штаба первого батальона Владимирова, дневник командира роты Володи Присовского и рассказы очевидцев, в частности, комбата-3 Пялова, партизана Бизунова, радистки Ани Семеновой.

Вкратце картина складывается такая. В течение трех месяцев лазовцы наносили непрерывные удары по врагу. В дневнике Володи Присовского есть запись от 3 октября 1942 года о том, что партизаны, возглавляемые Пашей Шевченко, пустили под откос воинский эшелон, состоявший из 22 крытых вагонов, восьми платформ с танками и шести цистерн.

В радиосводках, которые Зыков направлял в Западный штаб партизанского движения Попову, сообщалось, что отряд под его командованием не снижает боевой активности, несмотря на блокаду и постоянное преследование оккупантов.

Особенно много отряд Зыкова провел диверсий на железных дорогах. 15 октября он сообщал радиogramмой Д. М. Попову, что 7 октября пущен под откос воинский эшелон, уничтожены паровоз, 3 платформы с бронемашинами и 3 с автомашинами. Уничтожено 150 солдат и офицеров. 20, 21, 24 и 30 октября подрывники из отряда Зыкова ежедневно пускали под откос по эшелону, 25 октября — даже сразу два эшелона.

Не удивительно, что столь активная диверсионная деятельность требовала большого количества подрывных средств. В своих шифровках в адрес Западного штаба партизанского движения Зыков упорно требовал прислать их. 16 октября он писал: *«Нужны срочно мины, тол, электроупрощенные взрыватели, поездные замыкатели»*.

Упускаем дорогое время, нужно взрывать технику, тормозить движение».

1 ноября снова просьба: *«...Срочно сбросьте взрывчатки, детонирующего шнура, тол»*.

Самолеты подбрасывали Зыкову время от времени подрывные средства, и диверсии на железных дорогах шли полным ходом.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЗЫКОВА

В первых числах ноября Зыков и Гусев послали на диверсии несколько мелких партизанских групп. В целом ушло более половины отряда, захватив с собой лучшее вооружение. Это был массированный удар подрывников из отряда Зыкова по коммуникациям врага в ознаменование 25-й годовщины Великого Октября.

Вскоре начальник Западного штаба партизанского движения Д. М. Попов предупредил по радиации лазовцев, что, по данным разведки, гитлеровцы намеряют провести против отряда крупную операцию, и поэтому нужно как можно скорее сменить район дислокации. Вернуть ушедшие группы и тем самым усилить боевую мощь отряда было уже невозможно. Требовалось немедленно уходить, но партизаны, рассчитывая дождаться своих, замешкались, упустили время, а когда собрались в путь, было уже поздно.

На рассвете 4 ноября 1942 года началось наступление карателей. На партизанский лагерь обрушился огонь двух артиллерийских батарей и тяжелых минометов. Одновременно началась бомбежка с воздуха. Лес был блокирован со всех сторон, через каждые сто метров оккупанты разожгли костры. Образовалось огненное кольцо и в прямом и в переносном смысле. После артподготовки гитлеровцы двумя цепями перешли в наступление. Расстояние между наступавшими солдатами было пять — семь метров. В общей сложности в этой операции участвовало около двух тысяч немецких солдат и большое количество полицейских, согнанных из нескольких районов.

Во время артиллерийской подготовки и бомбежки партизаны укрывались в блиндажах и окопах, а затем

заняли круговую оборону и яростно отбивались. Все способные носить оружие были в строю. Хотя сил у партизан было сравнительно немного, они, стреляя из укрытий, все же наносили врагу большой урон.

Окупанты отлично знали, что напали на основное ядро отряда. Об этом свидетельствовали выкрики полицейских:

— Зыков, сдавайся, сволочь! Сдашься — будешь цел!

— Мы еще на ваших похоронах попляшем, продажные шкуры! — отвечали партизаны и добавляли такие крепкие выражения, которые не принято цитировать.

Бой продолжался целый день и прекратился только с наступлением темноты.

Ночью Зыков собрал в один кулак все силы отряда и ударил в направлении села Новоспасского. Блокада была прорвана. Утром немцы заняли лагерь партизан и немедленно расстреляли попавших в их руки раненых.

Оторвавшиеся от врага партизаны немного перевели дух, но вскоре их снова обнаружили. Лазовцев неотступно преследовали каратели. Только 6 ноября отряду вновь удалось оторваться от врага. Однако уже на другой день опять началось преследование, во время которого часть партизан, в том числе и Виктор Яцемский, отбилась от основных сил отряда.

Посоветовавшись, партизаны решили покинуть Мутищенский лес и уйти в сторону фронта, во Выходские леса. Первым должен был прорываться 3-й батальон под командованием Федора Пялова, за ним — основные силы отряда, в том числе 1-й батальон Володи Медведченкова, штаб отряда, штабная рота, радисты. Отход поручалось прикрывать 4-му батальону под командованием Георгия Беякова.

Во время боя при переходе через реку Деснок между деревнями Лапино и Луки отряд был расколот на несколько частей. Батальон под командованием Пялова успешно вышел из окружения и по заранее намеченному плану с боями двинулся через Выходский район к линии фронта. Батальоны Медведченкова и Беякова натолкнулись на сопротивление врага и на некоторое время задержались в Мутищенском лесу. Впоследствии им так и не удалось соединиться с Пяловым и вновь пришлось несколько раз столкнуться с немцами. В ходе боя фашисты еще раз рассекали оставшихся. В результате через

линию фронта отдельные подразделения отряда переходили самостоятельно. От остатков отряда Зыкова оторвался радист Черенков (Кренкель). С группой в восемь человек он оказался в одном из лесных массивов Стодолиценского района. Черенков первый и сообщил Попову, что отряд Зыкова рассеян врагом.

Попов поручил Черенкову и его группе найти Зыкова. Штаб партизанского движения приказал также Бойченко, Путякову и Черепанову разыскать Зыкова и подвергшийся нападению врага отряд Ермакова и оказать им помощь.

Партизан, как магнитом, тянуло туда, где была линия фронта. Наиболее удобных мест для перехода они не знали и шли, ориентируясь по звукам доносившейся артиллерийской пальбы. Поэтому партизаны батальона Пялова, например, вышли на самый трудный для перехода участок фронта — в район Зайцевой горы, неподалеку от станции Барятинская. Зайцева гора была сильно укреплена фашистами. В результате батальон Пялова понес очень большие потери. Из нескольких сот человек, начавших переход, в живых осталось не более семидесяти пяти, причем многие из них оказались ранеными. Во время боя погибли комиссар батальона Григорий Ратников, начальник штаба батальона Григорий Журов, командир одного из подразделений Степан Лахматов, отважный партизан Сережа Голиков.

Здесь, у Зайцевой горы, нашел свою смерть и Леопольд Фейсель — непримиримый антифашист, подлинный интернационалист, рабочий из Австрии, сроднившийся с русскими партизанами.

В одном из боев неподалеку от линии фронта пал смертью храбрых наш старый учитель Александр Иванович Богданович, так и не расставшийся со своим верным двухствольным ружьем. Многие партизаны, перешедшие линию фронта вместе с Пяловым, были ранены. Все тяжело переживали гибель боевых друзей.

В конце 1942 года на Большую землю вышли многие другие мелкие отряды и группы партизан-лазовцев. Особенно следует отметить группу Володи Присовского. Он уже известен читателю как человек легендарной храбрости и большой скромности. До самого последнего момента Володя возглавлял штабную роту. Во время форсирования реки Деснок его рота оторвалась от основных

сил отряда и не смогла впоследствии соединиться с ними. Среди тех, кто был с Володей Присовским, оказался провокатор, предложивший идти в плен к немцам. Коротким был партизанский суд: провокатора расстреляли. Старый коммунист Михаил Иванович Андреенков, хорошо знавший местность, заверил товарищей, что выведет их из леса к линии фронта, и сделал это, хотя сам погиб во время одного из боев.

Рота Присовского переходила линию фронта в районе Милятинского болота, но была обнаружена гитлеровцами и понесла большие потери. Во время стычки пал смертью храбрых Саша Франтик. За два месяца до описываемых событий он был тяжело ранен, и ему ампутировали руку. Операцию делали без наркоза. Ни единого стога не издал твердый духом юноша. Ему предложили эвакуироваться на самолете в советский тыл, но он ответил: «Мое место здесь». В схватке на линии фронта Саша отстреливался одной рукой до последнего патрона. Будучи смертельно раненым, он собрал все силы и бросил в окружавших его врагов гранату.

Положение партизан было отчаянным. Присовский приказал товарищам двигаться вперед, а сам остался прикрывать их. Партизаны прорвались сквозь кольцо врага. Сам Володя погиб, но своей храбростью, мужеством, ценою своей жизни спас остальных. В числе перешедших была и его милая, нежная жена — радистка Полина Козина. Они полюбили друг друга там, на оккупированной территории, в суровых условиях немецкого тыла, и как-то весной 1942 года обратились к командиру полка и ко мне с просьбой разрешить оформить брак. И такое разрешение было оформлено приказом по полку.

Полина осталась верной своей любви к Володе. Вскоре после перехода линии фронта она родила дочь, которая, говорят, очень похожа на красавца отца.

Все партизанские группы стремились перейти линию фронта или в районе Кирова или около Спас-Деменска. Но именно здесь и было труднее всего осуществить это. Ни одна группа не сумела пройти незамеченной, и дело ни разу не обошлось без жертв.

В ноябре 1942 года группа партизан-лазовцев попыталась перейти через фронт около города Кирова, но

натолкнулась на плотную стену врагов. Тогда решили идти в противоположную сторону. И партизанам удалось сравнительно легко, почти без потерь перебраться на Большую землю в районе города Белого.

С этой группой выходил и Александр Семенович Живов, в прошлом московский чекист. Любопытно, что всю войну он носил с собой ключ от московской квартиры. Вернувшись из немецкого тыла, он приехал в Москву. Дома никого не оказалось: жена была на работе. Каково же было удивление жены, когда, возвратившись с работы, она увидела мирно отдыхавшего Александра Семеновича, которого считала погибшим!

Вышли на Большую землю и многие другие лазовцы. Но до сих пор неизвестна судьба той части отряда, с которой следовал штаб во главе с Зыковым и Гусевым. Имеются лишь некоторые отрывочные сведения, по которым невозможно составить полной картины.

Известно, что отряд двинулся в направлении Юхнова. В конце ноября Зыков связался через радию какого-то другого партизанского отряда с Западным штабом партизанского движения и сообщил, что питание для ради на исходе. Штаб немедленно послал самолетом комплект питания, а также продовольствие и боеприпасы. Но летчик не обнаружил сигнальных костров и вернулся. Следующей ночью самолеты вновь вылетели к Зыкову. Летчикам было приказано: даже в том случае, если они не увидят сигналов, выбросить груз с парашютами в предполагаемом месте нахождения партизан. Летчики так и не обнаружили никаких сигналов, но в точности выполнили приказ.

23 ноября Попов радировал Зыкову и Гусеву: *«Вас и ваших людей эвакуируем первые летные дни»*. В середине декабря 1942 года Попов сообщал командующему фронтом: *«В ночь на 11.12.42 г. два самолета Р-5 вылетали с обмундированием и продовольствием в группу Зыкова — Гусева. Самолеты находились над целью больше часа, сигналов не было, в результате чего вернулись, не выполнив задания. В первый летный день розыски повторяю»*.

И снова летали самолеты туда, где в последний раз находился Зыков, но остатки отряда имени Сергея Лазо исчезли бесследно. Какая участь постигла партизан? Может, найдутся очевидцы их трагического конца? А мо-

жет, когда-нибудь об этом станет известно из фашистских архивов? Я убежден, что именно эти документы могли бы пролить свет на волнующий нас вопрос. Дело в том, что именно в ноябре 1942 года верховное командование вооруженных сил гитлеровской Германии издало «Наставление» по борьбе с партизанами. Автором его был Подль, утверждал Кейтель, проводил в жизнь — Хойзингер. В «Наставлении», в частности, говорилось:

«Каждый командир отряда (имеются в виду карательные отряды фашистов — А. Ю.) несет персональную ответственность за то, чтобы все пойманные в результате боя партизаны и гражданские лица (включая женщин) были расстреляны, а лучшие повешены».

К гитлеровским генералам, занимающим сегодня важные посты в военной машине империалистов, мы, бывшие партизаны-лазовцы, имеем особые претензии. На их совести кровь наших братьев-партизан, советских патриотов, боровшихся против фашизма. И пусть убийцы помнят об этом.

Позднее о самом Зыкове совершенно случайно удалось узнать следующее. После освобождения от оккупантов Ельни, Спас-Деменска и других городов мне в 1943 году довелось быть в командировке в Спас-Деменске, входившем тогда в состав Смоленской области. Там мне рассказали, что в тюрьме гестапо на стене обнаружено много надписей заключенных. Среди них я и нашел надписи, которые говорили об известных и дорогих мне людях. Привожу их дословно:

«Смоленская область, Ельнинский район, деревня Старое Мутище, Зуева Нина, 1925 года рождения, 28/VI арестована гестапо. Убита 21/III — 1943 года».

«27/II — 43 г. погиб майор Зыков».

«27/II — 43 г. погибли девушки из Украины м. Жвенец, Каменец-Подольской области, Файфер Ольга И., м. Дератия, Гальперина Сима». «Е. Пуляков С. В., д. Хотеево, Угрицкий сельсовет, Ельнинский район, 17/II — 43 года» (надпись сделана в двух местах).

«Здесь были девушки из Мутища, Ельнинского района ЗПП».

«Ржевская Ольга Дмитриевна погибла 27/II — 43 года».

«Зуева Нина убита».

Ясно, что Зыков — это командир отряда. Нина Зуева и Ольга Ржевская — разведчицы полка имени Сергея

Лазо. С. В. Пуляков — командир одного из партизанских отрядов, образованных после разукрупнения полка имени Сергея Лазо.

Но как они оказались вместе? Пока на этот счет можно строить лишь догадки, основываясь на некоторых документах и вещественных доказательствах, а также на сообщениях людей, которые находились в то время в гестаповском застенке в Спас-Деменске. Особенно о многом говорит косынка Ольги Ржевской.

История ее такова. В конце 1943 года советские войска освободили город Рославль, Смоленской области. Вместе с войсками в город вошли партизаны и среди них — несколько человек из 5-й Ворговской бригады имени Сергея Лазо. К одному из партизан подошла старая, исхудавшая женщина и протянула маленькую белую шелковую косынку. Это было последнее письмо славной разведчицы партизанского полка имени Сергея Лазо Ольги Ржевской. В ту пору, когда Ольга находилась в полку имени Сергея Лазо, ей было двадцать лет. Уроженка Болоновца, она прожила всю свою недолгую жизнь в этой деревне, где одно время в период оккупации Ельнинского района находилась наша партизанская столица.

В 1936 году Ольга закончила семилетку в Мутище и поступила в восьмой класс, а через год — на курсы учителей в Дорогобуже. Затем она была учительницей в Казаринской начальной школе, а несколько позже работала в бухгалтерии Мутищенского лесопильного завода.

Во время оккупации Ольга Ржевская одной из первых вступила в наш партизанский отряд, участвовала во многих боях, была храброй и находчивой разведчицей. Выполняя задания командования полка, несколько раз проникала в логово врага. Дважды ее задерживали оккупанты, но девушке удавалось бежать.

Ольгу арестовали, когда она больная пришла к своей матери в Болоновец. 6 января 1943 года в деревню ворвался карательный отряд. Староста-предатель выдал Ольгу гитлеровцам. Несколько дней она находилась в заключении в Ельне, а затем вместе с другими арестованными гестаповцы отправили Ржевскую в Спас-Деменск.

Совершенно очевидно, что в Болоновец Ольга была направлена по указанию отряда, которым командовал

Зыков. Об этом свидетельствует то, что в «Вахе» * в Спас-Деменске, как рассказывают очевидцы, Зыков разговаривал шепотом главным образом с Ольгой и другими девушками из отряда Лазо. Говорили о предателе, который их выдал. Страшно издевались гестаповцы над Зыковым и Ржевской. Но побои и пытки не вырвали у стойких партизан ни единого слова.

На косынке Ольги Ржевской имеется и такая надпись: *«Ржевская Ольга Дм., 20 лет, Оболеновец, Мутинский сельсовет, Ельнинского района, погибла 22/II 1943 года (за связь с партизанами). Кто найдет, сообщите родным».* Затем дата смерти переправлена несколько раз.

27 февраля Ржевской и другим партизанам приказали приготовиться: в этой тюрьме они последний день. Заключение решили, что их отправят на казнь. Ранее уже указывалось, что и Зыков обозначил эту дату как день своей смерти.

В действительности произошло иначе. Леонида Лукича Зыкова оставили в спас-деменской тюрьме, а Ольгу Ржевскую, лазовца Егора Борисовича Ключникова, бывшего директора Передельниковской школы, и некоторых других отправили в рославльскую тюрьму.

Всходская группа тайной полевой полиции (ГФП) захватила больного Зыкова в конце декабря или в начале января 1943 года, вместе с ним арестовали четырех девушек. Есть основания предполагать, что тогда же был арестован и работник Смоленского обкома партии товарищ Трегубов. В спас-деменской тюрьме Зыков выдавал себя за «беловца». Ольгу Ржевскую забрали несколько дней спустя. Сначала все арестованные находились в Ельне, затем их направили в Мутинше и уже отсюда — в Спас-Деменск. Здесь, в тюрьме, вместе с Зыковым кроме перечисленных девушек находились подполковник Харитонов и старший лейтенант Давыдов.

Многие заключенные писали на стенах камеры день своей казни после того, как «следствие» по их делу было закончено. В том, что всех ждет расстрел, никто не сомневался. Если в предполагаемый день казнь не состоялась, то узник писал следующий день и так далее.

Страшны были последние дни истощенного, ослабев-

шего Зыкова. Жалкую подачку гитлеровцев — сто граммов хлеба и кружку воды — он отдавал девушкам, а сам отказывался от пищи.

За несколько дней до казни Зыков расспрашивал сидевшую с ним в камере девушку из Спас-Деменска Марию Козлову, за что ее арестовали. Когда узнал, что повод был пустяковый, то прошептал так, чтобы не слышали другие:

— Знаешь что, Маруся, ты, быть может, еще выйдешь на свободу, попадешь в лагерь или еще каким-нибудь образом останешься жива. Передай нашим о том, что мы отбивались изо всех сил, но нас выдал предатель. Партизаны дрались как львы, и не наша вина, что мы не одержали победы и на этот раз. И еще передай: я не сказал врагу ни одного слова. Имя мое на Большой земле знают.

Об этом Козлова рассказала мне в Спас-Деменске после его освобождения.

Из «Вахи» гестаповцы ежедневно увозили на грузовике десятки людей в Поповский лес. Обреченных доставлял к месту казни палач в зловещей черной форме с черепом на фуражке. В руках его всегда была железная трость, которой он избивал смертников, загоняя в машину.

4 марта 1943 года, на рассвете, в камеру спас-деменской тюрьмы вошел гестаповец с тремя солдатами и вызвал Зыкова. Леонид Лукич поднял голову, но встать не смог: обессилел. По команде офицера солдаты подхватили арестованного под руки и вытащили из камеры. Тихим, но твердым голосом Зыков успел сказать:

— Прощайте, девушки! Не забывайте меня и передайте нашим о моей смерти. Мы не даром прожили жизнь: в той победе, которую скоро одержит советский народ, есть и наша доля — доля партизан-лазовцев. Мой народ отомстит за меня...

Люди видели, как грузовик направился в сторону Поповского леса. Там и был расстрелян гестаповцами боевой командир лазовцев майор Леонид Лукич Зыков.

После освобождения Спас-Деменска в 1943 году в Поповском лесу провели раскопки 56 могил. В них обнаружили 907 трупов.

О многом поведали нам косынка Ольги Ржевской и надписи на стене в камере гестаповской тюрьмы.

Хотя на стене Ольга и написала, что погибла 27 фев-

* Тюрьма тайной полевой полиции. (Прим. авт.)

раля, на самом деле в этот день ее только перевезли в рославльскую тюрьму, и скорбный отсчет прожитых дней продолжался. На своей косынке Ольга писала: «Мама, милая, писать кончаю и еще раз прошу: не беспокойся, не одна я такая, нас очень много...

Мама, а вдруг бы переменялась обстановка, и я бы вернулась к тебе, как бы мы были счастливы. Но нет, мама, в жизни чудес не бывает. Одно прошу, не беспокойся, береги свое здоровье и не жалея ничего.

Мама, я на апрель месяц составила календарь, прожитый день зачеркиваю».

Она успела зачеркнуть шесть дней. О том, как они были ею прожиты, сообщалось со слов очевидцев в декабре 1943 года в «Комсомольской правде»:

«Ольга попала в тюрьму в Рославле. Никто из заключенных не выживал более двух месяцев в ее сырых застенках. Каждый день водили больную Ольгу на допрос. Снова пытки, издевательства... Однажды немцы инсценировали повешение. Они потащили девушку во двор, где стояла виселица, подняли на табурет, надели петлю.

— Теперь можешь говорить — все! — сказал офицер. — Через минуту ты умрешь.

И она сказала:

— Я, русская девушка Ольга Ржевская, член Ленинского комсомола и партизанка, ненавижу вас всем сердцем. Я боролась с вами, как могла. И нас много. Горели и горят ваши склады, гибнут солдаты и офицеры, портится связь — здесь есть и моя работа. Жаль, что сделала мало. Но за меня отомстят. Скоро придет Красная Армия, и тогда...

Удар немецкого сапога вышиб из-под ног табурет. Ольга повисла, судорожно хватая воздух... Но палачи еще не натешились своей жертвой. С полузадушенной Ольги сняли петлю».

А через несколько дней, на рассвете, за нею вновь пришли гестаповцы. Умерла она героически, твердо веря, что без уничтожения гитлеровской чумы для советских людей не может быть светлой и радостной жизни.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1962 года партизанка Ольга Ржевская была награждена посмертно орденом Отечественной войны I степени.

После освобождения от гитлеровцев Ельнинского района нам стало известно, что в руках фашистов оказался и Вадим Дрейке, бывший ученик Коробецкой школы, одним из первых пришедший в партизанский отряд. Юный партизан имел медаль «За боевые заслуги». Гитлеровские душегубы предложили мальчику, уже стоявшему с накинутой на шею петлей, снять медаль и за это обещали помилование как несовершеннолетнему. Но смелый и гордый партизан ответил:

— Я достаточно совершеннолетний для того, чтобы бить вас, поганые собаки. И насколько хватало моих сил, я вас бил всюду вместе с партизанами-лазовцами. Медалью меня наградила Советская власть, и только после моей смерти вы ее снимите. Сам я не сниму. Такие мы все, русские.

Сделке с совестью Вадим предпочел смерть. Таким был этот юноша с большим сердцем. В 1965 году Вадим Дрейке посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Ныне известно имя палача, творившего неслыханные жестокости в Ельне, Спас-Деменске, Рославле и других городах Смоленщины. Это — отпетый фашист, садист и опытный контрразведчик, комиссар тайной полевой полиции Родль. Он был командиром 570-го отряда тайной полевой полиции (ГФП), действия которого распространялись на тыл 4-й немецкой армии. Не знаю, получил ли Родль по заслугам как военный преступник. Может, этот недобитый фашист имеет теперь высокие чины в Западной Германии. Пусть же эти строки будут обвинением против него.

Ни пытками, ни издевательствами не смогли сломить фашисты тех, кто попадал в их звериные лапы. Коммунисты, комсомольцы, беспартийные советские патриоты гордо отвергали постыдные предложения врагов своей Родины стать на путь предательства и отступничества и умирали героями. И те, кто жив, не вправе забывать о них, погибших за нашу свободу и счастье.

Уже после войны, в Берлине, в Трептов-парке, где на высоком зеленом холме высится величественная фигура советского воина-освободителя, я прочел высеченные на граните слова: «Великие подвиги ваши бессмертны. Слава о вас переживает века. Память о вас навсегда сохранит Родина».

Эти слова — дань народа солдатам и офицерам Советской Армии, погибшим в боях с гитлеровской Германией. Но с полным правом их можно отнести и к моим погибшим друзьям-лазовцам.

Вечная память им!

ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?

В сентябре 1943 года началось победоносное наступление советских войск на Западном фронте. Смоленщина была освобождена. Несколько тысяч лазовцев дожили до этих светлых дней и, где бы они ни находились в то время, каждый с гордостью сознавал, что в победах Советской Армии доля и их участия.

Навстречу наступающим войскам с боями вышли славная 5-я Ворговская партизанская бригада имени Сергея Лазо, отряд имени Суворова под командованием Щигорцева, партизанский отряд «За Родину» под командованием В. И. Маркова и другие партизанские отряды. Некоторые партизаны-лазовцы продолжали воевать в партизанских отрядах Белоруссии, куда ушли после тяжелых боев летом 1942 года. Так, группа партизан из батальона Н. И. Грачева вошла в состав партизанского отряда, который входил в соединение капитана Глытова, действовавшее в Могилевской области. Были и еще подобные группы.

Многие партизаны-лазовцы, командиры и политработники после выхода из немецкого тыла сражались в рядах Советской Армии. О всех, к сожалению, не расскажешь. Но о некоторых, с кем знаком читатель по этой книге, я не могу умолчать.

Василий Васильевич Казубский продолжительное время работал начальником отдела кадров Западного штаба партизанского движения, Иван Тимофеевич Хотулев — начальником фронтовой школы, а затем служил в действующих частях Советской Армии. Сражались на фронтах подполковник А. И. Разговоров, Василий Петрович Ключев, Саша Андреев, Яков Семкин, Федор Пялов, Владимир Иванович Четыркин, Паша Шевченко. Молодые партизаны, неразлучные друзья Шура Радьков

и Леша Юденков служили на кораблях Черноморского флота и участвовали в боях за освобождение Болгарии.

Многие партизаны, сражавшиеся в Советской Армии, награждены высокими правительственными наградами.

Во время боев в Прибалтике погиб бесстрашный и талантливый подполковник Василий Петрович Ключев. Он командовал 75-м танковым полком. Похоронили его в городе Мориаполе. Погиб во время войны и Михаил Михайлович Осташев, а Александр Иванович Разговоров был тяжело ранен.

В январе 1958 года в Смоленске после продолжительной и тяжелой болезни скончался бывший командир полка имени Лазо, заслуженный учитель РСФСР Василий Васильевич Казубский. Он до конца был стойким, принципиальным коммунистом и без остатка отдавал свои силы и всего себя делу борьбы за счастье народа. Подкрадась тяжелая болезнь, но он не сдавался и до последних дней был на своем посту. Командир гвардейского кавалерийского корпуса генерал-полковник П. А. Белов умер в Москве, комиссар 2-й партизанской дивизии Г. Г. Янузаков недавно скончался в Гродно, в 1965 году мы похоронили Ивана Тимофеевича Хотулева.

Многие из тех, о ком рассказано в этой книге, здравствуют и самоотверженно трудятся и поныне. Живет в Кишиневе Михаил Семенович Добрынин, бывший разведчик нашего полка, ставший впоследствии Героем Советского Союза. В партизанский отряд он вступил одним из первых, воевал в составе батальона Симуховича, а затем в батальоне под командованием Саши Андреева. Во время выхода беловцев на Большую землю Мишу Добрынина послали сопровождать в Дорогобужский район старшего командира. Выполнив задание, наш разведчик вернулся на базу полка, но партизан не нашел: мы к тому времени ушли в леса. Много мытарств перенес Михаил, пытаясь разыскать лазовцев. Ничего не добившись, больной, обессиливший юноша с трудом добрался до родной деревни. В то время партизанскому разведчику было 17 лет. Фашисты схватили Михаила, долго мучили, а потом как «беловца» отправили в лагерь для военнопленных. Вместе с группой военнопленных, бежавших из лагеря, Добрынин вырвался на свободу, а затем воевал на Ленинградском и 1-м Украин-

ском фронте. Михаил Добрынин захватил 16 «языков», был трижды ранен, а при форсировании Одера подбил шесть вражеских танков, за что и был удостоен высокого звания.

Александр Иванович Разговоров, Аня Семенова, Шура Радьков, Владимир Иванович Марков, Александр Семенович Живов, Петр Лазаревич Жаткин живут и работают в Москве. На родной Смоленщине заняты мирным трудом бывшие командиры батальонов полка имени Сергея Лазо Александр Андреев и Федор Пялов. Владимир Иванович Четыркин стал заслуженным учителем республики, является завучем Коробецкой средней школы. Яков Петрович Валуев — на партийной работе. Алексей Юденков трудится в колхозе. Вблизи Ельни живет Андрей Семенович Аниськов, многие годы после войны возглавлявший райисполком.

На Алтае в партийных органах работает Яков Семкин, в Киеве живет со своей и Володи Присовского дочерью Полина Козина...

И вот в то время, когда моя рукопись находилась в наборе, в Ельне, на местах бывших боев, встретились почти все ныне здравствующие герои книги.

По решению Смоленского обкома партии летом 1965 года по всей Смоленщине горели партизанские костры. В честь двадцатилетия победы над фашистской Германией состоялись партизанские слеты в Монастырщине, Слободе, Рославле.

В середине августа 1965 года в Ельне проходил слет партизан полков имени Сергея Лазо и имени 24-й годовщины РККА.

Из Москвы и Ленинграда, Киева и Минска, Одессы и Ростова, Кишинева и Волгограда, с Алтая и из Средней Азии съехались боевые друзья на встречу однополчан. В первые же минуты выяснилось, что многие, провоевав больше года в тылу врага под Ельней, ни разу не были ни в Смоленске, ни в самой Ельне.

Большая группа бывших партизан собралась в Смоленске, чтобы оттуда направиться в Ельню. Прежде всего мы пошли поклониться праху своего любимого командира — Василия Васильевича Казубского...

В тот же день на нескольких машинах партизаны направились в Ельню, по тому самому большаку Смо-

ленск — Починок — Ельня, на котором кипели жаркие бои зимой 1942 года. Вот и большое село Балутино. Здесь в мартовские дни 1942 года партизаны уничтожили более 300 оккупантов и 86 захватили в плен.

Надгробье братской могилы в Балутино лавочки украсили большими букетами полевых цветов... Машины пронеслись мимо известных читателю деревень Петрово, Леонидово, Шарипово... Вот наконец и Ельня.

Гостями трудящихся Ельнинского района и партизан были родные павших героев — брат Леонида Лукича Зыкова — Павел, брат Михаила Палшкова (Мишки-Сибиряка), жена и сын командира роты Леонида Ивановича Грошева, награжденного орденом Ленина, жена и сын Николая Рачкова (Кольки-Кума), сын Сергея Харламповича Самсонова — Василий, жена и сын Михаила Ивановича Андреевского и многие другие. Приветствовать бывших партизан прибыли командиры батальонов партизанского полка «13» Кирилл Новиков и Матяш, командир партизанской дивизии «Дедушка» Василий Исаевич Воронченко. Приехал на нашу встречу и командир кавалерийского полка из корпуса П. А. Белова полковник Фактор. Зимой 1942 года во время боев беловцев в тылу врага полковник Фактор был начальником гарнизона в освобожденном партизанами Дорогобуже. Среди гостей — бывший заместитель начальника Западного штаба партизанского движения генерал-майор А. А. Прохоров, командиры и бойцы дивизий, сражавшихся под Ельней в 1941 году, в том числе бывший командир моторизованной дивизии Иван Иванович Биришев, и другие.

Особенно много партизан прибыло на слет из Ельнинского и соседних с ним районов.

Нет слов, чтобы передать волнующую атмосферу слета и рассказать о незабываемых встречах.

Двадцать три года не видели мы друг друга. Теперь лавочки снова оказались вместе. Сколько в те дни было пролито скупых солдатских слез, сколько было рукопожатий, объятий, поцелуев!

Время сделало свое дело: постарели боевые друзья, но по-прежнему остались бодрыми, напористыми. Одни посвятили себя науке, другие трудятся на заводах, шахтах, в колхозах, школах, больницах.

Недалеке показалась высокая фигура Михаила Михайловича Андреевского. Это — сын партизана Михаила Ивановича и сам партизанский разведчик. Детство Миши Андреевского совпало с грозными годами войны, и вместо учебника он держал в руках автомат. Сейчас рядом с Михаилом Михайловичем его старшая дочь, впервые увидевшая «живых» партизан, о которых в далеком городе Волжском ей много рассказывали отец и бабушка.

Михаил Андреевский — шофер первого класса — любит свою профессию и гордится ею не меньше, чем кандидат технических наук, руководитель научно-исследовательского института, а в прошлом командир взвода разведки 3-го батальона Владимир Иванович Марков.

Вот в толпе мелькнуло до боли знакомое мужское лицо. Ну прямо вылитый Лука Меркурьевич Капитанов. Только чудес на свете не бывает... Это старший сын Капитанова — Женя, теперь уже Евгений Лукич. Мальчику было десять лет, когда на его глазах героически погиб отец, когда фашисты казнили мать и других родственников. Советская власть, за которую отдал жизнь Лука Меркурьевич Капитанов, не забыла о его детях.

Женя закончил Московский институт инженеров транспорта и ныне руководит одной из строек в Витебске.

Неразлучны, как и двадцать три года назад, партизанские разведчицы подруги Полина Козина и Аня Семенова. Много пришлось пережить драматургу Петру Жаткину, но он по-прежнему остроумен и бодр, хотя давно отпраздновал свое семидесятилетие.

Все так же строги и подтянуты генерал-майор А. А. Прохоров и полковник А. И. Разговоров.

Комбаты Я. А. Семкин, А. Г. Андреев, Ф. А. Пялов с озабоченным видом собирают бойцов и командиров своих батальонов для построения.

Раздается команда: «Полк, стройся!» Впервые лазовцы выстраиваются в одном месте. Пусть нас немного — чуть больше двухсот ветеранов, но мы всегда помним и свято бережем боевые традиции некогда могучего и грозного полка.

Герой Советского Союза Михаил Добрынин и его ассистенты Александр Радков и Алексей Юденков выносят боевое Знамя полка. Двадцать три года назад его

вышили жены командира и комиссара полка. Оно всегда было с нами в тяжелейших боях в тылу фашистов. В критическую минуту мы спасли Знамя и вывезли на Большую землю. Свыше двадцати лет находится оно в Смоленском музее. И вот сегодня боевое Знамя лазовцев снова развевается в голове колонны.

На площади, рядом с братским кладбищем, состоялась многолюдный митинг. Партизан приветствовали секретарь Ельнинского райкома партии А. М. Паршин и бывший партизан, ныне заведующий отделом Смоленского обкома партии В. П. Добровольский. Затем на трибуну поднялся бывший секретарь подпольного Ельнинского райкома партии Яков Петрович Валуев. Поседела и поредела его шевелюра, густая сетка морщинок залегла у глаз. Но по-прежнему звонок и тверд голос. Яков Петрович обратился к собравшимся с горячей, проникновенной речью. Он напомнил о боевых делах подпольщиков и партизан, перечислил имена многих патриотов — героев партизанской и подпольной борьбы.

Выступали комиссары полков, представитель Кировского района Москвы тов. Сухарев и многие другие. Партизан приветствовали пионеры, рабочие, колхозники, учителя, комсомольцы. После митинга мы возложили венки на могилы павших воинов и партизан.

Вечером недалеко от Ельни, в березовой роще, загорелись партизанские костры. Здесь собравшиеся узнали, что в честь двадцатой годовщины победы над фашистской Германией Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями большую группу смоленских партизан.

От имени Смоленского горисполкома многим участникам сleta были вручены памятные медали. Ельнинский райком партии и райисполком подготовили для партизан приветственные адреса и памятные подарки. До глубокой ночи не умолкали под Ельней партизанские песни.

На следующий день партизаны посетили места прошлых боев. Лазовцы направились в Старое Мутище, а наши боевые соседи — партизаны из полка имени 24-й годовщины РККА — в Замошье.

Жители Старого Мутища встретили нас хлебом-солью.

Эта деревня особенно дорога всем нам: там, рядом со школой, покоятся в братских могилах более ста двадцати партизан-лазовцев. Среди них комбат Петр Симухович, командир роты Леонид Иванович Грошев, бесстрашная разведчица, награжденная посмертно орденом Ленина Лидия Давыденкова и много других наших славных боевых товарищей. Приятно было увидеть, как замечательно ухаживают местные жители за могилами павших героев.

Наши земляки-ельнинцы вообще свято чтут все, что связано с памятью о бывших боях партизан на Смоленской земле. Например, жена бесстрашного партизана М. И. Андреевкова — Анна Семеновна, как драгоценную реликвию, хранит старенький обеденный стол, на котором в марте 1942 года Леонид Лукич Зыков разрабатывал план взятия партизанами города Ельни. За этим же столом многократно проходили заседания совета полка имени Сергея Лазо.

Ельнинские товарищи решили создать у себя в городе музей партизанского движения в районе. Я верю, такой музей будет создан.

Встреча партизан на Смоленской земле была не только встречей с нашим прошлым, это была встреча и с настоящим, и с будущим. На митингах в Ельне и в Старом Мутище было очень много молодежи — детей и даже внуков ветеранов-партизан. К ним были обращены наши слова, звучавшие, как клятва и завещание: *«Прошли годы. Глубокие морщины покрыли наши лица, головы побелели, но в сердцах по-прежнему горит огонь священной ненависти к любым врагам нашего дорогого Отечества. Пусть сейчас не так бьется наше сердце, как билось оно двадцать три года назад, есть у нас еще порох в пороховницах! И если кто-нибудь когда-нибудь попробует прикоснуться хотя бы мизинцем к священной советской земле, бывшие партизаны не отстанут от молодежи...»*

Придет время, и вы возьмете из наших рук знамя и понесете его по жизни. Мы завещаем вам нашу землю, ту землю, которую ваши деды и отцы полили своей кровью, которую ваши матери омыли морями слез, оплакивая погибших на войне.

Передавая знамя вам, молодым, мы верим, вы будете достойны своих отцов...»

Нынешняя молодежь должна знать, во имя чего наш народ понес неисчислимые жертвы, с каким великим достоинством вышел он из страшных испытаний, выпавших на его долю.

Великий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне высоко оценивали в свое время и буржуазные генералы. Американский генерал Стилуэлл, командовавший в конце войны сухопутными силами США, заявил, например, на массовом митинге в Нью-Йорке 31 мая 1945 года:

«Американцы выразят чувства собственных солдат, воздавая должное в особенности русскому солдату... Мы видели, как он гнал германскую армию обратно и очищал свою родину от захватчиков в самом великом и упорном в военной истории наступлении... Мы видели, как он вынес на себе всю тяжесть натиска немцев и разбил их. Он превзошел все достижения русских солдат в прошлых войнах, и все солдаты любой национальности горды тем, что они объединились с ним в этой войне. Весь цивилизованный мир должен особенно оценить заслуги центральной фигуры в этой борьбе — русского солдата».

Хорошо и правильно говорил американский генерал двадцать лет назад. Стоило бы помнить об этом нынешним генералам империалистических государств и различных военных блоков. Однако всякого рода фальсификаторы истории преднамеренно забывают о многом и пытаются в ложном свете представить борьбу советского народа, исказить ее цели, опорочить нашу партию и страну.

Особенно же усердствуют они в отношении партизанского движения, по поводу которого на Западе существует множество лживых версий. Да оно и понятно: ведь партизанское движение — важнейший показатель морально-политического единства советского народа, на слабость которого рассчитывал враг.

В Советскую Армию людей призывали по мобилизации, служба в армии и защита Отечества — священный долг каждого гражданина нашей страны. Что же касается партизан, то их ряды множились добровольно. И напрасно лжецы в мантиях ученых из стана теперешних наших недругов селятся доказать обратное.

Тем, кто забудет уроки истории и попытается развязать новую войну, придется иметь дело с оружием страшнее атомных и водородных бомб. Это оружие — беспредельная любовь советских людей к своей Родине, их верность идеям партии коммунистов.

В жестоких битвах с врагом советский народ завоевал себе право на мирную, счастливую жизнь. Чистое небо сияет над нашей Родиной, строящей коммунизм. И да будет оно таким вечно!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ельня — фронтовой город	3
Коммунисты готовятся к партизанской борьбе	18
Окружение под Вязьмой	38
Снова в Ельне	53
Ждать больше нельзя	71
Нас было восемь	83
Уже не отряд, а полк	97
Грозная сила	116
Фашисты лютуют	126
О нас знает Москва	132
Воюют не числом, а умением	139
Партизанские отряды занимают города	151
Трудная весна	169
Порубань и Шевелево	181
Беловцы	197
Блокада	213
Партизаны меняют тактику	226
Лазовцы продолжают сражаться	241
Последние дни Зыкова	249
Где же вы теперь, друзья-одинолчане?	260